НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Игорь Ермолов

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В НЕМЕЦКОМ ТЫЛУ

ИСТОРИЯ ЛОКОТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

1941—1943

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга кандидата исторических наук И.Г. Ермолова посвящена одной из наиболее интересных, но мало изученных проблем истории Великой Отечественной воины: созданию и функционированию особого государственного образования на оккупированной немцами советской территории — Локотского автономного округа (так называемой «Локотской республики» — территория нынешней Брянской и Орловской областей).

На уникальном архивном материале и показаниях свидетелей событий автор детально восстановил механизмы функционирования гражданских и военных институтов «Локотской республики», проанализировал сущностные черты идеологических и политических взглядов ее руководителей, отличных и от сталинского коммунизма, и от гитлеровского нацизма,

-
- Игорь Ермолов
  - ВВЕДЕНИЕ
  - УСАДЬБА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ РОМАНОВА
  - ОККУПАЦИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЛОКОТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
  - АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА ЛОКОТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
  - СОЗДАНИЕ НАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ, АГИТАЦИЯ, ПРОПАГАНДА, КУЛЬТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ЛОКОТСКОМ ОКРУГЕ
  - НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
  - ЭКОНОМИКА ЛОКОТСКОГО ОКРУГА
  - ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
  - ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НЕМЦАМИ
  - СОСТОЯНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАРТИЗАН С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ
  - БОРЬБА С ПАРТИЗАНАМИ
  - СОВЕТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ ПРОТИВ БРИГАДЫ КАМИНСКОГО
  - КАМИНЦЫ ПРОТИВ КРАСНОЙ АРМИИ
  - ПОСЛЕДНИЕ ДНИ «ЛОКОТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛОКОТСКОГО ОКРУЖНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172

- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217

- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226

Игорь Ермолов

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В НЕМЕЦКОМ ТЫЛУ ИСТОРИЯ ЛОКОТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ1941-1943

ВВЕДЕНИЕ

Пожалуй, самой интересной страницей истории гражданского и военно-политического коллаборационизма периода оккупации РСФСР была и остается тема Локотского автономного округа (далее — ЛАО) — административно-государственного образования на территории Орловской и Курской областей, просуществовавшего в течение двух лет — с 1941 по 1943 год. История ЛАО и созданных в его пределах антипартизанских вооруженных сил издавна привлекала внимание зарубежных исследователей. Что же касается отечественных историков, то они в течение всего советского периода оставляли эту тему, равно как и советский коллаборационизм вообще, за рамками своих исследований, полностью игнорируя ее как научную проблему. Это можно объяснить как недоступностью каких бы то ни было архивных источников, так и идеологическим ограничением на освещение всего того, что могло хоть в какой-то мере поколебать штамп о «морально-политическом единстве советского народа в Великой Отечественной войне».

Подходя к изучению периода оккупации, советская историческая наука, как, впрочем, и юриспруденция, руководствуясь сложившимися парадигмами, признавала за советскими гражданами, оставшимися за линией фронта, лишь две альтернативы:

1. Уйти в леса и вести партизанскую войну против немцев.

2. Умирать с голоду под гнетом оккупантов либо быть ими расстрелянными, замученными.

Все, что не вписывалось в рамки принятых в советское время норм, было принято считать сотрудничеством с врагом. Так, после освобождения оккупированных территорий уголовному преследованию подвергались не только бойцы и командиры антисоветских формирований, но и служащие органов полиции, обеспечивавшие правопорядок в населенных пунктах, работники органов местного самоуправления. Деятельность руководителей низовых структур (сельских старост, волостных старшин), а также работников школ, больниц, культурных учреждений, промышленных предприятий хотя в большинстве случаев и не подпадала под уголовное преследование, тем не менее считалась коллаборацией с врагом и подвергалась моральному осуждению.

По указанным причинам всякая попытка объективно исследовать коллаборационистские процессы на оккупированных территориях СССР немедленно пресекалась, так как вопрос о жизни наших соотечественников за линией фронта принято было

считать раз и навсегда решенным. Интересно, что попытки направить представление о жизни наших сограждан в период оккупации в нужное политическое русло проводились еще в период войны, непосредственно после освобождения оккупированных территорий от немцев. Так, секретный приказ по 11-й армии Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Майкова гласил: «При размещении частей и подразделений в населенных пунктах обращать особое внимание на недопустимость общения красноармейцев с освобожденным от фашистского ярма местным населением. Именно этим путем личный состав частей и подразделений получает совершенно неправильную и идущую вразрез с общими политическими установками Верховного командования информацию об условиях жизни населения под игом фашистских захватчиков»[1].

Что же касается исследования истории Локотского автономного округа, здесь дело обстояло еще хуже. По крайней мере, в нашей стране в советский период не вышло не только ни одной самостоятельной статьи, но не было и эпизодических упоминаний, позволивших назвать их хотя бы попыткой исследования происходивших здесь в течение двух лет процессов. Поэтому история Локотского автономного округа и созданной в его пределах Русской освободительной народной армии (далее — РОНА) оставались для советского читателя малоизвестными. Некоторое исключение составляла лишь мемуарная литература, рассказывавшая о деятельности органов госбезопасности в немецком тылу. Появляясь исключительно по заказу КГБ и пройдя через сито цензуры, мемуары бывших чекистов-партизан не отличались объективностью, воспроизводили явно сфальсифицированную картину событий. Все они упоминали историю ЛАО и РОНА в следующих ракурсах:

Создание округа было инспирировано оккупантами.

Созданные в его пределах воинские формирования были малочисленны и состояли исключительно из деклассированных элементов — пьяниц, уголовников, маргиналов.

Как создатели округа, так и члены его вооруженных формирований были «верными лакеями фашистов», исполняли исключительно их волю, не имели никакой самостоятельности.

Население округа стонало под игом оккупантов, повсеместно поддерживало партизан и ждало прихода Красной армии.

Кроме того, авторы мемуаров, судя по всему, имели установку представить жизнь населения на территории округа гораздо худшей, нежели на других оккупированных территориях СССР. То есть показать организаторов самоуправления и личный состав РОНА не просто фашистами, а фашистами «в квадрате».

Так, подготовленный издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» с помощью КГБ сборник «Чекисты» изображает Локоть в период существования округа как «очаг фашистского зловония», «гнойник», в котором «свила «осиное гнездо» кучка предателей советского народа»[2].

Интересно, что факт существования округа и его вооруженных сил нашел отражение даже в художественной литературе советского периода. В вышедшем в 1970-х годах романе «Вечный зов» А. Иванов упомянул Жереховский округ на Орловщине, возглавлявшийся бургомистром Лахновским, и созданную им «Освободительную народную армию». Судя по описанию А. Иванова, Лахновский, прототипом которого, несомненно, послужил Б.В. Каминский, обладал на территории округа неограниченной властью. Кроме того, со временем он добился независимости от немецких структур, поручивших ему «создать образцовый административный округ со своими полицейскими силами», чтобы можно было «рекламировать его как образец нового порядка в будущей России».

Вышедшее в это же время другое художественное произведение, прослывшее, по меткому выражению К.М. Александрова, «образцом советской бездарности», также не обошло вниманием тему Локотского округа и РОНА. Автор, старейший работник КГБ А.Н. Васильев, в предисловии к своему роману «В час дня, ваше превосходительство...» заметил, что в основе романа — «подлинные исторические факты и судьбы людей»[3]. Однако в стремлении преподнести происходившие в Локте события как можно тенденциознее Васильев объяснил появление округа и бригады политической подоплекой. Так, единственной чертой характера, приписанной автором Воскобойнику и Каминскому, была лютая ненависть к советской власти[4]. Что касается репрессивной системы округа, то от нее, по заверению Васильева, совершенно не страдали мирные жители, непричастные к коммунистической идеологии. Так, военный трибунал в Локотском округе был создан лишь «для расправы с коммунистами и комсомольцами», а локотская тюрьма была переполнена исключительно «коммунистами, комсомольцами, советскими работниками», да и то лишь «не пожелавшими присоединиться к освободительному движению»[5].

Таким образом, полное отсутствие научных исследований истории ЛАО не означало, что происходившие на территории округа процессы оставались для советского читателя полностью неизвестными. Мемуары бывших сотрудников госбезопасности и советских партизан пусть в преломленном свете, но все же давали основание считать, что существовавшее в южной части Орловской

области административное образование из восьми районов имело ряд отличий от других оккупированных территорий СССР.

Из зарубежных исследователей истории ЛАО и РОНА касались С. Штеенберг[6], А. Муноз[7], Й. Хоффман[8], И. Торвальд5, М. Купер[9] и др. Однако труды зарубежных ученых не отличались полнотой исследования. Во-первых, у зарубежных авторов не было возможности работы с советскими архивами, во-вторых, ими почти полностью игнорировались мемуары участников партизанского движения, что резко сужало источниковую базу исследований. К тому же в период холодной войны, на который пришлись их исследования, зарубежные историки оказались втянутыми в политические игрища, преподнося советский коллаборационизм почти исключительно как антисталинский протест. Представляя любой факт коллаборации с немцами граждан СССР как убежденную борьбу против большевизма, зарубежные авторы оказались неспособными детально исследовать всю глубину того, что происходило в 1941—1943 годах в южной части Орловской области.

В перестроечный и постсоветский периоды, вероятно, под влиянием проникавшей с Запада литературы, отечественные ученые впервые заинтересовались феноменом Локотского округа. Еще в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ», проникшей в СССР во второй половине 1980-х годов, А.И. Солженицын[10] указал на сам факт существования «Локотской республики» и ее вооруженных сил. Не будучи историком-исследователем, писатель тем не менее возбудил интерес исследователей к этому феномену, который, однако, не мог быть реализован в СССР в условиях существования партийного диктата. Первое упоминание о ЛАО и РОНА прозвучало у А.Н. Колесника[11] в виде обобщения того, что содержала на тот период зарубежная историография. Что касается серьезных объективных исследований, первенство в этом отношении принадлежит московскому ученому С.И. Дробязко[12]. Поместив в своей вышедшей в 1998 году книге «Русская Освободительная Армия» статью о РОНА, он заложил тем самым основы ее исследования. Ему же принадлежит опубликованная в сборнике материалов по истории русского освободительного движения в том же году статья о ЛАО и РОНА[13]. Несомненным достоинством автора является введение им в научный оборот ряда ранее неизвестных документов из фондов центральных архивов. В то же время работа содержит и серьезные недостатки в том плане, что исследователь, руководствуясь партизанскими источниками, придал характер достоверности сообщаемым в них сведениям без всякого их критического осмысления и сравнения с

документами Локотского самоуправления, что в некоторой степени снижает ценность исследования.

Выпущенная нами в 1999 году работа по истории ЛАО и РОНА стала дальнейшей попыткой исследования данной тематики[14]. Введенные в научный оборот документы позволили проанализировать как гражданские, так и военно-политические процессы на территории округа. Следующая наша объемная работа в соавторстве с С.И. Дробязко вышла в 2001 году в виде отдельной монографии. В ней было исследовано фактически все известное о ЛАО и РОНА на тот период[15]. А рецензия на нее К.М. Александрова[16] не только определила перспективы дальнейшей работы над темой, но и дополнила содержащиеся в монографии сведения. В числе исследований, в той или иной мере касающихся данной тематики, следует назвать, кроме того, труды М.И. Семиряги[17], который в своем фундаментальном труде упомянул Локотской округ в общем контексте коллаборационистских процессов, А.В. Окорокова[18], рассмотревшего процесс создания, структуру, боевое применение РОНА, К.К. Семенова[19], коснувшегося применения локотских вооруженных сил за пределами округа в составе войск СС, Б.Н. Ковалева[20], пересказавшего общие моменты истории ЛАО и РОНА, но, не углубившись в суть вопроса, оставшегося при традиционной оценке, Б.В. Соколова[21], построившего свое исследование феномена «Локотской республики» в основном на материалах окружной прессы. Работы указанных авторов сообщают ряд сведений о Локотском автономном округе, ранее неизвестных исторической науке, вводят в научный оборот новые документы. Однако нельзя не признать, что выводы данных исследователей зачастую отличаются субъективизмом, а недостаточность источниковой базы лишила авторов возможности всестороннего подхода к изучению событий, происходивших в 1941 — 1943 годах в южных районах Орловской области. Последняя работа С. Веревкина[22], часть которой автор посвятил истории ЛАО и РОНА, носит явно апологетический характер. В ней исследователь проводит параллель между жестокостями партизан и причинностью создания локотских вооруженных сил. Рисуя в основном правильную картину гражданских и военно-политических процессов на территории ЛАО, автор тем не менее допускает грубые неточности в написании имен собственных, что позволяет усомниться в том, что он соприкасался с первоисточниками. И.В. Грибков[23] в двух своих последних работах исследовал как военные, так и гражданские коллаборационистские процессы на территории ЛАО. Автор сообщает ряд интересных фактов касательно

деятельности Локотского самоуправления, локотских вооруженных сил, дает им объективную оценку. Причем последний труд, изданный в виде отдельной книги, значительно превосходит первый как по обилию новых интересных фактов, так и по качеству изложения, что свидетельствует о растущем профессионализме и научной перспективности автора.

Однако при анализе работ отечественных историков постсоветского периода, работавших над историей ЛАО и РОНА, представляется весьма странным, что никто из них, за исключением Б.Н. Ковалева, никогда не работал с материалами брянских архивов — ГАБО и ЦНИБО, в которых имеются фонды с множеством довольно ценных документов по исследуемой тематике, до сих пор не введенных в научный оборот.

Следует упомянуть также периодически появляющиеся в СМИ, в том числе электронных, короткие публикации[24], подготовленные на базе сомнительных источников, без справочного аппарата. Однако и они, становясь зачастую достоянием массового читателя, порождают нападки прокоммунистических политиков. Так, подлинный скандал вызвала появившаяся в «Парламентской газете» в годовщину начала войны статья С. Веревкина «Локотская альтернатива»[25]. Перепутав многие цифры и факты, в том числе название округа, автор тем не менее своей публикацией привел в негодование спикера Совета Федерации С. Миронова. Считается, что именно статья Веревкина и стала причиной увольнения главного редактора «Парламентской газеты». Своеобразно на данную публикацию отреагировал журнал «Родина», указав, что она вызвала «возмущение общественности». Ответная публикация В. Макарова и В. Христофорова[26], очевидно, носила задачу развенчать миф о Локотском округе и бригаде Каминского. Авторы, не будучи профессиональными историками, построили свое исследование почти исключительно на односторонних источниках — материалах уголовных дел бывших каминцев и сотрудников Локотского самоуправления. Бедная источниковая база, тенденциозная подборка материала, придание характера достоверности следственным материалам НКВД, возведение отдельных частных моментов истории Локотского самоуправления в общее правило — все это заставляет поставить под сомнение научную приемлемость публикации.

Эпизодические упоминания о ЛАО и РОНА, зачастую с грубыми неточностями, встречаются, кроме того, в общих работах по истории Второй мировой войны и советского коллаборационизма[27]. Ряд вышедших в последние годы работ отечественных авторов содержит более подробные сведения по

данной тематике, однако все они являются не чем иным, как плагиатом, подготовленным в основном с использованием нашей с С.И. Дробязко последней работы.

Кроме того, некоторые вышедшие за последние 10— 15 лет в России книги со сведениями по истории Локотского округа, хотя и претендуют на право называться научными работами, никакого отношения к историческим исследованиям не имеют. К таковым можно отнести «труды» С. Чуева[28]. Посвятив в своей книге «Проклятые солдаты» локотскому феномену главу, автор не сообщил в ней ничего нового, составив не более чем компиляцию, причем довольно неудачную. Механически соединив данные из работ других авторов, С. Чуев, очевидно плохо владея описываемой темой, внес в нее изрядную путаницу. Например, отнес к территории Локотского округа Клинцовский, Трубчевский[29] и другие районы, никогда не входившие в состав ЛАО. Краевед В. Катанов, не будучи профессиональным историком, посвятил в своей книге «Орловские были»[30] Локотскому округу несколько страниц, при этом упростив происходившие в Локте события до антисоветской деятельности одиночек. В частности, автор простодушно замечает: «В поселке Локоть засел бывший троцкист Каминский». Словом, не враг, а символ. Книгу бывшего дипломата из номенклатуры КПСС Ю. Квицинского[31], вынесенную на суд читателя как художественное произведение, можно было бы не включать в историографию вопроса, если бы не заверение автора, что она «написана на основе подлинных документов» и рассказывается в ней лишь о «реальных исторических событиях». В действительности же труд Ю. Квицинского упрощает деятельность бойцов РОНА до банальной уголовщины. Статья А. Дюкова[32] представляет собой механическое соединение разноречивых сведений из работ других авторов, вольный пересказ отдельных событий из истории ЛАО с акцентом, определенным просоветской идеологией нашего государства. Выводы А. Дюкова отличаются консерватизмом, что явилось следствием непрофессионализма автора. Так, исследователь отдает предпочтение следственным материалам НКВД, сообщенным в упомянутой работе В. Макарова и В. Христофорова, при этом никак не мотивирует свое пренебрежение или критическое отношение к другим видам источников. Не отличается особым профессионализмом в плане исполнения книга К. Залесского, одна из глав которой посвящена истории ЛАО. Так, выводы автора опережают фактологическую часть, а ряд утверждений автора не подкреплен никакими конкретными фактами, что низводит отдельные моменты работы до уровня беллетристики. И уж совершенной карикатурой на

историческое исследование выглядит опус бывшего редактора «Военно-исторического журнала» генерала В.И. Филатова, изображающего Каминского советским разведчиком, а Локотской округ — оплотом советской власти[33].

Таким образом, феномен «Локотской республики» и ее вооруженных сил нельзя назвать детально исследованным. Более полного анализа требуют причины, породившие столь резкий всплеск антисоветских настроений, идейная база округа, боевая деятельность локотских вооруженных сил, характер взаимоотношений между структурами локотского самоуправления и немецкими органами, а также ряд других сторон жизни локотского населения.

В настоящей работе указанные аспекты исследованы в более полной мере, для чего привлечен наиболее обширный, нежели ранее, круг источников, которые можно разделить на четыре группы:

1. Неопубликованные источники, представляющие собой как документы Локотского самоуправления, хранящиеся в Государственном архиве Брянской области (ГАБО), так и партизанские донесения, разведсводки, агитационные материалы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центра новейшей истории Брянской области (ЦНИБО). Для характеристики некоторых общих моментов, например состояния партизанского движения в целом, использованы документы Тверского центра документации новейшей истории (ТЦДНИ). Кроме того, в настоящей работе использован широкий круг уникальных документов из личного архива автора (личный архив И.Г. Ермолова — ЛАЕ), представляющих собой разведсводки, донесения, нормативные документы, пропагандистские материалы. Многие из них введены в научный оборот впервые.

Опубликованные источники, содержащиеся в различных сборниках, включающих агитационные материалы, партизанские разведсводки, отчеты о боевой деятельности партизанских отрядов, документы органов НКВД и КГБ[34].

Источники личного происхождения, к каковым относятся как опубликованные воспоминания участников партизанского движения, воевавших в южных районах Орловской области, и лиц, стоявших близко к происходившим там процессам[35], так и неопубликованные устные свидетельства партизан, бойцов РОНА, жителей ЛАО.

Периодические печатные издания, в том числе выходившие в годы войны. К ним относятся как советские, так и оккупационные газеты, освещающие те или иные моменты периода оккупации

южной части Орловской области. В послевоенное время вплоть до наших дней в периодической печати появлялись публикации о Локотском округе и РОНА. Однако, как следует из их содержания, целью авторов было не внести что-то новое в историческую науку, а поддержать сложившиеся в советском обществе парадигмы, которые дали заметную трещину в связи с ростом интереса к истории феномена Локотского округа[36].

В целом избранная источниковая база является достаточной и позволяет в значительной мере реконструировать процессы, происходившие в течение двух лет на территории округа.

В то же время автор не претендует на то, что данное исследование будет отличаться абсолютной полнотой и поставит окончательную точку в исследовании истории Локотского автономного округа и его вооруженных сил. Прежде всего потому, что полное исследование происходивших на территории ЛАО коллаборационистских процессов связано со значительными трудностями. Так, источниковую базу существенно ограничивает засекреченность большинства документов, хранящихся в архивах ФСБ, почти полное отсутствие мемуаров бойцов и командиров РОНА, невозможность контакта с офицерским составом бригады ввиду того, что на настоящее время почти никого из них не осталось в живых. Проживающие же в Брянской области бывшие рядовые бойцы РОНА не располагают сколько-нибудь значительными сведениями.

Что касается архивных документов Локотского самоуправления и командования бригады, исследователям доступна лишь незначительная их часть. Дело в том, что одним из последних своих приказов (№ 232 от 5 августа 1943 года) обер-бургомистр Б.В. Каминский распорядился уничтожить путем сжигания значительную часть документов самоуправления и бригады, за исключением финансовых документов, приказов, судебных приговоров[37]. Подлежащие сохранению документы вместе с бригадой были отправлены в Белоруссию, а затем — в Германию, где, по-видимому, исчезли.

Для исследования проблемы существования Локотского автономного округа и его вооруженных сил использован комплексный, то есть основанный на принципах историзма, подход к изучению рассматриваемого явления. Это означает, что причинность, возникновение и эволюция советского коллаборационизма на территории ЛАО рассмотрена в контексте происходивших как в границах округа, так и на других оккупированных территориях СССР событий. В работе использованы историко-сравнительный, историко-типологический методы и процедуры, способные облегчить

изучение обозначенной проблемы. Гражданские и военно-политические процессы на территории Локотского округа раскрываются при помощи проблемно-хронологического метода изложения материала.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в подготовке настоящего издания кандидату исторических наук К.М. Александрову (Санкт-Петербург); власовцу В.М. Алексашкину (пос. Локоть Брянской обл.); Ванессе Вуазэн (Париж); И.В. Грибкову (Московская обл.); Т.Н. Гришаевой (д. Лубенск Брянской обл.); кандидату исторических наук С.И. Дробязко (Москва); доктору исторических наук, профессору В.М. Живилову (Тверь); власовцу В.А. Комарову (с. Брасово Брянской обл.); академику Российской академии естественных наук С.Ф. Котову-Дарти (Тверь); В.А. Менякиной (пос. Локоть Брянской обл.); доктору исторических наук, профессору С.Т. Минакову (Орел); доктору исторических наук А.В. Окорокову (Москва); М.С. Орешкиной (пос. Локоть Брянской обл.); доктору исторических наук, профессору А.В. Посадскому (Саратов), В.П. Соловьеву (пос. Локоть Брянской обл.); Д.И. Чернякову (Брянск); майору милиции Р.В. Юрину (Тверь).

УСАДЬБА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ РОМАНОВА

Село Брасово расположено на юго-востоке теперешней Брянской области. Первые упоминания о нем в дошедших до нас документах относятся к 1496 году. По-видимому, село возникло как оборонный пункт, так как несколько позже, в период царствования Ивана Грозного, неподалеку от Брасова проходила юго-западная граница Московского государства. Она представляла собой ряд укрепленных линий, предназначенных для временного задержания неприятеля. Так, в Брасове находилась засека, за которой на земельном валу был возведен частокол. Эти искусственные сооружения дополнялись естественными препятствиями — реками, оврагами, болотами, а также растянувшимися на сотни километров непроходимыми лесами.

В 1741 году Брасовский стан, входивший в Комаричскую волость, обрел своего первого владельца — генерала Степана Федоровича Апраксина, будучи пожалован ему указом императрицы Елизаветы Петровны за военные заслуги. Апраксины владели Брасовом до 1882 года, когда действительный статский советник камергер Виктор Владимирович Апраксин продал имение великому князю Георгию Александровичу Романову за 4200 тысяч рублей, после смерти которого в 1899 году оно перешло к его младшему брату Михаилу Романову. Последний до 1904 года был наследником царского престола, пока у Николая II не родился сын Алексей.

На конец XIX века вотчина Романова имела площадь 107 238 десятин земли, располагалась на территории современных Брасовского, Комаричского, Навлинского иСуземского районов. Она включала 38 селений, в 1800 дворах которых проживало 9116 крестьянских душ мужского пола. Ввиду того что 60% территории вотчины занимали леса, подходившие к Десне и ее притокам Неруссе и Навле, местное население промышляло охотой, рыболовством, а древесина, сплавлявшаяся по рекам, выгодно продавалась в Киеве, принося большие доходы владельцам имения.

Будучи заинтересованными в повышении доходности своего имения, Романовы улучшили транспортные связи, добившись, чтобы строившаяся Московско-Киевско-Воронежская железная дорога прошла через их угодья на протяжении 37 верст. А чтобы заинтересовать строителей железной дороги, безвозмездно уступили им 263 десятины земли. Кроме того, были улучшены грунтовые дороги, проложено более пяти верст булыжных

мостовых. Так, дорогу, уходившую в сторону деревни Шемякино, обсадили по обе стороны стройными березами, на ней объезжали рысистых лошадей. Эта дорога стала местом конных прогулок Михаила Романова и его почетных гостей. До сих пор местные жители называют эту дорогу царской[38].

При Михаиле Романове находящийся в километре от Брасова поселок возымел новое значение. Чтобы попасть в него с основного тракта, надо было сделать поворот в сторону. Этот локоть дороги и дал название поселку. Оценив положение Локтя, Михаил Романов построил там двухэтажный деревянный дворец, перед которым разбил великолепный парк, на обустройство которого не жалел денег. Этот дворец и стал новой резиденцией великого князя, а в бывшем апраксинском дворце в Брасове по распоряжению Михаила Романова открылась почтово-телеграфная контора с центральной станцией телефонной связи с выходом на Орел, Москву, Санкт-Петербург. Здание дворца Апраксиных сохранилось до наших дней, теперь в нем размещается Брасовская школа-интернат. Помимо дворца телефонизированы были главная контора имения, многие хуторские хозяйства, лесничества, заводы и некоторые другие хозяйственные объекты. Таким образом, Михаил Романов имел возможность постоянно быть в курсе происходивших в Брасове и Локте событий, поддерживая телефонную связь с имением[39].

Что касается парка перед новым княжеским дворцом, его разбили на ровной местности с пологим уклоном в сторону прудков, а перед дворцом был устроен партер, представлявший собой открытую часть парка с газонами и скульптурами. К партеру примыкали участки парка, обсаженные стеночками стриженых кустов, здесь же располагались беседки, скамьи, прогулочные дорожки. Из высаженных в парке деревьев преобладали липа, пихта, береза, дуб, однако, по некоторым сведениям, здесь произрастали и экзотические породы деревьев.

В то время преобладал взгляд, что искусство может лишь подражать природе, ввиду чего парк, в котором гармонировали натура и культура — естественные зеленые насаждения и преобразования человека, назывался пейзажным парком. Регулярные посадки деревьев в некоторых местах чередовались с их свободной группировкой. Так, до наших дней сохранились березовая роща вблизи районной больницы, пихтовая куртина у центральной библиотеки, дубовая роща, простиравшаяся от оврага до конезавода.

Естественным дополнением парка стали прудки. Здесь был даже устроен бассейн для купания, вода в котором подогревалась, а неподалеку обустроили песчаный пляж. Прудки также стали

местом катания на лодках. Кроме того, как естественные, так и искусственные водоемы — всего 24 отдельных пруда с регулируемым режимом воды из основного пруда — служили для разведения рыб. Девять прудов имели глубину от 2 до 4 метров и общую площадь до 1 тысячи квадратных десятин. Из искусственно разводимых здесь рыб особую ценность имели таймень, лосось, сиг, форель, стерлядь, осетр, судак и лещ[40].

Как Романовы, так и их гости были большими любителями охоты, тем более что в окрестных лесах обитало много видов зверей. Это потребовало содержать большую псарню гончих собак, штат егерей, знавших места скопления зверей и птиц, их повадки. Кроме того, во дворце имелась большая коллекция ружей.

До наших дней местные жители рассказывают одну передающуюся из поколения в поколение историю охоты великого князя на медведя. Когда егеря выследили зверя, Михаил Романов захотел лично застрелить его, для чего подпустил его на довольно близкое расстояние. Однако в результате выстрела медведь был ранен и, разъярившись, бросился на охотника. Тот выстрелил вторично, но и этот выстрел не остановил зверя. В этот опасный момент на выручку хозяину подоспел егерь Афанасий Гладилин из брасовских крестьян. Его меткий выстрел в медвежью голову спас Михаилу Романову жизнь. После этого случая Гладилин был щедро награжден, а управляющий имением действительный статский советник Н.П. Лавриновский по приказу великого князя постоянно обеспечивал Гладилина всем необходимым.

Что касается хозяйственной и производственной деятельности в имении, основным ее направлением стала переработка леса. Так, Борковский лесотехнический завод перерабатывал пни, валежник, макушки и перестойный березовый лес в различные продукты сухой перегонки: скипидар, деготь, вар, древесный спирт, уксус, древесное масло, древесный уголь.

Вторым направлением деятельности имения стало коневодство, причиной чему — пожизненная страсть Михаила Романова к лошадям. Начав в молодые годы службу с низших чинов в кавалерии, Михаил стал большим знатоком и любителем рысаков. На великокняжеской ферме разводились не только чистокровные рысаки, но и лошади тягловых пород. Всего же здесь было около 70 голов лошадей, в том числе 30 маток и 3 породистых жеребца-производителя. Лошади Михаила Романова пользовались в те времена большим спросом[41].

Немалый доход приносило и пчеловодство. Великокняжеские пасеки включали около трехсот семей, где велись даже научные

наблюдения за развитием пчелосемей.

Что касается церковной и благотворительной деятельности, настоящей гордостью имения издавна был Плащанский мужской монастырь. В начале XVIII века монастырские угодья включали 2645 десятин. Из них усадебные и неудобные земли составляли 180 десятин, болотистые и сенокосные угодья — 325 десятин, около 2000 десятин было занято лесами и кустарником. Начиная с 1731 года при настоятеле монастыря Тихоне монастырские леса разделили, в зависимости от качества деревьев, на строевые и дровяные. Доходы от продажи леса давали монастырю большую прибыль.

Монастырская братия, кроме того, питалась за счет земли, сенокосов, семи мельниц, рыболовства, пасек. Позже монахи насадили два фруктовых сада площадью более семи десятин, что увеличило монастырские доходы. Один из монастырских садов в поселке Коммуна сохранился до наших дней благодаря регулярной подсадке новых плодовых деревьев.

Великие князья оказывали монастырю немалую благотворительную помощь. Так, по их указанию управляющий имением Н.П.Лавриновский помог братии приобрести паровую с локомобилем машину, которая использовалась для лесопилки, молотьбы, выбивки конопляного масла и других целей, что увеличивало монастырский доход. Помимо этого весьма доходны были дегтярный, свечной и кирпичный монастырские заводы, три пасеки.

Щедротами Михаила Романова пользовались и священнослужители всех восемнадцати церквей имения, получавшие бесплатное топливо, которым обеспечивались также вдовы, сироты, бедные семьи. На материальную помощь им тратилось до трех тысяч рублей в год. При имении находились богадельня и детский приют на 40 человек, в которых на содержание каждого человека тратилось до 60 рублей в год. В имении работала второклассная церковно-приходская школа, 30 земских школ, на содержание которых Михаил Романов выделял как материальные средства, так и бесплатное топливо. В январе 1897 года при главной конторе в Локте открылась школа для детей служащих, которая действует до сих пор как средняя школа № 1.

Неудивительно, что локотские крестьяне, будучи окружены заботой великих князей, не познали ни ужасов крепостного права, ни послереформенного разорения. Как бы то ни было, в пределы апраксинско-романовского имения не проникли народовольческие идеи, а революционные настроения, заразившие на рубеже XIX—XX веков значительную часть

населения Центральной России, не нашли на локотских землях никакой почвы для своего развития. Интересно, что в период революции 1905— 1907 годов, когда редкое имение избежало крестьянских погромов, на локотских землях не было зафиксировано ни одного случая поджогов или разграблений великокняжеского имущества.

После октябрьского переворота 1917 года положение изменилось. Логика разрушения столкнулась тогда с логикой целесообразности и полезности того, что на некоторое время осталось бесхозным. Вместе с тем заразившая российское крестьянство эпидемия растаскивания и присвоения господского добра на локотских землях возымела некоторую специфику: крестьяне не разграбляли романовский дворец, а скорее были движимы желанием сохранить его ценности, не дать им пропасть бесследно, быть уничтоженными. Зачастую им приходилось даже выступать защитниками дворцовых ценностей. Так, по свидетельствам локотских крестьян А.П. Павленко и М.П. Орловского, которые записал историк-краевед Б. Осипов, 9 января 1918 года жители Брасова и Локтя узнали о том, что из-за Неруссы идут погромщики из трех волостей, чтобы грабить великокняжеский дворец. Крестьяне, в том числе старики, женщины и даже подростки, вооружившись вилами и топорами, съезжались в Локоть, чтобы грудью отразить нападение. Когда погромщики узнали о противостоящих им силах защитников имения, они, не решаясь мериться с локотянами силами, остановились на опушке Георгиевской рощи недалеко от спиртзавода. Затем они были вынуждены разойтись по своим деревням, пригрозив, что в следующий раз придут снова, но уже всем уездом, однако свою угрозу не исполнили[42].

В свете этого весьма сомнительна характеристика, данная впоследствии локотскому населению начальником штаба партизанского движения на Центральном фронте старшим майором госбезопасности Матвеевым:

«В первые годы революции население района, в основном бедняцкое, со значительным числом неграмотных, находилось всецело под влиянием кулачества. Процветали воровство, пьянство, сравнительно высок был процент не имеющих определенных занятий. Суеверия, власть различных «плохих и хороших примет» царили[43], вплоть до последнего времени, даже среди местной интеллигенции»[44].

Сохранить же дворцовые богатства, несмотря на активность локотских крестьян, все же не удалось. С установлением советской власти у романовских ценностей появился более коварный враг, нежели распоясавшиеся погромщики. Так, уже в

начале 1918 года Брасовский волисполком решил наложить руку на имущество Романовых. Чтобы придать своим действиям видимость законности, под предлогом принятия мер по сохранению ценностей дворца он создал комиссию для проведения учета ценностей. Комиссией был составлен «Список столового серебра, имеющегося при Брасовском волостном исполкоме и принятого на учет от Михаила Романова». Уже из названия документа видно, что Брасовский волисполком лукавил. Михаила Романова в то время в Локте уже не было, и он никак не мог передать волисполкомовской комиссии свое имущество.

Описанные ценности были уложены в 18 ящиков с золотыми и в 32 ящика с серебряными вещами. Кроме того, комиссия изъяла хрусталь, фарфор, фаянс, бронзу, гравюры и скульптуры, представлявшие большую художественную ценность. Однако члены комиссии, среди которых не было тех, кто мог бы определить художественную ценность той или иной вещи, не проявили никакого интереса к ценным полотнам, изображающим царей династии Романовых. По-видимому, советчики посчитали, что, поскольку царская власть свергнута, портреты царей просто не нужны. Большая часть этих картин погибла, некоторые же были в наступившей неразберихе унесены крестьянами и спрятаны. Так, по свидетельству уже упомянутого историка-краеведа Б. Осипова, бывшего в 1960-х годах заведующим Брасовским районным отделом народного образования, однажды ему позвонила заведующая Кропотовской начальной школой А.З. Талалаева и сказала, что при ремонте здания школы строители нашли портрет Михаила Романова. Будучи упакован в плотную бумагу, он много лет пролежал между стеной и деревянной обшивкой бывшего помещичьего дома, в котором размещалась школа. Портрет хорошо сохранился, он был выполнен на твердом картоне и принадлежал, без сомнения, руке искусного художника. По понятным причинам Осипову не удалось забрать и сохранить портрет[45].

Не были учтены комиссией и исчезли также хранившиеся во дворце полотна академика русской пейзажной живописи Станислава Юлиановича Жуковского, который неоднократно гостил в Локте по приглашению графини Натальи Брасовой.

Описанные и упакованные волисполкомом ценности были перенесены в подвалы брасовской церкви, а для их охраны приставили сторожа с ружьем.

Вскоре локотским крестьянам вторично выпало встать на защиту дворцовых богатств. Случилось это в апреле 1918 года, когда попытку завладеть изъятыми ценностями предприняли анархисты. Прибыв на станцию Брасово на бронепоезде, они

потребовали сдать ценности, хранящиеся в церковных подвалах. В ответ местные жители заявили новым грабителям, что скорее умрут, чем отдадут кому-либо дворцовые богатства. Бронепоезд анархистов стоял на станции несколько дней с наведенными на Брасово орудиями. Анархисты угрожали обстрелять поселок, однако, узнав о вызванных из Орла частях Красной армии, были вынуждены удалиться[46].

Как видно, локотяне, столь самоотверженно защищая дворцовые ценности, тешили себя мыслью, что новая власть не даст им исчезнуть, сохранит как народное достояние. Однако вскоре все изъятое под усиленной военной охраной было отправлено в Москву. Предположение Б. Осипова о том, что романовские сокровища экспонируются в Оружейной палате, Эрмитаже, Третьяковской галерее и других музеях или хранятся в их запасниках, вряд ли верно. Вероятнее всего, ценности были либо разграблены советчиками, либо в период разразившегося вскоре голода их продали за границу[47].

Что касается локотского населения, согласно уже цитировавшейся докладной записке Матвеева, «в годы сталинских пятилеток район очистился от основной массы кулачества и от романовской дворцовой челяди. Однако идеологическое наследство последних заметно давало себя чувствовать и после, что несколько выделяло в невыгодную сторону этот район из среды соседних»[48]. Нетрудно себе представить, что стоит за словами об «очищении» района. Нет никакого сомнения, что в годы «сталинских пятилеток» по району прокатилась жесточайшая волна репрессий. Жертвами же стали не только кулаки, то есть зажиточные крестьяне, которых здесь было больше, чем где-либо еще, но и все те, кто в той или иной мере сохранил монархические настроения, приверженность старому режиму. Учитывая специфику дореволюционного быта локотян, подозревать в контрреволюции можно было практически каждого. В то же время, несмотря на предпринятые советской властью усилия, полностью «перековать» локотян на новый, советский лад так и не удалось, что и предопределило события, происшедшие здесь в период немецкой оккупации.

ОККУПАЦИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЛОКОТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

События, происходившие в начале войны в южных районах Орловской области, ни в коей мере не подтверждают привычные представления об общем патриотическом подъеме советского народа и мобилизации всех сил на отпор врагу. В уже упомянутой докладной записке начальника штаба партизанского движения на Центральном фронте старшего майора госбезопасности Матвеева и исполняющего обязанности начальника разведотдела майора Быстрова начальнику ЦШПД генерал-лейтенанту Пономаренко сообщается следующее:

«В первые же месяцы отечественной войны в Комарический, а особенно в Брасовский районы вернулось несколько десятков раскулаченных и высланных. Они, в расчете на быстрый приход оккупантов, уже присматривались к бывшей своей собственности, прикидывая, во что обойдется ремонт жилого дома, каким образом использовать «свою» землю, выгодно ли восстанавливать мельницу и т. д., нисколько не скрывая своих настроений от окружающих»[49].

В той же записке отмечалось, что «политическим центром контрреволюции в оккупированных районах Орловской, а в недавнем прошлом и Курской областях являлся с первых же дней оккупации поселок Локоть Брасовского района Орловской области»[50]. При анализе причин столь необычной ситуации констатировалось, что она «была предопределена обстановкой, сложившейся еще до момента фашистской оккупации». Так, по утверждению Матвеева, как уже отмечалось, население Брасовского района в период с революции до начала войны «находилось всецело (!) под влиянием кулачества», что «ни в малейшей степени не способствовало большевизации района»[51]. Тут же указывалось на сильные антисоветские настроения среди крестьян Брасовского района, засоренность местных партийных и советских организаций «чуждым элементом» и то, что в годы войны «по сравнению с соседними районами Брасовский район дал из числа партийно-советского актива относительно меньший процент партизан и относительно больший — предателей»[52].

30 сентября 1941 года 2-я танковая армия вермахта генерал-полковника Г. Гудериана при поддержке авиации начала наступление из района Путивля на Орел. Не встретив на своем пути серьезного сопротивления, уже 3 октября она достигла Орла.

В ходе продвижения основных сил 2-й танковой армии действовавший на ее левом фланге 47-й моторизованный корпус (17-я и 18-я танковые и 29-я пехотная моторизованная дивизии) повернул на северо-запад в направлении Брянска, устремившись навстречу соединениям 2-й полевой армии генерал-пол-ковника М. Вейхса. Последней при поддержке 2-го и 4-го воздушных флотов, а также действовавшей севернее 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Геппнера удалось в короткий срок проделать в советской обороне огромную брешь и выйти к Брянску. В результате оборонявшиеся здесь 3-я и 13-я армии Брянского фронта подверглись почти одновременным ударам 2-й полевой армии с запада и 2-й танковой армии с востока. 14 октября кольцо окружения сомкнулось. В результате южнее Брянска образовался огромный котел. Запертые в нем соединения двух советских армий вплоть до своей капитуляции 20 октября не прекращали попыток вырваться из окружения, реализовать которые удалось лишь немногим частям в наиболее слабых местах германской обороны[53].

Еще до того, как на улицы городов и сел Орловщины вступили немецкие танки, создававшаяся в течение двух десятилетий система политического, экономического и идеологического господства большевиков на местах рушилась подобно карточному домику. В последние дни накануне прихода немцев местные органы власти явно не контролировали ситуацию. Уже цитировавшаяся докладная записка Матвеева и Быстрова сообщает о том, что «эвакуируемые семьи партийного и советского актива провожались под свист и недвусмысленные угрозы со стороны распоясавшейся антисоветчины, а часть сотрудников учреждений упорно избегала, под различными предлогами' эвакуации»[54].

В условиях крушения советской власти местные советские и партийные органы строго выполняли директивы И.В. Сталина. Уже 3 июля 1941 года в своем выступлении «отец народов» призвал не оставлять противнику «ни килограмма хлеба, ни литра горючего». Покидая занимаемые немцами территории, партийные и советские руководители стали уничтожать имущество и продовольствие. Раздача не подлежащих эвакуации запасов местному населению была строго запрещена. Тем самым жители Орловской области обрекались на голодное существование. Так, из остававшихся на Орловщине к концу эвакуации 30 450 тонн зерна большевики сожгли 25 285. Сжигался и необмолоченный хлеб в скирдах. Безымянный мельник в разговоре с русским эмигрантом откровенно пояснил: «Ты что думаешь, красные для того палили, чтобы немцам не

досталось? Хе-хе... Совсем не для того! Они хорошо знали, что немцы голодными не останутся. Нет, добрый гражданин, они палили для того, чтобы нас оставить голодными и чтобы мы, значит, пожалели, как, мол, хорошо нам жилось под красными и как плохо теперь». Такая линия Сталина вполне согласовывалась с его отношением к населению СССР, с одной стороны, и собственному партийному курсу — с другой. По словам Д.А. Волкогонова, люди для Сталина «никогда не имели значения. Никогда! Сотни, тысячи, миллионы мертвых сограждан давно стали для него привычными»[55]. Приказав уничтожать продовольствие, предприятия, жилые дома, «отец народов» отдавал приоритет своим конкретным политическим целям, совершенно не считаясь с оставляемым на оккупированных территориях населением. Как заметил А.С. Казанцев, «все, что освобождалось от контроля «любимого вождя и учителя», должно было умереть голодной смертью. Идеалом Сталина было оставить выжженную пустыню и на ней таких же голых, голодных, обезумевших от ужаса людей. Если бы он мог, он потушил бы и солнце, чтобы доказать, что светить и греть оно может только при советской власти»[56]. «Горят склады, горят поля, горят села!» — ликовал 20 июля 1941 года сталинский придворный журналист И.Г. Эренбург.

17 ноября 1941 года вышел приказ за подписью Сталина разрушать и сжигать все деревни и населенные пункты в немецком тылу[57]. А 18 ноября 1941 года, даже отлично зная, что означала тактика «выжженной земли» для остающихся на оккупированной территории людей, Эренбург продолжал восторгаться: «Немцы нашли у нас пустые амбары, взорванные верфи, сожженные корпуса заводов. Вместо домов они завоевали щебень и сугробы»[58].

В обстановке крушения фронта и безвластия в покидаемых Красной армией районах крестьяне начинали делить колхозную землю. Они вооружались брошенным войсками в лесах и на дорогах оружием и создавали отряды самообороны с тем, чтобы защитить свои деревни от грабежей со стороны голодных солдат-окруженцев и уже начинавших разворачивать свою деятельность партизанских отрядов. По свидетельству Т.Н. Гришаевой, в деревне Лубенск Брасовского района в тот период действительно появлялись попавшие в окружение красноармейцы, Как правило, они ходили по домам, просили хлеба, а чтобы спастись, выменивали у местных жителей гражданскую одежду на обмундирование. Имели место случаи воровства, грабежей. Одного красноармейца, застигнутого на месте преступления, расстреляли свои же офицеры со словами: «Ты нас позоришь!»

Антисоветские настроения, связанные прежде всего с разочарованием в способностях военного и политического руководства, поставившего армию и государство на грань катастрофы, коснулись и части бойцов и командиров РККА, тысячами скитавшихся по брянским лесам после окружения. Многие из них уходили в окрестные деревни и нанимались там на работу, стремясь избежать немецкого плена. Другие переходили на сторону противника и шли на службу во вспомогательные части германской армии или в местную самооборону[59]. Часто именно окруженцы составляли наибольшую прослойку в организованной оккупационными властями полиции.

Все это было довольно характерно для оккупированной немцами в 1941 году территории Советского Союза, однако степень готовности населения к сотрудничеству с оккупантами была различной. Что же касается южных районов Орловской области, то, согласно справке Украинского штаба партизанского движения, «в первые дни оккупации в селах Орловской области всплыл на поверхность весь антисоветски настроенный элемент — кулаки, подкулачники, люди в той или иной степени чувствовавшие себя обиженными. Среди них была и часть сельской интеллигенции — учителя, врачи. Этот народ по-своему воспринял пришествие немцев, подбивал и остальной неустойчивый элемент села принять новый порядок как истинно народный, свободный от притеснений коммунистов»[60].

Одним из тех, кто при приближении линии фронта получил документы на эвакуацию, но не воспользовался ими, решив остаться на Орловской земле, стал преподаватель физики лесохимического техникума Константин Павлович Воскобойник, украинец по национальности.

Он родился в 1895 году в местечке Смела Черкасского уезда Киевской губернии в семье железнодорожника. В 1915—1916 годах К.П. Воскобойник учился на юридическом факультете Московского университета, затем участвовал в Первой мировой войне, уйдя добровольцем на фронт. В 1919 году он вступил в Красную армию, а спустя год, будучи демобилизован в связи с ранением, устроился на работу секретарем в Хвалынский военный комиссариат. Когда на Тамбовщине вспыхнуло крестьянское движение, вызванное недовольством суровыми мерами военного коммунизма, Воскобойник вступил в действовавший на территории Саратовской губернии отряд эсера Попова.

После разгрома отряда советскими частями особого назначения (ЧОН) Воскобойнику с подложными документами на имя Ивана Яковлевича Лошакова удалось бежать в Астрахань.

Здесь он вторично зарегистрировал брак со своей женой, наделив ее, таким образом, своей новой фамилией. В Астрахани чете Лошаковых удалось получить квартиру. Вскоре у них родилась дочь, также получившая новую фамилию родителей. Еще некоторое время Воскобойнику удавалось запутывать следы, переезжая сначала в Сызрань, затем в Нижний Новгород,пока в 1924 году они не оказались в Москве, где он окончил электромеханический факультет института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова и устроился на работу начальником электротехнических мастерских при Всесоюзной палате мер и весов. Однако новые проверки по-прежнему ставили Воскобойника перед угрозой разоблачения, осознавая неизбежность которого он в 1931 году добровольно явился в ОГПУ, в результате чего получил минимальный срок — три года. Освободившись, он переехал с семьей в Кривой Рог, затем — в Орск, а в 1938 году — в Локоть, где до начала войны преподавал физику в лесохимическом техникуме[61].

Знавшие К.П. Воскобойника отмечали, что он зарекомендовал себя как знающий свой предмет преподаватель, хороший организатор, владевший в то же время ораторским искусством. Так, один из его учащихся вспоминал позднее, как однажды администрация поручила Константину Павловичу выступить перед большой аудиторией учащихся с лекцией на тему «Новая книга». Несмотря на столь, казалось бы, неинтересную тему, Воскобойнику в первые же минуты удалось всецело завладеть вниманием слушателей. Среди коллег и учащихся Воскобойник, несомненно, пользовался авторитетом, ибо не отказывался ни от каких общественных поручений, кроме того, часто сам проявлял инициативу, например организовав в техникуме кружок технической самодеятельности[62]. Немецкий исследователь С. Штеенберг характеризует Воскобойника как человека выдающегося ума и одаренного оратора[63]. Единственным, что несколько подмывало авторитет Воскобойника, стало распространившееся среди студентов мнение о его принадлежности к еврейской нации. И хотя такие домыслы были абсолютно беспочвенны, они, как засвидетельствовал бывший студент техникума, впоследствии — участник партизанского движения Г.Т. Шныков (ныне проживает в г. Твери), прочно укоренились в сознании локотской молодежи. Ввиду этого представляется весьма странным, почему партизаны ни разу не попытались дискредитировать Воскобойника в глазах немцев. В местных же органах НКВД о нем сложилось представление как о лояльно настроенном к советской власти интеллигенте, человеке энергичном и в то же время высокого о себе мнения.

Искренне поверив в возможность освобождения с помощью германской армии от власти ненавистного режима, с падением которого, как он предполагал, будет дан зеленый свет всему тому, о чем раньше можно было только мечтать, считая, что основой жизни народа должен стать свободный труд, гарантированный государством, инженер увидел свою миссию в том, чтобы внушить населению, что теперь люди сами являются хозяевами своей земли, способными устроить жизнь по своему желанию.

4 октября 1941 года в Локте впервые появилась группа немецких мотоциклистов. Проследовавшая через поселок воинская часть оставила здесь небольшую группу связи. Наступило временное безвластие, в обстановке которого К.П. Воскобойник вдруг объявил друзьям, знакомым и бывшим студентам, что будет читать лекцию в помещении локотской больницы. Весть об этом быстро распространилась по поселку. Больничное помещение могло вместить не более нескольких десятков человек, но для растерявшегося поселка это, конечно, стало подлинным событием. Объявив «первое собрание граждан жителей поселка Локоть» открытым, Воскобойник произнес страшные и немыслимые ранее слова: «Двадцать четыре года мы не имели права говорить правду, и только сейчас, сбросив каторжные цепи рабства и лжи, можно послать проклятие злодею Сталину, затопившему кровью Россию».

Вероятно, не с приходом немецких мотоциклистов, а только с этими словами присутствующие поняли, что в жизни поселка произошли непостижимые изменения. Можно представить себе тот шок, который испытали слушатели, впервые в жизни открыто услышав то, за что еще совсем недавно можно было поплатиться свободой и жизнью. Кроме того, настоящим откровением прозвучали слова о том, что локотяне должны теперь сами брать в руки хозяйство и самостоятельно строить новую жизнь. Самостоятельно, то есть без Сталина, без НКВД, без коммунистической партии. Конечно, существовали еще и непонятные, немногочисленные немцы, но о них Воскобойник говорил достаточно туманно, потому что ничего конкретного и сам себе не представлял. Вряд ли приход немцев казался и его слушателям таким уж шокирующим. Тем более что информацию о них народу приходилось черпать не иначе как из советских источников, потерявших в их глазах всякое доверие. На фоне многолетних заверений советской пропаганды о «счастливой жизни» в СССР, непобедимости Красной армии, теперь стремительно уходившей на восток, о несокрушимости советской системы, в одночасье рухнувшей, вряд ли можно было доверять и информации о коварных завоевателях.

Напротив, повсеместно зарегистрированы совершенно не согласующиеся с привычным представлением об оккупации случаи ликования советского населения в связи с приходом германской армии. Так, А.С. Казанцев свидетельствует: «Города и села западной части России нередко встречали немецкие части с цветами и, по старинному русскому обычаю, с хлебом и солью, как освободителей и дорогих гостей. Празднично одетые крестьянские толпы с иконами и хоругвями выходили на околицу деревень, чтобы приветствовать своих освободителей»[64]. Что касается Локтя и прилегающих деревень, население, по свидетельству местной жительницы Т.Н. Гришаевой, встречало немцев скорее с любопытством. Никакого страха перед завоевателями у сельчан не было, так как немцы вели себя корректно: никого не обижали, не грабили, увидев на деревенской улице девушек, в шутку кричали: «Партизанки! Партизанки!» При этом смеялись.

Через несколько дней в Локте появились основные силы немцев. По указанию их командования было образовано местное самоуправление, а Воскобойник назначен старостой. Как именно, в какой обстановке проходило это назначение, неизвестно, однако можно с большой долей вероятности предположить, что Константин Павлович сам выдвинул свою кандидатуру.

Стремясь установить контакты с высшими германскими инстанциями, Воскобойник в декабре 1941 года направил своего единомышленника, инженера Б.В. Каминского в двухнедельную поездку в Орел к начальнику тылового района 2-й танковой армии (532-й тыловой корпус) генерал-майору Брандту за инструкциями «по ряду политических и военно-хозяйственных вопросов». Каминскому также предстояло убедить Брандта в наличии среди населения оккупированных районов большого количества людей, готовых помогать немцам и с оружием в руках бороться против коммунизма[65]. Одним из результатов этой поездки явилось преобразование Локотской волости в Локотской район под русским автономным управлением и назначение Воскобойника бургомистром[66]. Оставив несколько офицеров для связи, обеспечив население трофейным оружием и обложив его налогом, немцы вывели с территории района свои войска и комендатуры, фактически оставив его на произвол судьбы. Предоставленное самому себе население начало самостоятельную жизнь под руководством районного самоуправления, органы которого были размещены в Локте[67].

Можно выделить несколько совокупных причин, почему русским здесь были предоставлены широкие суверенные права, разительно отличавшиеся от тех, которыми они пользовались на

других оккупированных территориях. Прежде всего это связано с наличием в этой части брянских лесов значительного количества партизанских отрядов, созданных усилиями органов НКВД и руководимых исключительно его сотрудниками. На вооружении партизан были все виды стрелкового оружия, артиллерия и даже танки. Попавшие в окружение бойцы и командиры 3-й и 13-й армий Брянского фронта нередко, в стремлении избежать плена, с оружием в руках присоединялись к партизанам, доставляя им значительное пополнение. Германским частям и оккупационным учреждениям могла грозить постоянная опасность со стороны столь мощных партизанских сил. Вторая причина невмешательства немцев в дела Локтя состояла в том, что экономическая база района была сравнительно слабой и не представляла большого интереса для завоевателей. Промышленность, к тому же в значительной мере разрушенная при отступлении Красной армии, была ориентирована в основном на удовлетворение местных потребностей. Третья причина, пожалуй, самая существенная — необходимость обеспечения коммуникаций 2-й танковой армии, для чего немцам требовалось или распылить силы, оставив здесь значительный воинский контингент, или же возложить эту задачу на местное население, предоставив ему в обмен самостоятельность.

Ближайшим помощником Воскобойника в деле организации самоуправления и его заместителем стал Бронислав Владиславович Каминский, также имевший все основания негативно относиться к советской власти. О Каминском известно, что он родился в 1899 году в Витебской губернии. Его отец был поляком, а мать — немкой. В 1917—1918 годах Каминский учился в Петроградском политехническом институте, пока не вступил добровольцем в Красную армию. Демобилизовавшись после окончания Гражданской войны, он продолжил учебу в Петроградском химико-технологическом институте и одновременно работал на химическом заводе «Республика». В 1935 году в жизни Каминского, успевшего к тому времени обзавестись семьей и стать отцом четверых детей, начались неприятности. За критику коллективизации он был исключен из рядов ВКП(б), а в 1937 году арестован НКВД по обвинению в принадлежности к так называемой «чаяновской контрреволюционной группе», известной также как Трудовая крестьянская партия. Каминский отбывал срок в Шадринске, где работал в «шарашке» технологом по спиртопроизводству, а после освобождения в 1941 году был направлен на поселение в Локоть, где устроился инженером на местный спиртзавод[68].

Вполне вероятно, что в Локоть Каминского направили не

случайно. Примерно за год до освобождения он согласился на сотрудничество с НКВД, а Локоть, где значительную часть интеллигенции составляли политически неблагонадежные, как раз нуждался в максимально большем количестве осведомителей. По крайней мере, 17 июля 1942 года начальник НКВД по Орловской области Фирсанов докладывал начальнику 2-го управления НКВД Федотову: «28 марта 1940 года Шадринским НКВД Каминский был завербован секретным сотрудником под кличкой «Ультрамарин» для разработки ссыльных троцкистов». Судя по той же записке, Каминский, будучи в Шадринске, выполнял свою работу неплохо: «Всех их Каминский характеризовал в 1940 году как антисоветски настроенных, за исключением Прониной»[69].

Однако, поселившись в Локте, Каминский постепенно перестал оправдывать доверие органов. Та же записка Фирсанова характеризовала опального инженера следующим образом: «В период пребывания в поселке Локоть... по отзыву лейтенанта Гурова, агент к работе относился недобросовестно, задания точно не выполнял»[70].

При приближении фронта Каминский организовал эвакуацию имущества завода и рабочих, а также своей семьи, а сам остался ждать прихода немцев.

В отличие от интеллигента Воскобойника, Каминский обладал довольно крутым нравом, грубыми замашками, а кроме того, завышенной самооценкой и, вследствие этого, ярко выраженной склонностью к авантюризму. Побывавший весной 1943 года в Локте Р.Н. Редлих характеризует Каминского следующим образом: «Бывший инженер. Отсидел срок. После освобождения осел в Локоти с «минусом». Минус — это ограничение жить в определенных местах. Они были разные. Каминский имел минус сто, то есть живи в районном центре и больше никуда. Приход немцев он воспринял с радостью, что вполне естественно. Инженер-химик по профессии, зэк по воспитанию и отношению к советской власти, как у человека, прошедшего такие «университеты». Был он человек волевой, властный, командный, обращавшийся к любым средствам и приемам, в которых был воспитан и научен за проволокой. И с такой же психологией. Он стоял на позициях: все равно с кем, хоть с чертом, лишь бы большевиков резать. Хорошие немцы, плохие, а мне какое дело... Он был зверский антикоммунист, как сейчас говорят — пещерный»[71].

Амбициозность Каминского, постоянное стремление быть наверху привели к тому, что за время управления Локотским округом он сосредоточил в своих руках безраздельную,

неограниченную власть, в борьбе за которую не стеснялся никакими средствами. И если при Воскобойнике преобладала коллегиальная форма управления, то его преемник Каминский властвовал сугубо единолично, полностью скопировав авторитаризм советской системы. Тот же Р.Н. Редлих о методах правления Каминского заметил: «В Локотской округе Каминский завел строгий порядок и руководил очень жестко. С немцами заключил соглашение об их невмешательстве… Порядок, заведенный Каминским, в принципе был наш родной — советский»[72].

16 октября оккупационные власти официально утвердили Управление Локотской волости, в состав которого кроме Воскобойника и Каминского также вошли Степан Васильевич Мосин — бывший заведующий Брасовским районным отделом народного образования, исключенный в свое время из ВКП(б) и отбывавший в течение полутора лет тюремное заключение за «контрреволюционные действия», и Роман Тихонович Иванин — также в прошлом судимый уроженец села Брасово, занявший в самоуправлении пост начальника полиции.

Примечательно, что в Локте и близлежащих районах осталось немало педагогов, медиков, технических специалистов, большинство которых вызвалось работать для новой власти. Так, на ноябрь 1942 года в восьми районах Локотского округа работало 1338 учителей, по различным причинам избежавших эвакуации в советский тыл, а локотская система здравоохранения включала на тот же период 51 врача и 179 средних медработников[73]. М.С. Григоров, направленный для организации подпольной работы в Севский район Локотского округа, также отмечает значительное количество работников народного образования, не эвакуировавшихся и оставшихся на оккупированной территории. Причина этого, по мнению М.С. Григорова, кроется в том, что большому количеству учителей помешало эвакуироваться слабое здоровье, обремененность семьей[74], что выглядит неубедительно.

Вскоре успешными антипартизанскими действиями самоуправление во главе с Каминским, сменившим погибшего от рук партизан Воскобойника, завоевало расположение немецких военных властей. В итоге последние сочли справедливым поднять его статус и преобразовали Локотской район в уезд, с присоединением к нему территорий других районов. Одновременно германское командование рекомендовало Каминскому использовать экономический стимул, чтобы материально заинтересовать работников самоуправления, бойцов и командиров народной милиции. Уже 1 марта 1942 года

Каминский издал приказ № 53, гласивший:

«В знак своей благодарности командующий германскими силами приказал наделить всех работников района, командиров и бойцов вооруженного отряда — наделами земли с передачей в собственность конского состава. Больше того, нам переданы районы Суземский и Навлинский»[75].

Вскоре командование 2-й танковой армии передало во власть Каминского Комаричский район Орловской области и Дмитриевский район Курской области. Интересно, что в Брасовском, Навлинском, Суземском, Севском районах в 1930-х годах расселяли бывших заключенных лагерей, среди которых большинство было осуждено по политическим статьям. Ненавидя советский режим и коммунистов, они, без сомнения, быстро нашли общий язык с оккупантами, а впоследствии — с локотской администрацией[76].

В июле 1942 года приказом командующего 2-й танковой армией генерал-полковника Рудольфа Шмидта Локотской уезд был реорганизован в Локотской округ, население которого составило 581 ООО человек:

«Главнокомандующий Армией
№ 1023-42
Ставка 19.7.42
Бургомистру Локотского уезда —

Господину Инженеру Б. Каминскому

Настоящим я поручаю Вам организацию самоуправления в администр. округе Локоть и назначаю Вас командующим созданной в пределах этого округа милицией, на правах командира бригады войск милиции.

Ваш адм. округ охватывает, кроме района Локоть, районы Дмитриев, Дмитровск, Севск, Комаричи, Навля и Суземка.

Для решения вопросов военной подготовки, в качестве совещательного органа, Вам придается штаб инструкторов под руководством майора фон Вельтгейм. Майор фон Вельтгейм является одновременно офицером связи к главному административному округу Брянск и к штабу Армии. Для координации вопросов управления в соответствии с данными германским главным командованием установками, ему приданы административный чиновник, а для решения вопросов сельского хозяйства — руководитель по сельскому хозяйству.

Германским учреждениям, которые равным образом будут организованы в районах, приказано не вмешиваться непосредственно в дела управления. Они подчиняются исключительно майору фон Вельтгейм, и им надлежит ограничивать свою деятельность на помощи и совете. Я надеюсь, что таким образом в короткое время удастся дать стране самоуправление, охраняющее интересы крестьян и промыслов.

Что касается условий подчинения милиции Штабу фон Гильза, для совместной борьбы против партизан в лесах восточнее реки Десна, положение этим не изменяется.

Германский подлинник имеет подпись
Шмидт, Генерал-полковник,
Главнокомандующий
Точность перевода удостоверяется:

Зондерфюрер (К) — подпись»[77].

Интересно, что за два дня до выхода данного приказа начальник областного управления НКВД Фирсанов в уже цитировавшейся записке на имя начальника 2-го управления НКВД Федотова предложил расправиться с Каминским руками оккупантов: «Не считаете ли вы целесообразным выдать Каминского немцам как секретного сотрудника НКВД? Подписка его, выданная Шадринскому РО НКВД, у нас имеется»[78]. Почему это не было сделано, сказать трудно. Впрочем, даже если бы документы, изобличающие новоявленного обер-бургомистра, и попали в руки немцев, вряд ли это повлияло бы на отношение к нему Рудольфа Шмидта и его штаба.

Что же касается упомянутого приказа Шмидта, он был перепечатан всеми районными газетами округа и широко обсуждался среди населения. Так, «Дмитровская газета» в те дни писала:

«В предыдущем номере газеты от 25 августа помещен исторический приказ Главнокомандующего Германской армии № 1023-42 г. от 19-го июля 1942 года на имя бургомистра Локотского уезда господина Каминского.

Согласно этого приказа, организован автономный Локотской округ, в состав которого входит и наш Дмитровский район, Локотской округ является пока единственным округом, где все управление находится в руках русских. Германские учреждения на территории Локотского округа не вмешиваются непосредственно в дела управления округа и районов, они ограничивают свою деятельность лишь помощью и советами

руководителям округа и его районов.

На нашу долю, граждан Дмитровского района, выпало счастье быть включенным в состав Локотского округа и наравне с другими районами самим строить свое светлое будущее»[79].

С выходом этого приказа, то есть с июля 1942 года, глава Локотского округа Б.В. Каминский становится обер-бургомистром и одновременно комбригом, ввиду того что вооруженные формирования самоуправления (Русская освободительная народная армия) получили официальный статус бригады. Заместителями Каминского как обер-бургомистра стал Степан Васильевич Мосин, как командира бригады — Георгий Дмитриевич Белай. Должность начальника штаба бригады занял капитан Шавыкин, полицию округа возглавил Роман Тихонович Иванин. Бургомистром Локотского (впоследствии — Брасовского) района округа стал Михаил Иванович Морозов, состоявший до января 1943 года в должности старшины Брасовской волости.

По замечанию К.М. Александрова[80], служащие аппарата самоуправления представляли интересный срез местной элиты. Так, С.В. Мосин до войны был сначала директором школы, а затем — заведующим Брасовским РОНО, бургомистр Брасовского района М.И. Морозов — бухгалтером Брасовского райпотребсоюза, начальник планового отдела округа М.В.(Г.?) Васюков — председателем Брасовского райплана, старший юрист юридического отдела С.Н. Павлюченко — председателем Брасовского райисполкома, староста поселка Локоть В.И. Королев — членом ВКП(б), директором швейной мастерской и членом ВЦИК в 1929— 1934 годах. Тот факт, что советские активисты районного звена не эвакуировались, не пошли в партизаны, а оказались в администрации округа, может свидетельствовать о том, насколько сильны были антисоветские настроения в локотской среде. Якобы имевшее место «единство советского народа» в Брасовском районе не выдержало первой же проверки на прочность, на деле оказавшись не более чем пропагандистским штампом.

Именно благодаря столь богатому потенциалу интеллигенции, о котором другие оккупированные районы могли только мечтать, Воскобойнику, а затем Каминскому менее чем за год удалось создать вполне дееспособный управленческий аппарат. Антисоветские настроения, поразившие население Брасовского и близлежащих районов во всем его вертикальном разрезе — от интеллигенции до простых крестьян — привели к тому, что в администрации Воскобойника и Каминского оказались не эмигранты, не маргиналы, а опытные руководящие

кадры. Импровизация по созданию управленческих структур оказалась вполне удачной: если в других оккупированных районах Советского Союза органы местного самоуправления были способны решать узкий круг вопросов, являясь лишь вспомогательными придатками немецких комендатур, то Локотское самоуправление показало свою удивительную живучесть, в течение двух лет руководя абсолютно всеми сферами жизни округа с более чем полумиллионным населением.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА ЛОКОТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Административная система Локотского окружного самоуправления во многом повторяла систему, практиковавшуюся в других оккупированных областях, с той лишь разницей, что вся полнота власти на местах принадлежала здесь не немецким комендатурам, а органам местного самоуправления, нижестоящие из которых были ответственны перед вышестоящими.

Каждый из восьми районов округа имел районную управу во главе с бургомистром. Чтобы получить представление об аппарате районного самоуправления, а также о подчиненных ему инстанциях, обратимся к официальному списку сотрудников Локотского районного самоуправления по состоянию на 1 февраля 1943 года, включавшему:

Отдел самоуправления — 27 человек: секретарь, машинистка, бухгалтер, счетовод, заведующий киоском, старостник, пять конюхов, дорожный мастер, заведующий ветлечебницей, завхоз, плановик, зоотехник, делопроизводитель, два сапожника, начальник заготовительного отдела, медсестра, санитарка, старший приемщик, бухгалтер финансового отдела, огородник, инспектор госбюджета, инспектор госконтроля;

Канцелярию бургомистра — 5 человек: бургомистр, переводчик, шофер, две уборщицы;

Управление Брасовского поселкового старостата (подчинялось непосредственно локотскому районному бургомистру) — 13 человек: староста, делопроизводитель, счетовод-кассир, налоговый агент, заведующий жилищным фондом, начальник полиции, полицейские — 4 человека, уполномоченные — 2 человека, машинист электростанции;

Полицию Локотского района — 5 человек: начальник полиции, полицейские — 2 человека, агент уголовного розыска, начальник паспортного стола;

Больницу — 10 человек;

Кропотовский барак — 5 человек;

Отдел агитации и пропаганды — 2 человека;

Административный отдел — 3 человека: делопроизводитель ЗАГСа, пожарный инспектор, полицейский;

Земельный отдел — 3 человека: заведующий отделом, агроном, землеустроитель;

Ветеринарный отдел земельного отдела — 2 человека;

Заготовительный отдел — 3 человека;
Дорожный отдел — 2 человека[81].

Район делился на пять-шесть волостей, каждая из которых управлялась волостным управлением во главе с волостным старшиной. Волостной старшина имел заместителя и писаря, ему же подчинялись начальник волостной полиции и мировой судья. У волостного старшины была печать, он являлся полным хозяином на территории своей волости.

Первичной административной единицей была сельская община, членами которой считались все граждане одного села, постоянно проживающие в нем. Во главе сельской общины стоял сельский староста, имевший в подчинении заместителя, писаря и нескольких полицейских. Каждая деревня была разбита на участки, ответственность за каждый из которых нес назначенный старостой десятковый. Любой местный начальник, будь то сельский староста, волостной старшина или районный бургомистр, имел свой административный аппарат и был безраздельным хозяином на вверенной ему территории. Управление в населенных пунктах осуществлялось в большинстве случаев в административном порядке. Низшее звено системы самоуправления — сельские старосты — избиралось на сельских сходах, а высшее — начиная с волостного старшины — назначалось вышестоящими органами. Что касается термина «Локотская республика», встречающегося применительно к Локотскому округу как в исследовательской, так и в мемуарной литературе, то следует признать, что элементы республиканского правления наблюдались лишь на низовом уровне — в масштабе сельских населенных пунктов. Так, сельские старосты выдвигались на всеобщих сходках и избирались всенародным голосованием, причем нередко выборы были альтернативными, в отличие от других оккупированных областей, где выборы старост носили формальный характер, лишь закрепляя назначение старостой человека, выдвинутого на эту должность немцами. Даже подпольные комсомольские организации вынуждены были признать наличие элементов республиканского правления, в частности выборности старост на демократической основе, в деревнях округа. Так, согласно отчету секретаря Навлинского райкома ВЛКСМ О. Карповой, составленному не раньше 1 сентября 1942 года, в деревне Думча волостной старшина, проводя собрание по выборам старосты деревни, усиленно пытался протолкнуть на эту должность своего человека. Однако, несмотря на его старания, жители избрали другого, более уважаемого человека[82].

Помимо выборов сельских старост, практически в каждом населенном пункте проводились всеобщие сходки, на которых старостой с учетом мнения населения решался широкий круг вопросов внутренней жизни населенного пункта от борьбы с партизанами до административных и хозяйственных. Так, 15 декабря 1942 года на сходке общества Апаж Шаровского волостного управления Севского уезда присутствовало 36 человек, обсуждались следующие вопросы:

О вылавливании партизан;

О кражах и хулиганстве;

О распределении урожая;

О заготовках;

О проходящих людях[83].

Высшая власть на территории округа была сосредоточена в руках обер-бургомистра Б.В. Каминского. Он возглавлял окружное самоуправление и одновременно являлся командиром бригады народной милиции. Обер-бургомистр, резиденция которого находилась в бывшем дворце великого князя Михаила Александровича Романова, правил округом как полновластный монарх, сосредоточив всю власть в своих руках.

Позже центральная газета округа «Голос народа» дала Каминскому следующую характеристику:

> «Ум, энергия, талант — вот качества, необходимые для руководителя. И этими качествами Обер-Бургомистр Округа Каминский обладает в совершенстве. Но кроме этих, есть другие качества: необыкновенная выносливость и трудоспособность. Часто удивляешься, как человек после нескольких бессонных ночей, может так четко работать днем. Ночью Каминский — Комбриг. «В Холмецком — наступление». «На «Майском Жуке» — бой». И вот ночь или у телефона, или на фронте. Днем Комбриг превращается в Обер-Бургомистра и решает вопросы хозяйственной жизни. А жизнь хозяйственная и военная связаны тесно одна с другой. Без правильного руководства хозяйством не будет хлеба, без хлеба не будет армии. Нужно работать. И работа кипит. Сложная хозяйственная и военная машина работает четко, она находится в верных и сильных руках»[84].

Аппарат окружного самоуправления включал в себя 19 отделов: промышленный, земельный, финансовый, заготовительный, торговый, коммунального хозяйства, дорожно-транспортный, труда, военный, административный, агитации и пропаганды, просвещения, здравоохранения, соцобеспечения,

плановый, связи, центрального учета, юридический, государственного контроля[85]. Подведомственные им отделы имелись в районных управлениях, при которых находились соответствующие инспектора (по промышленности, финансам и т. д.). Огромный административный аппарат Локотского самоуправления, хотя и повторял в себе многие черты советских исполкомов, был фактически создан заново, в то время как районные управления создавались на базе советских учреждений, почти без смены их кадрового состава.

Управление округом осуществлялось посредством издания приказов по Локотскому окружному самоуправлению, касавшихся абсолютно всех сфер жизни и самых разных вопросов — от организации новых воинских частей и привлечения к суду нерадивых чиновников до выделения из волостных фондов муки для изготовления печенья в подарок детям к Рождеству. Анализ этих приказов позволяет заключить, что ни о каком принципе разделения властей, необходимом для правового государства, на территории жившего по законам военного времени Локотского округа не могло быть и речи. Так, судебная власть не отличалась какой-либо независимостью, а выполняла скорее роль инструмента в руках законодательной власти, ибо со стороны Каминского были обычными факты вмешательства в деятельность судов, давления на них, отмены вынесенных приговоров с подменой их собственными решениями. Для наглядности приведем приказ Каминского № 135 от 17 ноября 1942 года «О борьбе с пьянством»:

«Несмотря на мой приказ, а также на приказ начальника окружной полиции г-на Иванина о недопустимости пьянства и изготовления самогона в округе, — приказ этот до сих пор выполняется недостаточно.

Рассматривая пьянство, самогонокурение и торговлю самогоном (особенно в управлениях и государственных учреждениях) как тягчайшее преступление, приказываю:

Все дела по пьянкам и самогонокурению рассматривать в трехдневный срок.

Лиц, виновных в изготовлении самогона, и лиц, употребляющих его при исполнении служебных обязанностей, судить по ст. 45 П.П. через военно-полевые суды, вплоть до расстрела виновных.

Приговоры, представленные мне Навлинским военно-полевым судом, по делу обвинения граждан Мосина Т.В. и Салтанова, совершивших на почве пьянства убийство и ранение и присужденных к 5 годам тюремного заключения, — отменить как слишком мягкое наказание, заменив его расстрелом.

Оба дела направить на доследование для привлечения к ответственности и других лиц, причастных к убийству и ранению.

Предупреждаю всех начальников полиции, старост сел и деревень, а также волостных старшин, что в случае обнаружения на селе самогонного аппарата и изготовления на селе вина, — виновные будут привлекаться к ответственности вместе с лицами, изготовившими самогон по ст. 45 П.П. т. е. к расстрелу.

Настоящий приказ поместить в газете. Все волостные старшины и районные бургомистры должны объявить этот приказ под расписку старостам сел и старшинам волостей.

Наблюдение за выполнением настоящего приказа возлагаю на начальника Окружного Юридического отдела г-на Тиминского и начальника Окружной полиции г-на Иванина, а также на начальников полиции районов и волостей»[86].

Судебная система Локотского округа имела многоступенчатую структуру. Низшей ступенью были мировые суды при волостных управах, которые разбирали мелкие дела, связанные с взаимной тяжбой, а также дела по обвинению в таких преступлениях, как самогоноварение или хулиганство. Аналогичные дела разбирались районными (уездными) судами. Кроме того, существовали районные мировые суды. Волостные мировые судьи вели процессы единолично, а мировые суды районов рассматривали дела в составе мирового судьи и двух судебных заседателей. Кандидатуры последних представлялись районными бургомистрами из числа не перегруженных основной работой сотрудников районных или волостных администраций. Судьи районных мировых судов представлялись окружным отделом юстиции, после чего кандидатуру каждого из них утверждал бургомистр соответствующего района[87]. Во главе судебной системы округа стоял окружной суд (председатель — Курятников, секретарь — Васильев), который являлся кассационной инстанцией по отношению к нижестоящим районным судам.

Судебные заседания проходили, как правило, открыто, а нормативную базу составляли приказы обер-бур-гомистра и инструкции окружного юридического отдела, возглавляемого Тиминским.

Анализ судебной хроники позволяет сделать вывод о том, что основным видом наказания, как за административные проступки, так и за уголовные преступления, был денежный штраф. Так, в августе 1942 года Севский уездный суд присудил оштрафовать на 500 рублей уборщицу хлебозавода М.А. Дежкину за систематическую кражу хлеба с целью перепродажи. На такую же сумму была оштрафована и А.С. Фетисова, нанесшая

металлической цепью побои Н.Н. Лукановой. Заслуживает внимания то, что зачастую приговоры отличались значительной мягкостью. Так, 7 августа 1942 года перед Севским уездным судом предстал бывший староста деревни Семеновка Стрелецкой волости Севского уезда М.И. Андреев. Как сообщала судебная хроника, «суд установил, что Андреев недобросовестно относился к своим обязанностям, имел тайную связь с партизанами через посредство Осиповой С.В., сеял панику среди населения. Суд постановил: подвергнуть М.И. Андреева 3-х месячному лагерному отбыванию в г. Севске»[88]. Максимальный размер штрафа ограничивался 1000 рублями, а присуждавшиеся сроки исправительных работ — шестью месяцами.

Преступлениями, носившими политический характер и трактовавшимися как измена Родине, занималась военная коллегия Локотского округа (военно-следственный отдел) во главе с бывшим участником махновского движения Г.С. Працюком. После завершения следствия уголовные дела обвиняемых в политических преступлениях передавались на рассмотрение в военно-полевой суд округа (председатель — Мосин, члены суда — Гарбузов и Шавыкин). Перед военно-полевым судом Локотского окружного самоуправления представали пленные партизаны, их сообщники из числа местного населения, дезертиры из рядов Народной армии. К перечисленным категориям применялись следующие виды наказаний: смертная казнь через повешение или расстрел — для партизан, от 3 до 10 лет тюрьмы — для лиц, оказывавших содействие партизанам, 3 года с конфискацией имущества или без нее — для дезертиров. Приговоренные к заключению отбывали наказание в Локотской окружной тюрьме, находившейся в ведении Окружного управления юстиции. По окончании сроков заключения освобождаемые получали справки установленного образца за подписью начальника тюрьмы[89].

Отличительной чертой судебной системы Локотского округа стало то, что ее судам были подсудны абсолютно все дела от гражданских до тяжких уголовных и политических, в отличие от других оккупированных областей, где суды разбирали лишь гражданские и мелкие уголовные дела, а тяжкие и политические преступления наказывались немецкими властями по законам военного времени. На территории же округа никаких «чрезвычайных» мер по отношению к преступникам не допускалось[90].

Репрессивная деятельность носила во многом щадящий характер, что подтверждается многими распоряжениями обер-бургомистра Каминского. Для наглядности приведем приказ №

118 по Локотскому окружному самоуправлению от 20 апреля 1943 года:

«В ознаменование дня рождения Фюрера Адольфа Гитлера, амнистировать следующие группы заключенных, содержащиеся в местах заключения Локотского Округа:

1. Все лица, осужденные и содержащиеся при рабочих камерах, получают полную свободу.

Имеющие сроки наказания до 3-х лет переводятся в рабочие камеры с сокращением срока наказания наполовину.

Бойцы и командиры Народной Армии, осужденные за нарушение дисциплинарного устава, полностью освобождаются от наказания и поступают в распоряжение Штаба Бригады.

Всем остальным категориям, осужденным на сроки от 3-х до 10 лет, наказание сокращается наполовину.

Амнистия по настоящему приказу проводится с учетом уже отбытого наказания.

Действие настоящего приказа на осужденных по ст. 45 не распространяется»[91].

Иначе оценивает репрессивную деятельность в Брасовском районе послевоенный акт комиссии по установлению фактов зверств немецких оккупантов по Брасовскому району от 22 октября 1945 года. Однако следует заметить, что данный документ носит резко односторонний характер, ибо не содержит даже намека на причины репрессий. Ввиду упорного замалчивания факта существования Локотского автономного округа и РОНА исполнителями репрессий названы немцы. При указании количества погибших граждан все они названы расстрелянными. Число погибших в период боевых действий, которое должно быть весьма значительным, не приводится, как не приводятся и жертвы бомбардировок городов и поселков Локотского округа (Локоть, Навля, По-чеп) советской авиацией[92]. Несмотря на то что большое количество мирных жителей гибло от рук партизан (в основном члены семей бойцов РОНА и население деревень, оказывавших партизанам противодействие), все жертвы списаны на счет немцев. В общую цифру погибших советские органы, по-видимому, включили и каминцев, павших в боях с советскими партизанами:

«По Брасовскому району замучено и расстреляно 5397 мирных граждан... Массовое истребление мирного населения началось с первых дней немецкой оккупации.

В поселке Локоть немцы организовали тюрьму, в которую сажали мирных граждан и группами расстреливали.

В марте 1943 года немцы расстреляли в поселке Брасово 40 мирных граждан.

Осенью 1943 года в последние дни своего пребывания в районе немцы расстреляли в погребной даче более 2500 мирных граждан — женщин, стариков и детей окружающих сел, на полях конесовхоза — 1500 человек, в районе Шемякинской дачи — 75 человек...»[93]

Обратим внимание, что наибольшее количество погибших —-4075 человек — приходится на осень 1943 года (5 сентября войсками РККА были освобождены Локоть и Брасово, 6 сентября — Суземка, 7 сентября — Навля), то есть на те дни, когда бригады Каминского на территории округа уже не было. Поэтому, принимая во внимание тот факт, что части РОНА 26 августа 1943 года были эвакуированы за пределы округа в Белоруссию, нет оснований не доверять словам акта, что исполнителями массовых расстрелов являются именно немцы. Если прибавить к указанному количеству 1500 человек, расстрелянных с января 1942 по август 1943 года А.М. Макаровой, о которой пойдет речь ниже, то мы выходим на общую цифру погибших, указанную в акте.

Сходные цифры фигурируют и в акте от 27 сентября 1943 года, составленном по распоряжению Брянского обкома ВКП(б):

«На территории Брасовского района с 4 октября 1941 года по 5 сентября 1943 года уничтожено мирного населения 5395 человек, из них: — расстреляно 5245 человек, в местах — поле конезавода № 17 — 2000 человек, в Вороновом логу Городищенский № 1 сельсовет 800 человек, в противотанковых рвах с. Хутор-Холмецких Кузнецкого сельсовета — 95 человек, в лесу Погребской дачи 2500 человек. Повешено на территории района 150 человек»[94].

По другим районам округа цифры погибших гораздо ниже. В частности, по Суземскому району убито 1096 человек, в том числе 223 человека в Суземке[95], по Комаричскому району — 943 человека[96], по Навлинскому району — 2539 человек[97].

Что касается непосредственного исполнения смертных приговоров, особой жестокостью прославилась А.М. Макарова, о которой следует рассказать подробнее.

Антонина Макаровна Макарова (Парфенова)[98] родилась в 1923 году. Будучи призвана на фронт в качестве санинструктора, осенью 1941 года оказалась в окружении в Вяземском котле. Вместе с солдатом-окруженцем Николаем Федчуком Макарова три месяца скиталась по лесам, пытаясь пробиться к частям Красной армии или найти партизан. В январе 1942 года они вышли к деревне Красный Колодезь Локотского уезда, где Федчук признался, что в деревне у него жена, дети и он намерен идти домой, после чего оставил Макарову, предложив ей самой о себе

позаботиться. В Красном Колодезе Макарова несколько дней скрывалась у местных жителей, но однажды на околице деревни была задержана бойцами самообороны и доставлена в Локоть. После короткого допроса Макаровой предложили стать палачом Локотской окружной тюрьмы, расположившейся в конюшнях Локотского конезавода, расстреливать партизан и их пособников из пулемета, на что она согласилась. Очевидно, Макарова тем самым осуществила свою давнюю мечту, высказанную во время скитаний по лесам тому же Н. Федчуку: «Меня в медсестры призвали, а у меня другая мечта была — я хотела на пулемете строчить, как Анка-пулеметчица из «Чапаева». Правда, я на нее похожа? Вот когда к нашим выберемся, давай за пулемет попросимся...»

Одновременно Макаровой выделили комнату в одном из помещений бывшего конезавода и выдали пулемет, который она хранила у себя дома.

Как следует из показаний Макаровой, данных на допросе в управлении КГБ по Брянской области после войны, на первый расстрел она вышла сильно пьяной, совершенно не понимая, что делает. Расстреляв пулеметными очередями несколько человек, Макарова получила за это 30 немецких марок и стала работать палачом на постоянной основе. В 1978 году после ареста она пояснила, что никто из бойцов РОНА до этого не соглашался расстреливать партизан и членов их семей, ввиду чего она стала незаменимым человеком. А о своем отношении к такой «работе» рассказывала:

> «Все приговоренные к смерти были для меня одинаковые. Менялось только их количество. Обычно мне приказывали расстрелять группу из 27 человек — столько партизан вмещала в себя камера. Я расстреливала примерно в 500 метрах от тюрьмы у какой-то ямы. Арестованных ставили цепочкой лицом к яме. На место расстрела кто-то из мужчин выкатывал мой пулемет. По команде начальства я становилась на колени и стреляла по людям до тех пор, пока замертво не падали все... Я не знала тех, кого расстреливаю. Они меня не знали. Поэтому стыдно мне перед ними не было. Бывало, выстрелишь, подойдешь ближе, а кое-кто еще дергается. Тогда снова стреляла в голову, чтобы человек не мучился. Иногда у нескольких заключенных на груди был подвешен кусок фанеры с надписью «партизан». Некоторые перед смертью что-то пели. После казней я чистила пулемет в караульном помещении или во дворе.

> Патронов было в достатке… Я просто выполняла свою работу, за которую мне платили. Приходилось расстреливать не только партизан, но и членов их семей, женщин, подростков. Об этом я старалась не вспоминать. Хотя обстоятельства одной казни помню — перед расстрелом парень, приговоренный к смерти, крикнул мне: «Больше не увидимся, прощай, сестра!..»[99]

После расстрелов Макарова обычно пополняла свой гардероб, снимая понравившиеся ей вещи с убитых.

После того как в Локоть вошли советские войска, в районе конезавода в братской могиле обнаружились останки около полутора тысяч расстрелянных, паспортные данные около двухсот из них удалось установить.

Летом 1943 года при подходе советских войск к Локтю Макарову, заразившуюся к тому времени венерической болезнью, отправили в немецкий тыл и поместили на лечение в госпиталь. С этого времени ее след потерялся, обнаружившись лишь во второй половине 1970-х годов.

Как оказалось, А.М. Макарова в конце войны работала медсестрой в госпитале г. Кенигсберга, где познакомилась с фронтовиком В. Гинзбургом и, выйдя за него замуж, взяла фамилию мужа. После войны чета Гинзбург переехала на постоянное место жительства в г. Лепель Витебской области, где А.М. Гинзбург со временем стала весьма уважаемым человеком, фронтовичкой, ветераном труда. Слава о ее фронтовых подвигах гремела по всему Лепелю и за его пределами, обрастая все новыми подробностями, а учителя и директора школ считали за честь пригласить Антонину Макаровну на школьную линейку, где та выступала перед учениками. Напасть на след Макаровой-Гинзбург органам КГБ удалось лишь благодаря тому, что один из ее братьев, московский чиновник, заполняя в 1976 году в ОВИРе анкету перед выездом за границу, перечислил в ней всех родственников, в том числе Антонину, которая от рождения числилась не Парфеновой, а Макаровой, при этом указал ее адрес в Лепеле. Боясь поставить под удар репутацию уважаемой женщины, сотрудники КГБ целый год вели скрытое наблюдение за А.М. Гинзбург, возили в Лепель по одному выживших свидетелей. Лишь когда все сомнения отпали, Гинзбург была арестована. После окончания следствия, в ходе которого Гинзбург даже возили в Локоть на следственный эксперимент, она была предана суду и приговорена к смертной казни. Приговор привели в исполнение 11 августа 1978 года в 6 часов утра. Это был последний в СССР смертный приговор в отношении женщины[100].

Если верить советским газетам, расправы над неугодным населением проводились и в других районах округа. Так, «Орловская правда» от 4 июля 1943 года сообщала об угоне в Германию значительной части трудоспособного населения Навлинского и Суземского районов, о массовом истреблении детей. Так, было расстреляно 27 женщин и детей из поселка Поповский. В числе убитых оказалась мать троих детей У.Д. Лебедева, семья Е. Харина и другие. В поселке Бороденки жертвой репрессий стал 31 человек, в том числе женщины, старики и дети[101]. Вскоре «Орловская правда» сообщила о зверствах оккупантов в селе Хинель Севского района, при вступлении в которое немцы повесили троих самых уважаемых стариков — К.К. Першикова, М.Е. Денисова, М.О. Колтунова, о расстреле в селе Фошевка 170 жителей[102]. Повествуя о злодеяниях полиции, советские журналисты использовали все те страшилки, которые только могло породить их воображение. Описывая дальнейший ход расправы с жителями Фошевки, «Орловская правда» сообщала: «60 человек, оставшиеся в живых, были приведены к полицейскому управлению. Здесь фашистские изверги подвергли советских людей зверским пыткам: били их прикладами, выкалывали глаза, выламывали пальцы, вырезали уши...» С не меньшей жестокостью расправились оккупанты с семьей советского летчика И.В. Серякова, жившей в деревне Кокаревка Суземского района. Так, престарелую мать летчика немцы заставили раздеться догола, провели по деревне, после чего закололи штыками, а его жену изнасиловали 17 солдат. Если верить «Орловской правде», женщина во время акта насилия славила Ленина, Сталина и коммунистическую партию, выкрикивая: «Есть у нас великая партия Ленина—Сталина!»[103] Следует признать, что описанные жестокие расправы над населением весьма характерны для периода гражданского противостояния. В то же время правомерно предположить, что исполнителями расстрелов и издевательств наряду с немцами могли быть как русские полицейские, так и бойцы народной милиции.

Что касается осуществления прав и свобод граждан, «Локотской республике» в этом отношении было далеко до правового государства. Очевидно, здесь сказывалось влияние германского национал-социализма, отразившегося как в уставе и программе созданной еще Воскобойником Народной социалистической партии России, так и в других официальных документах, утвержденных Каминским, который, очевидно, также придерживался национал-социалистической ориентации.

О слабом осуществлении на территории округа прав и свобод

граждан, о вмешательстве Каминского практически во все сферы жизни населения и деятельности подведомственных ему структур свидетельствует следующий документ — приказ № 91 по Локотскому окружному самоуправлению от 15 октября 1942 года:

«При личном знакомстве с рядом учреждений Севско-го района, а также работой 10-го батальона, — мною установлены безобразия, граничащие с преступлениями, отдельных низовых работников и самого начальника района господина Гетманцева.

Исходя из этого приказываю:

Начальнику военно-следственного отдела госп-ну Процюку Г.С. немедленно проверить всю хозяйственную и военно-политическую работу района.

Воспретить организацию в районе всяких блоков, вроде «Блока просвещенцев», как не отражающих сейчас в военной обстановке, общих интересов населения округа. Наличие таких блоков не объединяет лучших людей округа и не направляет к одной и основной цели, т.е. борьбе с остатками бандитизма, особенно в Севском районе.

Под ответственность бургомистра р-она в течение трех дней переключить работу обеих севских паровых мельниц на три смены с двухчасовым перерывом на просмотр и ремонт мельниц.

Моему адъютанту, лейтенанту-орденоносцу Белаю Г.Д. взять на себя руководство всеми вооруженными силами Севского района и в течение недели оборудовать три танка, брошенных бывшей красной армией в Севском районе. Ему же обратить особое внимание на проведение среди бойцов политико-морального воспитания, поведя в то же время решительную борьбу с пьянством, бандитизмом, развратом и дезертирством.

Дезертировавших бойцов 4-й роты арестовать и привлечь к ответственности через полевой суд, а имущество конфисковать.

Начальника штаба 10-го батальона Филатова за систематическое избиение бойцов арестовать и судить военно-полевым судом.

Предупредить всех командиров 10-го батальона, что обращение с бойцами должно строиться по принципу новой русской армии; каждого бойца нужно считать передовым бойцом, защищающим своей кровью интересы нового Русского государства.

Немедленно мобилизовать всех имеющихся в городе и районе сапожников для поправки обуви батальону.

Бургомистру района госп-ну Гетманцеву вознаградить гражданку Радченко, которая ухаживала за больным командиром батальона ..., выдать ей 5 пудов хлеба и 300 рублей.

10. Настоящий приказ зачитать во всех батальонах, заставах,

караулах, танковых командах и батареях»[104].

Как бы копируя установки германского национал-социализма, на территории округа процветал антисемитизм. Так, явными его признаками отличалось трудовое законодательство округа. «Постановление об урегулировании заработной платы и условий работы на государственных, частных и общественных предприятиях и хозяйствах, а также в аппаратах, подведомственных Локотскому Окружному Самоуправлению» за подписью начальника окружного отдела биржи труда Михеева содержало отдельный § 9 под названием «Жидовская рабочая сила», определявший особенности денежных и продовольственных расчетов с евреями:

«Статья 23.

Жиды получают 80% основной зарплаты, установленной в § 2 тарифной ставки. Выплата каких-либо надбавок к заработной плате для жидов запрещается.

Статья 24.

Жиды получают питание из производственных столовых, вычет за него производится в соответствии с § 8» (т. е. на общих основаниях. — И. Е.).

Согласно инструкции заведующего окружным отделом юстиции, запрещались браки между евреями и лицами других национальностей. Оформить развод с евреем, даже по одностороннему желанию одного из супругов, можно было в считаные минуты, в то время как разводы на территории Локотского округа были запрещены, за исключением особых, из ряда вон выходящих случаев.

Организовывались и еврейские резервации. В своей записке, направленной в январе 1943 года начальнику штаба РОНА И.П. Шавыкину, бургомистр Локотского района М.И. Морозов сообщает об изоляции переводчика-еврея Вронского-Блюма Абрама Борисовича и просит выделить на эту должность другого человека. В списке рабочих и служащих канцелярии бургомистра, составленном 1 февраля 1943 года, А.Б. Вронский-Блюм значится выведенным из штата в связи со смертью. Согласно послевоенным документам органов госбезопасности, расстрелами евреев отличился начальник полиции Суземского района Прудников. Статьи антисемитского направления проскальзывали как в районных газетах округа, так и в центральном органе «Голос народа» (редактор Н. Вощило)[105].

Однако бывали и исключения. Так, в деревне Любощь все

время существования округа жил еврей, переселившийся сюда из Барановичей. Он промышлял шитьем, каким-либо нареканиям в связи со своей национальной принадлежностью не подвергался.

Сильная и даже жесткая система власти, сконцентрированная в одних руках, тем не менее отличала Локотской округ от других оккупированных территорий СССР в выгодную сторону. Гнет в отношении населения, его почти полное бесправие в занятых немцами соседних областях не получили своего полного проявления на территории округа. Жизнь граждан регулировалась твердыми законами. В результате при условии лояльности населения, отсутствии компрометирующих факторов в виде принадлежности к партизанам, еврейской нации, коммунистам жизнь не могла быть столь невыносимой, как при сталинском режиме. В отсутствие идеологического диктата, тоталитарного контроля над всеми сферами жизни локотской крестьянин почувствовал некоторую отдушину, позволившую ему хотя бы отдаленно ощутить себя членом «республики», способным принимать, пусть минимальное, участие в ее внутренней жизни в масштабах своего села.

СОЗДАНИЕ НАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ, АГИТАЦИЯ, ПРОПАГАНДА, КУЛЬТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ЛОКОТСКОМ ОКРУГЕ

О том, насколько важное значение в Локотском округе придавалось пропаганде и агитации, свидетельствует ряд проведенных в этом направлении мероприятий, начало которых восходит ко времени организации самоуправления. Особенно широкий размах агитация и пропаганда получили после того, как по инициативе С.В. Мосина и К.П. Воскобойника была налажена работа местной типографии. Впервые вопрос о ее пуске детально обсуждался 23 ноября 1941 года, на совещании, прошедшем ранним утром в кабинете Воскобойника. Итогом совещания, на котором присутствовали С.В. Мосин, Б.В. Каминский и Р.Т. Иванин, было решение срочно найти человека, способного взять работу типографии в свои руки[106].

Исполнение данного решения не заставило себя долго ждать — уже в 2 часа того же дня перед Воскобойником сидел старейший работник типографии Александр Иосифович Бояров, который в ходе короткой беседы сказал, что типографская машина хотя и разобрана, но основные ее детали ему удалось сохранить от эвакуации. При участии Боярова типографское оборудование было перевезено в другое помещение, а еще через несколько часов машина была собрана и подготовлена к работе[107].

25 ноября 1941 года Бояров, сам работая за наборщика и за печатника, отпечатал первый заказ — воззвание к населению о начале новой жизни. Как следует из текста «воззвания», автор прежде всего поставил перед собой задачу развенчать в глазах народа миф о гениальности Сталина. В «воззвании» «отец народов» назван «гениальным идиотом»* «кавказским ослом», «кретином». Далее автор перешел к обличению преступлений Сталина, поставив на первое место уничтожение «ленинского политбюро», «гениальных» полководцев Блюхера, Ковтюха, Егорова, Тухачевского, Якира, «наиболее честных членов партии» Рыкова, Бухарина, Пятакова, Раковского. Возможно, составитель «воззвания», будучи антисоветски настроенным, назвал тем не менее в ряду репрессированных именно видных партийных деятелей, в расчете воздействовать на чувства локотян, четверть века проживших под давлением советской пропаганды, для

которых именно эти фамилии были символами мученичества.

Далее в «воззвании» давалась характеристика политической стороне советского строя, которая полностью соответствовала действительному положению вещей: «Свобода была вдавлена в грязь. Раньше люди боролись за то, чтобы иметь право говорить. У нас же даже молчать было нельзя. Каждый должен был хвалить подлый режим, созданный этим кавказским ослом. Кто молчал — брались уже под подозрение. Людей насильно заставляли выступать и разносить ложь в массы. Свободно можно было только стоя приветствовать Сталина, хлопать в ладоши и унижаться в похвалах этому кретину»1 [108]

С не меньшей точностью автор дал и экономическую характеристику жизни в СССР: «Страна нищала, народ ходил в лохмотьях, даже лапти во многих местах стали роскошью и были не по средствам, а кремлевский негодяй Сталин и свора его приспешников и прихлебателей объявили, чшо (так в тексте оригинала. — И. Е.) «жить стало лучше, жить стало веселее». По их словам, у нас огромные достижения, мы уже имеем социализм и уже вступаем в коммунизм. Да, им стало жить лучше, вернее, им жилось хорошо все эти 24 года, но народ бедствовал нестерпимо. Не только от голода и нищеты, но даже студеной смертью гибли люди. Люди гибли от холода — и это в нашей лесной стране, где огромные, неисчерпаемые запасы леса».

В заключение шла речь о германской армии, при этом не обошлось без ее идеализации: «Сталин... знал силу германского оружия и вот, желая сохранить свою кровавую власть, он опять прибегнул ко лжи, распространяя по радио, в газетах и листовках вздорные, нелепые слухи, что германцы насилуют девушек, убивают мирных жителей, обливают все керосином и сжигают. Теперь знают все, что это подлая ложь. Та самая ложь, которая всегда была постоянным орудием Сталина. Избавление от сталинской каторги принесла нам германская армия, она несет свободную счастливую жизнь нашему народу». Однако здесь составитель «воззвания» вряд ли лукавил, так как едва появившиеся в Локте немцы еще не успели показать свое истинное лицо, локотянам же они, особенно поначалу, виделись лишь противниками большевизма. А крестьяне, по описанию А.С. Казанцева, в начальный период войны формулировали свое отношение к немцам просто: «Хуже большевиков немец все равно не будет. Главное, чтоб землю народу дал, а там уж заживем...»[109]

В тот же день типография отпечатала приказ № 1, обращенный, по всей видимости, к красноармейцам, попавшим в

окружение[110]. Он был подписан псевдонимом Воскобойника Инженер-Земля и призывал бойцов, командиров и политработников РККА переходить на сторону германской армии. При этом красноармейцам предлагалось сохранить имеющееся оружие: «Всю материальную часть и оружие сохранить в полном порядке. Каждый сдающийся должен повесить винтовку через плечо, накрест и взять в правую руку белый платок. Каждый командир и политработник, передавший свою часть в полной боевой готовности в руки германского командования, безусловно, сохранит жизнь».

На следующий день, 26 ноября, Бояровым был отпечатан манифест организованной на скорую руку Народной социалистической партии России (НСПР)[111]. Этот документ содержал в себе пространную программу, отразившую всю сумму взглядов Воскобойника и его окружения. В то же время здесь не обошлось без копирования некоторых идей германского национал-социализма.

Для наглядности приведем текст манифеста полностью:

«Сего числа приступила к работе Народная социалистическая партия России.

Народная социалистическая партия была создана в подполье в сибирских концлагерях. Краткое название Народной социалистической партии — «ВИКИНГ» (Витязь).

Народная социалистическая партия берет на себя ответственность за судьбы России. Она берет на себя обязательство создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России, для поддержания ее чести и достоинства.

В своей деятельности Народная социалистическая партия будет руководствоваться следующей программой:

Полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя.

Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи. (В руках одного гражданина может быть только один участок). Размер участка около 10 гкт. в средней полосе России.

Бесплатное наделение в вечное, наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком, с правом обмена, но без права продажи. Размер участка в средней полосе России определяется приблизительно в 1 гектар.

Свободное развертывание частной инициативы, в

соответствии с чем разрешается частным лицам свободное занятие всеми ремеслами, промыслами, постройка фабрик и заводов. Размер капитала в частном владении ограничивается пятью миллионами золотых рублей на каждого совершеннолетнего гражданина.

Установление на всех видах производств 2-х месячного годового отпуска в целях использования его для работы на собственных усадебных участках.

ПРИМЕЧАНИЕ: На вредных производствах продолжительность отпуска увеличивается до 4-х месяцев.

Наделение всех граждан бесплатно лесом из государственных дач для постройки жилищ.

Закрепление в собственность Государства лесов, железных дорог, содержимого недр земли и всех основных фабрик и заводов.

Амнистия всех комсомольцев.

Амнистия рядовых членов партии, не запятнавших себя издевательством над народом.

Амнистия всех коммунистов, с оружием в руках участвовавших в свержении сталинского режима.

Амнистия Героев Советского Союза.

Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами.

Свободный труд, частная собственность в пределах, установленных законом, государственный капитализм, дополненный и исправленный частной инициативой, и гражданская доблесть явятся основой построения нового государственного порядка в России.

Настоящая программа будет осуществлена после окончания войны и после прихода Народной социалистической партии к власти.

В первую очередь все льготы получат граждане, с оружием в руках не щадя жизни участвовавшие в построении и укреплении нового строя.

Всякому паразитизму и воровству объявляется смертельная борьба.

Наша партия — партия национальная. Она помнит и ценит лучшие традиции русского народа. Она знает, что викинги — витязи, опираясь на русский народ, создали в седой древности Русское государство.

Наша страна разрушена и разорена под властью большевиков. Бессмысленная и позорная война, вызванная большевиками, превратила в развалины многие тысячи городов и заводов нашей страны.

Но партия «ВИКИНГ» верит в могущество и гражданскую

доблесть русского народа и дает клятву возродить русское государство из большевистских развалин.

С образом Георгия Победоносца сражалась и побеждала русская армия в старину, так будет и впредь, а потому наше национальное знамя — белое полотнище с образом Георгия Победоносца и с георгиевским крестом в верхнем левом углу знамени.

Каждый гражданин, разделяющий программу нашей партии, должен вести запись граждан, желающих в нее вступить.

По всем областным и районным центрам необходимо организовать комитеты партии «ВИКИНГ».

Народная социалистическая партия шлет привет мужественному германскому народу, уничтожившему в России сталинское крепостное право.

Руководитель Народной социалистической партии

ИНЖЕНЕР ЗЕМЛЯ (КПВ)»[112].

Для того чтобы коротко сформулировать сущность идеологии НСПР, изложенной в манифесте, необходимо прежде всего указать на социалистический характер программы в ее экономической части. Можно предположить, что помимо отдельных установок национал-социализма, пропагандировавшихся в оккупированных областях, на экономические воззрения авторов манифеста наложила печать либерализация экономики, имевшая место во времена НЭПа (1921 — 1929 годы). Уничтожение колхозного строя, бесплатная передача всей пахотной земли крестьянству, развертывание частной инициативы с сохранением в руках государства основных средств производства и ограничением размеров частного капитала — все это, по взглядам Воскобойника и его соратников, как нельзя лучше соответствовало чаяниям широких масс населения, и в первую очередь — крестьянства. В политической части программы на первом плане стоит национальная идея — возрождение Русского государства. Вероятно, в сочетании этих двух частей программы лидеры Локотского самоуправления, очарованные германским нацизмом, видели не что иное, как свой, русский национал-социализм.

В отличие от генерала А.А. Власова и его соратников, постоянно подчеркивавших непригодность национал-социалистических идей для России, Каминский и его окружение как в политическом, так и в экономическом отношении были склонны ориентироваться на национал-социализм Германии, копируя его везде, где только было можно. Примечательно, что даже весной 1943 года, когда у подавляющей массы населения оккупированных областей наступило горькое разочарование в

немцах и их политике, редактор «Голоса народа» Н. Вощило в пространной статье «Народный приговор» выразился на этот счет довольно определенно: «Недалек тот день, когда весь русский народ станет под одно, национал-социалистическое знамя и очистит от мусора свое отечество».

При всей амбициозности создателей НСПР, рассматривавших свою деятельность не иначе как в масштабах всей России, следует отметить, что они первыми — задолго до появления подписанной А.А. Власовым «Смоленской декларации» Русского комитета — выступили с программой преобразований в России после свержения в ней коммунистического режима.

Выпуск Манифеста НСПР положил начало широкой агитационной кампании. Манифест распространялся в пределах Орловской, Курской, Смоленской и Черниговской областей при непосредственном участии Каминского и Мосина. Провожая своих соратников в поездку по названным областям, Воскобойник, дружески похлопывая каждого из них по плечу, напутствовал: «Друзья мои! Не забывайте, что мы работаем уже не для одного Брасовского района, и не только в масштабе его, а в масштабе всей новой России. История вас не забудет». Сами участники поездки впоследствии признавались: «Мы ясно сознавали, что эта поездка будет записана в историю новой России». Одновременно с манифестом распространялись уже упоминавшиеся «Воззвание к населению Локотской волости» и приказ № 1, рассчитанный на красноармейцев-окруженцев.

Упор агитаторов на повседневные нужды населения, антиколхозная пропаганда, обещание наделить всех землей упали на благодатную почву. Если верить докладной записке начальника Орловского областного управления НКВД К.Ф. Фирсанова секретарю Орловского обкома ВКП(б) от 15 марта 1942 года, к концу 1941 года Воскобойнику удалось организовать в Брасовском районе пять ячеек НСПР.

В связи с появлением на оккупированной территории СССР политической партии с подобной программой на страницах крайне немногочисленной литературы по указанной проблеме излагаются два противоположных взгляда. Так, зарубежные историки, в частности автор фундаментального труда по истории германской оккупационной политики в России Александр Даллин, склонны объяснять создание «русской нацистской партии» влиянием Национально-трудового союза нового поколения (НТС НП). Такое объяснение является, по всей вероятности, результатом отсутствия у автора исчерпывающих данных как о самой партии, так и о времени ее основания. Действительно, уже осенью 1941 года активисты НТС развернули

на оккупированной территории СССР свою деятельность и даже образовали несколько подпольных групп. Одна из таких групп в ноябре появилась в Брянске и вполне могла установить контакт с Воскобойником и Каминским. Однако никаких данных, подтверждающих эти контакты, а тем более участие членов НТС в разработке программы НСПР, имеющиеся в нашем распоряжении источники, включая воспоминания участника Брянской группы НТС В. Кашникова, не содержат. В дальнейшем НТС удалось внедрить в ряды сформированной на территории Локотского округа бригады Народной милиции своих членов, которые играли заметную роль в «партийном строительстве» НСПР. В их числе был, в частности, Г.Е. Хомутов, создавший в Локотском округе молодежную организацию. Инициатива же создания партии и выработка ее первой программы принадлежат исключительно организаторам Локотского самоуправления и никому другому.

Противоположный взгляд на проблему возникновения НСПР излагается в советской литературе. В частности, что создание «русской фашистской партии», названной Народная социалистическая партия России, было инспирировано гитлеровцами, а «во главе ее был поставлен гестаповский агент... Воскобойник» То есть, по смыслу издания, ключевая роль в создании НСПР отводилась служащим гестапо, которые «пытались консолидировать элементы, которые, по их мнению, могли стать опорой «нового порядка». Однако с подобной точкой зрения нельзя согласиться, если принимать во внимание политические установки нацистского руководства в отношении России и населяющих ее народов. Разумеется, оккупационные власти могли допустить создание местного самоуправления и антипартизанских формирований, однако возникновение партии, провозгласившей своей целью борьбу за русские национальные интересы, в будущем могло стать серьезной проблемой для осуществления колонизаторской политики. Именно поэтому, несмотря на самые доверительные отношения руководителей Локотского самоуправления с немецкой военной администрацией, создание НСПР так и не было санкционировано германскими властями.

Попытки легализации деятельности НСПР, однако, не прекращались. После визита к генералу Шмидту 20 ноября 1942 года Каминский заявил, что официальное разрешение на создание Народной социалистической партии будет дано в самом ближайшем будущем. Одновременно он представил командующему 2-й танковой армии меморандум, в котором, помимо обобщения опыта самоуправления, содержались предложения таких мероприятий, как организация русского

автономного управления во всех оккупированных областях, создание самостоятельной русской армии и национального правительства, гарантии самоопределения России в границах 1938 года. В меморандуме указывалось, что затягивание позитивного решения этих вопросов может отрицательно сказаться на настроениях населения.

Промедление немецких властей с выполнением обещания о создании НСПР заставило Каминского вновь поднять вопрос об образовании партии. 22 марта 1943 года в приказе по Локотскому окружному самоуправлению обер-бургомистр объявил о необходимости практического разрешения «вполне справедливого и давно назревшего вопроса» — вопроса образования Национал-социалистической партии России, как расшифровывалась теперь аббревиатура НСПР[113]. В манифесте партии, подписанном Мосиным, Бакшанским, Васюковым, Вощило и Хомутовым, говорилось, что спасение Родины возможно только при объединении всех честных людей России в единую мощную организацию — партию. Также указывалось, что вождем этой партии станет «руководитель Новой Власти Б.В. Каминский».

Программные установки НСПР сводились к следующему:

«1. Свержение кровавого сталинского строя в России.

Создание суверенного государства, объединяющего народы России.

Признание за отдельными национальностями России, созревшими к самостоятельному государственному существованию, права на самоопределение.

Путем создания в Новой России справедливого социального трудового строя ликвидировать искусственно созданную большевиками классово-социальную рознь».

Интересно, что на фоне проведения в Локотском округе мероприятий «по восстановлению справедливости в отношении раскулаченных», сопровождавшихся возвратом им конфискованного советской властью имущества, один из пунктов программы гласил: «Все имущественные права бывших помещиков и капиталистов (русских, а также иностранных) считать утерянными». Под иностранцами, в соответствии с разъяснениями агитаторов НСПР, подразумевались «англо-американские еврейские капиталисты, которым Сталин продал Россию». Поданным Б.Н. Ковалева, подобные разъяснения были заготовлены лишь для немецкого руководства. На вопросы же русских граждан агитаторы отвечали, что под иностранцами подразумеваются немцы[114].

По советской аналогии в этот же период был создан и Союз российской молодежи (СРМ). О его целях в уставе говорилось:

Воспитание у молодого поколения россиян чувства любви к Родине, к своему народу.

Всемерная помощь и активное участие в борьбе за свержение и установление нового национально-трудового строя в России.

Разоблачение учения Маркса как вредного и антинародного, выгодного только еврейству, не имеющему родины.

Привитие любви ко всякому труду, направленному на благо государства и нации, помня, что труд — источник собственности, трудовая собственность — залог свободы.

Воспитание любви к науке и искусству.

Воспитание высоких моральных и нравственных качеств, честности и солидарности.

Всемерное развитие физической культуры и спорта, направленное на укрепление здоровья.

Каминский и его окружение попытались развить бурную деятельность по «партийному строительству» далеко за пределами округа. Им удалось создать филиалы НСПР (НСТПР) в Минске, Полоцке, Барановичах, Борисове и Вилейке.

Ответом на амбициозность Каминского и его партийных соратников стало предостережение немецких офицеров связи и представителей СС, которые настоятельно отговаривали обер-бургомистра от затеи с «русской нацистской партией». При этом намекали, что в таком вопросе нельзя переоценивать возможности генерал-полковника Шмидта, и ссылались на пример Власова, которому из-за его строптивости высшее берлинское руководство не давало возможности создать антисоветскую Русскую освободительную армию. Каминский внял этим уговорам, и деятельность НСПР (НСТПР) была ограничена пределами Локотского округа. Интересно, что в течение всего периода существования округа Каминский, как показал на допросе 8 августа 1944 года Г.Е. Хомутов, «воздерживался от какого-либо контакта в проводимой им антисоветской работе с другими организациями, действующими на оккупированной немцами советской территории». Большинство членов Центрального комитета партии не разделяли точку зрения обер-бургомистра, считая, что контакт с другими подобными организациями является залогом успеха в борьбе против советской власти. Однако сделать первые практические шаги к установлению контактов удалось лишь в конце декабря 1943 года, когда РОНА и аппарат самоуправления уже были вывезены в Белоруссию.

В период же существования Локотского округа о появлении и деятельности партии хотя и стало известно за его пределами, однако местные немецкие власти всячески умалчивали о ней в

своих отчетах. В саму же партию по этой причине оказался вовлеченным узкий круг лиц — чиновники административного аппарата самоуправления и около половины бойцов и командиров РОНА.

С мая 1942 года в округе начала издаваться газета «Голос народа», ставшая своеобразным рупором локотской администрации. Первый ее тираж составил 250 экземпляров. Не отличаясь особым профессионализмом как в плане содержания, так и по части оформления (газета печаталась на обыкновенной оберточной бумаге, иногда разных цветов), «Голос народа» тем не менее завоевал популярность среди населения округа. Тираж газеты колебался от 2000 до 8000 экземпляров, иногда поднимался до 14 500 экземпляров. Ее первым редактором стал С.В. Мосин, которого сменил на этом посту Н.Ф. Вощило, возглавлявший газету до последних дней существования округа.

Материалы газеты отличались разнообразием и содержали информацию по всем вопросам внутренней жизни округа, а также обзор международных событий. Так, статьи по экономике округа выносились в основном на первую полосу. Здесь же из номера в номер помещались один или несколько приказов обер-бургомистра. Постоянной была рубрика «На фронтах», пропагандистский характер которой нетрудно было уловить уже потому, что она освещала главным образом успехи германской армии и указывала на потери «большевиков». А о поражениях немцев и их потерях или умалчивала вовсе, или упоминала лишь постольку, поскольку это могло бы скомпрометировать Красную армию или союзников. Так, в № 26 за 26 октября 1942 года было помещено «Дополнительное сообщение Верховного Командования Германской Армии» следующего содержания:

> «На северо-африканском фронте англичане сделали налет на германский перевязочный пункт с опознавательными знаками Красного Креста. Операционная палатка разрушена, раненые и санперсонал имеют потери.
>
> Англия нарушила международный договор и продолжает действовать против основных правил человечества.
>
> Верховное Командование Германской Армии констатирует, что английское правительство не придает значения Женевскому договору».

Как видно, многие сообщения этой рубрики перекочевывали в нее непосредственно из немецких газет, не подвергаясь должной переработке в соответствии с сознанием и чаяниями русского

читателя. Приведем некоторые из них:

«В Ладожском озере... потоплено 4 большевистских парохода с продовольствием, направлявшихся в Ленинград».

«Бомбардируется город Мурманск. На Ладожском озере потоплено 3 больших советских парохода с продуктами, которые отправлялись в Ленинград».

Не постоянной, но довольно частой была рубрика «На местном фронте», содержавшая информационные сводки о борьбе с партизанами. Не реже чем раз в две недели помещались сообщения под говорящими заголовками: «Из иностранных газет», «В освобожденных местностях», «По Советскому Союзу», «Записки о Германии». Вторая и третья полосы заполнялись, как правило, материалами историко-политического характера, раскрывая сущность советской власти, в том числе террора НКВД, сообщениями о культурной жизни округа, о работе сферы образования и здравоохранения, о заслуженных деятелях локотской администрации.

Довольно часто здесь появлялись карикатуры на Сталина, советский строй, а также юмористические стихотворения, частушки и загадки. Так, рубрика «Старые загадки на новый лад» поместила однажды серию сатирических загадок с критикой советского строя:

Висит груша — нельзя скушать. [115] Мальчишка в сером армячишке По дворам шныряет, Крохи собирает. [116] Всегда шагаем мы вдвоем, Похожие, как братья. Мы за обедом — под столом, А ночью — под кроватью. [117]

Наиболее пестрой была четвертая полоса, изобиловавшая небольшими заметками о жизни в разных районах округа, новостями из духовной и других сфер, а также материалами литературно-лирического плана, в том числе поэзией, носившей, как правило, политический оттенок. Завершали полосу объявления частного характера.

Помимо «Голоса народа» в Локте с начала 1943 года дважды в месяц выходил официальный «Бюллетень. Орган Локотского окружного самоуправления». Он был рассчитан на должностных работников всех уровней и содержал все выходившие в указанный период времени приказы, положения и инструкции.

С начала 1943 года раз в две недели стала выпускаться четырехполосная газета «Боевой путь», редактировал которую член НТС Г.Е. Хомутов[118]. Газета предназначалась в основном для бойцов и командиров РОНА.

Печатные органы имелись и в районах округа. Так, в Севске выходила газета «Севский листок» (ответственный редактор — Помощников-Голованов), в Дмитровске — «Дмитровская газета»

(ответственный редактор — Л.Л. Соловьев). Тиражи районных газет колебались в пределах нескольких сотен экземпляров, а объем каждой из них составлял от двух до четырех полос, в зависимости от наличия материала. Рубрики этих газет во многом копировали рубрики «Голоса народа», однако содержание районных газет зачастую отличалось и некоторой оригинальностью. Так, «Севский листок» кроме официальных сводок, приказов, распоряжений, судебной хроники и обзоров гражданских и военных новостей чуть ли не в каждом номере помещал статьи духовного и нравственного содержания, биографии великих русских писателей, поэтов. Сами за себя говорят их названия: «К свету христианства», «Рациональная мораль», «Алексей Васильевич Кольцов», «Лев Николаевич Толстой» и другие.

Однако основной темой окружных районок были подъем экономики и борьба с партизанами. Раскрывая сущность партизанской борьбы, районные газеты, подобно «Голосу народа», стремились провести ту мысль, что деятельность «народных мстителей» не имеет ничего общего с партизанской борьбой в Отечественную войну 1812 года, являясь не более чем обычным бандитизмом. Так, «Дмитровская газета» в статье «За что и с кем они воюют» писала:

«При помощи всевозможных махинаций, как, например, закрытые распределители, директорские фонды, профсоюзные взносы и пр. большевистские заправилы, сверху донизу пропитанные казнокрадством, значительную часть народных средств перекачивали в свои карманы. Как только коммунист или жидок от станка или от сохи попадал в заправилы — поближе к народным средствам, так им жить становилось легче, жить становилось веселее. Появлялись у них дефицитные товары, новые дорогие костюмы, обувь, предметы, которые нельзя было получить на рынке ни за какие средства, к законным женам добавлялись по несколько дополнительных, сверхштатных жен и прочее, которые одевались и питались тоже через закрытые распределители, то есть за счет народных средств. Воздавая хвалу «отцу народов» Сталину, эта свора жила припеваючи, обирая и грабя казну и население.

С приходом Германской армии рухнула их веселая и привольная жизнь. Но никто из них не стал на защиту этой веселой привольной жизни — своих собственных интересов. Одни из них предусмотрительно, под разными предлогами, дали тягу в глубокий тыл. Те, кому не посчастливилось удрать, запрятались в леса.

Назвав себя партизанами, фактически же превратившись в

бандитов, они, вместо того, чтобы воевать с противником, как это делали партизаны 1812 года, принялись терроризировать мирное население, оставленное ими на произвол судьбы. Воевать с противником, вооруженным пулеметами, пушками и пр. мало интересного, чего доброго придется сложить голову. Гораздо проще воевать с мирным невооруженным населением. Приходи, забирай что хочешь, убивай кого хочешь.

Привыкнув к роскошной и привольной жизни за счет народных средств, эти бандиты не желают вернуться к свободному и честному труду. Они хотят заставить население отказаться от единоличных наделов, отказаться от свободного, плодотворного труда на собственной земле, дарованной германским командованием и собственными руками надеть на себя колхозное ярмо, а этих бандитов опять вернуть к власти и тогда для них опять станет жить веселей, а полуголодный, оборванный народ под руководством председателей колхозов и бригадиров, будет на них работать.

Чувствуя свое бессилие, видя, что народ отказывается посадить их к себе на шею, они думают путем кошмарных убийств и тяжелых истязаний добиться своего, но все это напрасно...

Тяжелым кошмаром надолго останется в памяти кровавая расправа лесных бандитов с мирным населением. Презрением и проклятием заклеймит оно имена этих разбойников»[119].

Если говорить о качестве содержания районной прессы, то оно было еще более низким, нежели материалы «Голоса народа», ввиду чего как на редакторов, так и на авторов публикаций часто сыпались упреки доморощенных критиков. По этому поводу в одном из номеров «Севский листок» писал:

«Получив возможность раньше выходить в свет, «Голос народа» в статье г. А. Севского упрекает «Севский листок» в недостаточной литературной отделке статей, в общей бедности газетного материала и, наконец, в помещении в № 4 частушки.

За 24 года большевизма «великий русский язык» угнетался и ломался... Без сомнения, молодым сотрудникам ОБОИХ местных газет не чужды погрешности в стиле, необходимо и там, в Локте и в Севске более тщательно работать над содержанием и языком статей и заметок.

Бедность материала — временная...

Вероятно, и в Локотской и в Севской газете найдутся еще отдельные недочеты, но их следует исправлять не одними неудачными насмешками, а взаимным деловым сотрудничеством двух молодых газет, выходящих в освобожденных от большевизма областях и, следовательно, служащих одному общему делу:

культурному и моральному возрождению страны».

Весьма интересно, что районная пресса порой довольно резко критиковала ответственных работников самоуправления. Так, в № 5 «Севского листка» от 23 сентября 1942 года с официальными приказами бургомистра города Павла Демьяновича Бакшанского соседствовала объемная статья «Угрюм-Бурчеев в Севске». В ней бургомистр и его секретарь А. Можеев изображались бездельниками, бюрократами, вредителями, взяточниками, морально разложившимися личностями:

«Приходят крестьяне из деревень с разными жалобами. Многие уходят, как говорится, не солоно хлебавши; более же проницательные и находчивые умеют расшевелить зачерствевшую, бездушную натуру господина Бакшанского: они несут под полой тщательно упрятанные самогон и мед... И тогда лицо градоначальника проясняется, глаза блестят весело и лукаво.

«Выпить? Отчего же нет», — ухмыляясь рассуждает он.

Он пьет много. Он приходит в столовую г. Воскресенского. Здесь всегда можно «погреться» — свои братишки, теплый уют.

Потом приходит Саша Можеев, друг и собутыльник. У него тупое, сытое лицо мещанина, пестрый галстук и торчащие, коротко остриженные волосы. Они пьют вместе...

Господин Бакшанский не умеет скучать. Он любит повеселиться и покуролесить... в кругу веселых и беззаботных женщин, любящих водку и мужчин. Насколько охоч наш градоначальник до женского пола, можно судить хотя бы потому, как самоотверженный храбрый любовник пробирался однажды ночью — севчане надолго запомнят этот случай — от своей возлюбленной. Рассказывают, будто мадьярский патруль стрелял в него, и даже пуля сбила фуражку...

Вот каков образ жизни севского градоначальника Бакшанского».

А заведующей школой деревни Трубичино Горбуновской волости Дмитровского района Молоковой «Дмитровская газета» дала такую отповедь:

«Эту школу ребятишки посещают очень неохотно, как говорится, из-под палки. Из 65 учеников 15 не посещают школу совершенно, это несмотря на обязательность обучения, а остальные ходят от случая к случаю... 31 октября мы посетили эту школу. Одного взгляда было достаточно, чтобы найти основную причину. Школа находится в жалком состоянии. Она не отапливается — не исправна дымовая труба, зимние рамы не поставлены. Вместо парт старые столы и полуразвалившиеся скамейки (исправить их можно легко). Всюду грязь, паутина...

Заведующая школы... добавляет, что нет учебников, нет тетрадей (и это вблизи от города, где все можно купить на базаре!), что зарплаты и хлебного пайка она не получает три месяца и даже не знает, где получать! Одним словом, заведующая школой ничего не знает. Жаль, что нам не удалось побывать на ее уроках, возможно выяснилось бы, что она и здесь ничего не знает. Староста, по словам заведующей, о школе не заботится, Отдел Народного Просвещения тоже...»

Со столь яростной критикой пресса обрушивалась и на других ответственных работников, в частности волостных старшин, старост, начальников полиции, руководителей отделов, учителей. Правомерно предположить, что вскоре после образования округа честолюбивый Каминский, желая получить абсолютную власть, повел борьбу с районными бургомистрами и другими ответственными работниками районных органов власти. Основным средством этой борьбы стало шельмование неугодных с целью подрыва их авторитета в глазах населения и германского командования. Однако редко кто из раскритикованных в пух и прах руководителей после этого представал перед судом и подвергался репрессиям. Напротив, провинившиеся руководители, как правило, продолжали работать в прежних должностях, что можно объяснить нехваткой руководящих кадров, невозможностью найти им замену.

В Локотском округе распространялось также около 6000 экземпляров орловской газеты «Речь» (редактор М. Октан), некоторое количество экземпляров газет «Заря», «Клич», «Доброволец», издававшихся на более высоком профессиональном и техническом уровне, нежели «Голос народа». Кроме того, на территории округа вела передачи локотская радиостанция.

С целью распространения районной прессы практически в каждом районе налаживалась внутрирайонная почтовая связь. Так, в каждой волости Дмитровского района были назначены волостные почтальоны (по одному на волость), в обязанность которых входило дважды в неделю получать в райцентре газеты, после чего доставлять их в деревни района. Помимо этого перед почтовой конторой ставилась задача «популяризовать» среди населения газету «Речь» и провести на нее подписку, а также установить регулярную почтовую связь с Курском и наладить доставку газет оттуда1.

Руководство сферой агитации и пропаганды в Локотском самоуправлении было поручено Степану Васильевичу Мосину, под началом которого был создан соответствующий отдел. В его функции, помимо издания официоза «Голос народа», входило

курирование работы всех культурных и просветительных учреждений, таких как народные дома, театры и кинотеатры в райцентрах, деревенские клубы и избы-читальни в селах и деревнях. В последних, помимо чтения газет и журналов, проводились агитационные беседы с населением, для чего отделом назначались ответственные лица. При районных управлениях состояли инструктора по пропаганде, которыми зачастую назначались самые «преданные и культурные бойцы Народной армии». В обязанность работников отдела вменялись регулярные поездки по районам, в ходе которых они проводили беседы с населением, получая таким образом информацию о его настроениях, а также читали лекции на политические темы типа «Германо-советская война», «Евреи и большевики», «Германия сегодня» и т. д.

Большое значение придавалось также массовым мероприятиям, приуроченным к какому-либо знаменательному событию. Так, 5 ноября 1942 года в Локте отметили годовщину освобождения от большевизма. Торжественное собрание открыл обер-бургомистр Каминский, выступивший с докладом «Годовщина освобождения Локотского округа от сталинского ига». На торжества были приглашены также представители германского командования, выступившие с приветственными речами. Тут же состоялись награждения ряда бойцов и командиров бригады, работников самоуправления орденами, некоторые получили премии в виде коров. После собрания прошел концерт. Подобные торжества, включавшие собрания рабочих, служащих и крестьян, концерты, прошли также в других районах и даже деревнях округа.

Однако, как ни странно, агитационный антураж редко придавался похоронам погибших бойцов и командиров РОНА. Как засвидетельствовал локотской житель В.А. Комаров, хоронили каминцев довольно скромно, без всякой помпезности, а торжественные речи над телами павших произносились крайне редко.

Что касается советской контрпропаганды, проводимой партизанами и их агентами, через все советские пропагандистские материалы красной нитью с явным преувеличением проходят упоминания о жестокостях каминцев, которые называются не иначе как «наемными собаками», «поганой полицией» «троцкистами», «уголовниками», «изменниками», «отбросами», за исключением разве что материалов, обращенных к ним самим. Так, листовка, выпущенная в 1942 году партизанским штабом объединения Д.В. Емлютина для старост и полицейских, гласит:

«Мужчин, которые пошли служить в полицию или старосты, мы не трогаем и сохраняем им жизнь, если они будут работать на пользу армии и партизан. Мы призываем всех полицейских и старост к борьбе с немецкими оккупантами. Вам дано оружие —* используйте его против оккупантов, а не обращайте его против ваших отцов, братьев, сынов. Вспомните замечательные традиции русского и украинского народов, которые никогда не продавались врагу».

В то же время в партизанских листовках начисто отсутствовало даже упоминание о коммунистических идеалах, за исключением разве что собственных названий: «Советская Родина», «героическая Красная армия» и т. п. Даже имя И.В. Сталина практически не употреблялось.

Ярким образцом советской пропаганды на территории округа является «Обращение Брасовского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся к населению района с призывом помогать Красной армии и партизанам громить немецких оккупантов»:

«**5 мая 1943 г.**

Смерть немецким оккупантам!

Прочитай и передай товарищу!

Дорогие товарищи, братья и сестры!

19 месяцев вы испытываете на себе страшное, кровавое иго фашистской оккупации. Коварный и жестокий враг, вероломно напавший на нашу счастливую и дорогую Родину, принес вам, советским гражданам, неисчислимые страдания и унижения.

Произвол и насилие, бесчисленные казни, мучительные пытки, непосильное бремя налогов, тифозные и венерические заболевания, беспощадное истребление всего передового и здравомыслящего населения — вот что дали вам, советским гражданам, проклятые фашистские звери.

Прекрасный и цветущий поселок Локоть с его учебными заведениями, где учились ваши же дети, ныне осквернен и загажен вшивыми фрицами и их наемными собаками вроде Каминского, Мосина, Васюкова, Вашило[120], Працук и др.

Гитлеровские палачи превратили Локоть в место пыток и издевательства над русским народом, что ни дом, то тюрьма, застенок; что ни аллея, то виселица. Ежедневно из застенков Локотской тюрьмы доносятся до вас стоны и ужасные крики умирающих от рук палачей ваших родных и знакомых. Они зовут вас к мести, к беспощадной мести фашистским мерзавцам.

Чувствуя свою гибель, враг все более и более звереет. В смертельной злобе он стремится нанести больше горя и несчастья нашему народу.

Не от больших успехов немцы состряпали из отбросов —

уголовников и изменников — так называемый «русский комитет»[121] и от его имени стали фабриковать лживые листовки, обращения к народам нашей страны. Не от успехов гитлеровцы проводят мобилизацию всего мужского населения и насильно гонят его на фронт для борьбы с Красной армией и нашими союзниками — Англией и Америкой, обрекая все это население на верную и неминуемую гибель. Разве мало убито полицейских и солдат «народной армии» под Комаричами и Севском, их немцы заставили воевать с Красной армией и трупы не убирают, говорят — это убиты партизаны.

Не от хорошей жизни гитлеровское командование за последнее время все чаще стало прибегать к распространению лживых сообщений о положении дел на советско-германском фронте.

Не верьте гитлеровской брехне! В их газетах и листовках нет ни одного слова правды...

С каждым днем все шире разгорается пламя партизанской борьбы в тылу противника. Враг уже не раз изведал силу ударов партизан. Народные мстители — партизаны и партизанки не дают врагу покоя ни днем ни ночью.

Дорогие братья и сестры! Близок час освобождения нашего района. Так помогайте же Красной армии. Смелее крушите врага. Ускоряйте приближение славной победы! Помогайте славным партизанам бить фашистское зверье с тыла, бросайте службу в полиции и переходите к партизанам для борьбы с нашим общим врагом — немецкими захватчиками. Всеми средствами уничтожайте немецких палачей, рвите телефонную и телеграфную связь противника, жгите мосты на большаках, уничтожайте немецкие обозы, устраивайте крушения поездов, не давайте подвозить им к фронту боеприпасы и вывозить в Германию награбленное добро. Взрывайте и сжигайте склады боеприпасов и горючего. Собирайте и передавайте партизанам сведения о противнике. Прячьте от фашистских собак хлеб, скот, не платите налогов, беспощадно уничтожайте изменников и предателей Родины, ставших на службу к фашистам.

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует свобода и независимость нашей славной Советской Родины!

Да здравствует Героическая Красная Армия и славные партизаны и партизанки!

Брасовский РК ВКП(б) и исполком райсовета депутатов трудящихся» [122].

Как видим, советская контрпропаганда на территории

Локотского округа не отличалась оригинальностью. Как и во всех случаях, касающихся критики советской стороной участников русского освободительного движения, советские партизаны ни разу не вступили в полемику по поводу идейных установок НСПР, в частности манифеста партии и его двенадцати пунктов. Ими применялись лишь обтекаемые ярлыки, что это «брехня» и что «в их газетах и листовках нет ни одного слова правды». В этом прослеживается бессилие партизан что-либо противопоставить идеям НСПР, хотя обычно пропагандистский аппарат ЦШПД вступал в полемику по поводу ряда тезисов немецкой и коллаборационистской пропаганды. При этом живущему под оккупацией населению было принято указывать на слабые стороны враждебных агиток, разбивая врага идейно. Ведь именно от качества советской пропаганды зависело, насколько успешной будет работа по разложению изменнических воинских формирований, количество колеблющихся каминцев, переходящих в ряды партизан. Вместо этого советская сторона в своих листовках и воззваниях критиковала лишь сам факт службы локотян на стороне Германии. О причинах их вступления в РОНА говорится, что это произошло вследствие их «политической близорукости», что их «обманули», заставили «силой оружия», «насильно гонят на фронт» и т. д.

О целях партизан и РККА советская пропаганда говорит исключительно с точки зрения защиты Родины, взывая к национальным чувствам безо всякого упоминания о коммунизме и Сталине. Понятно, что подобная пропаганда едва ли могла оказать сколько-нибудь весомое воздействие на личный состав РОНА, не говоря уже о сотрудниках аппарата самоуправления. Во всяком случае, Каминскому было что противопоставить «творчеству» советских агитаторов. Так, на территории округа широко распространялась довольно выразительная брошюра редактора орловской газеты «Речь» М. Октана «Является ли эта война отечественной для народов России?», ставшая для каминцев своеобразным катехизисом. Относительно измены в ней, в частности, говорилось: «Истинный патриот своей родины должен бороться за свержение большевизма, за поражение большевизма в этой войне, а значит, и за возрождение России, за жизнь без страха и насилий, за обеспеченное будущее своих детей… Большевики называют это «изменой родине»! Однако, стоит вспомнить, что во время мировой войны, когда большевики сами хотели дорваться до власти, они проводили политику поражения России в войне, говоря, что это является истинным патриотизмом. Следовательно, когда поражение России было выгодно большевикам, это не было изменой родине, когда же это

грозит им полным поражением, это измена родине! Старая, давно надоевшая уловка! Кто, как не большевики, каждый день и каждый час изменяли родине… превратив Россию в страну нищих, уничтожив лучших сынов русского народа»[123].

Усилиями отдела агитации и пропаганды и лично С.В. Мосина была создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Так, в Локте 15 ноября 1942 года состоялось открытие городского (в середине 1942 года Локоть получил статус города) художественно-драматического театра имени К.П. Воскобойника. Театр включал солидную актерскую труппу, в которую входили даже актеры из Брянска. На август 1943 года штат театра насчитывал 105 человек, в том числе 21 актера и 4 акробата. Кроме того, театр имел оркестр в составе 22 музыкантов, балетную и физкультурную группы, численностью по 15 человек в каждой. Выгодно выделял театр в лучшую сторону его дорогостоящий реквизит и богатый репертуар. В программе были эстрадные концерты, включая сценические, музыкальные и танцевальные номера, постановки по произведениям классиков. Например, пьесы «Не все коту масленица», «Праздничный сон до обеда» А.Н. Островского, «Привидение» Г. Ибсена. Некоторые из них, будучи отточены до блеска, повторялись периодически, с интервалом в несколько месяцев, и полюбились локотянам настолько, что поток зрителей на них раз от раза увеличивался. К таковым относится, например, драма Островского «Гроза», с которой театр даже выезжал на гастроли в другие города. Всего же театр давал до 60 спектаклей в месяц.

Война с партизанами породила и ряд местных, сочиненных, как видно, на скорую руку драматургических произведений. Освещая в основном одну и ту же тему — борьбу с партизанами, они тем не менее способствовали раскрытию местных талантов. Исполняя идеологический заказ, эти произведения воспроизводили крестьянский быт, освещали сложность человеческих взаимоотношений, любовь и проч. Ярким примером такого творчества является пьеса в двух действиях «Волк», написанная смоленским журналистом С.С. Широковым и попавшая в Локоть в порядке «культурного обмена». Она была поставлена на сцене Локотского театра в июне 1943 года. В центре пьесы — судьба молодого красноармейца Бывалова (его роль сыграл артист Кислицкий), волею судьбы попавшего в лес и ставшего бойцом партизанского отряда. Будучи влюблен в девушку Надю (артистка Фирсова), он решает бежать из отряда, однако на его пути встает другой партизан — бывший секретарь райкома партии Ползунов, в образе которого автор соединил все негативное, что, по его мнению, было присуще партизанам и

коммунистам. Счастливый конец пьесы, наступивший неожиданно, ее содержательность, насыщенность деревенским юмором — все это привлекало внимание местных критиков, несколько дней спустя обсуждавших пьесу на страницах газеты «Голос народа».

Насколько театр был вообще любим и посещаем локотянами, свидетельствуют большие кассовые сборы, вытекавшие из количества проданных билетов. Так, 1 августа 1943 года (постановка драмы «Гроза») театр посетило 300 человек, 116 из которых приобрели самые дорогие билеты — по 20 рублей, 120 — по 15 рублей, и лишь 64 — по 10 рублей. Даже в период наступления Красной армии в августе 1943 года количество зрителей редко составляло менее 200 человек2.

Первым директором театра стал Григорий Андреевич Капуста, режиссером — Дмитрий Александрович Нетесин.

По распространившимся слухам, Капуста в августе 1943 года покончил жизнь самоубийством в своей квартире в Брянске в присутствии режиссера Д.А. Нетесина.

После смерти Г.А. Капусты директором театра стал Д.А. Нетесин, режиссером — Волонцевич.

Театры были открыты и в других райцентрах округа, их репертуары были подобны локотскому. Так, в программе Дмитровского городского театра были даже балетные номера. Помимо театров открылись и другие очаги культуры. В частности, в том же Дмитровске в июне 1942 года открылся Народный дом, где работали хоровой, музыкальный, драматический и балетный кружки. Тут же для населения устраивались концерты, ставились пьесы Чехова, Островского, Каратыгина.

В театрах и клубах проводились благотворительные концерты в фонд «зимней помощи» (так назывались кампании по сбору средств в помощь населению, пострадавшему от действий советской власти, войны и партизан) и рождественские елки для детей, сопровождавшиеся раздачей подарков. В ряде городов и поселков заработали кинотеатры, причем их открытие становилось для жителей настоящим праздником, как, например, 21 августа 1942 года в Дмитровске, когда в только что открытом кинотеатре демонстрировался немецкий фильм «Веселые бродяги». Несмотря на высокие цены билетов, зрительный зал был заполнен до отказа. Интересно, что просмотр кинофильмов был основным видом досуга горожан. Так, фильмы, помимо кинотеатра, демонстрировались также в помещении Дмитровского театра, толпы посетителей собирались заранее, ожидая вывешивания очередной афиши, после чего за билетами выстраивалась длинная очередь. Как правило, билеты на сеансы

распродавались без остатка, причем приобретали их не только дмитровцы, но и немецкие военнослужащие. Последние, кстати сказать, были вынуждены занимать в зрительном зале места рядом со «славянами-недочеловеками», что на других оккупированных территориях СССР вряд ли было возможно.

Большое значение придавалось работе сельских клубов, при которых часто создавались кружки художественной самодеятельности. Проводились инсценировки — в основном произведений русских классиков. Зачастую клубы становились местами, где по вечерам собиралась молодежь, проводя время в танцах под гармошку, играх и пении народных песен. В некоторых деревнях, где клубов не было при советской власти, они были открыты впервые. В селе Глоднево Брасовского района торжественное открытие клуба в конце октября 1942 года сопровождалось чтением доклада на тему «Искусство русского народа», инсценировкой поэмы Пушкина «Цыганы» и другими художественными номерами, а также массовыми танцами. Спустя короткое время при клубе были организованы драматический, струнный и хоровой кружки.

Осуществление принципа свободы вероисповедания приобрело в округе характер государственной политики. 28 сентября 1942 года обер-бургомистром был издан на этот счет приказ № 71, согласно которому на всех старост и старшин возлагалась обязанность проведения за счет добровольных пожертвований верующих ремонта церквей.

По сути, приказ лишь юридически закреплял шедшее полным ходом чуть ли не с первых дней существования самоуправления повсеместное открытие и освящение сохранившихся православных храмов. Каждое такое событие становилось всенародным праздником для жителей данного населенного пункта, как, например, открытие и освящение 10 августа 1942 года в Дмитровске протоиереем Александром Кутеповым престола в храме в честь святых равноапостольных Константина и Елены (так называемый Старый собор)1. Эта церковь была построена еще Дмитрием Кантемиром на высоком берегу реки Общерицы. Однако с приходом советской власти собор разграбили, живопись и фрески XVII века уничтожили, а в самом храме, единственном сохранившемся в городе, разместилась бондарная мастерская.

После изгнания большевиков дмитровцы решили вернуть храм к жизни. Многие граждане города в свободное от работы время работали по ремонту, оборудованию и украшению церкви под руководством церковного старосты П.Г. Королькова.

Таким же праздником, вылившимся в народное гуляние,

стало водружение 29 августа креста на одной из глав этого храма. Столь же активно участвовало население и в проводимых по праздникам крестных ходах и иных церковных мероприятиях. Ярким примером проявления религиозной активности населения явился прошедший 2 сентября 1942 года в Севске торжественный крестный ход с иконой Божией Матери. Храм, в котором накануне проводилось всенощное богослужение, не мог вместить всех верующих, многие стояли снаружи. Когда, наконец, многотысячная процессия двинулась по улицам города, ей приходилось замедлять ход, ибо вдоль всего ее маршрута были установлены столы для освящения воды.

Что касается управления православными приходами, большинство из них не подпадало под юрисдикцию местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского), жившего на советской территории в Москве. Очевидно, по этой же причине священнослужители округа отказались подчиняться митрополиту Вильнюсскому и Литовскому Сергию (Воскресенскому), заявившему о своем подчинении патриаршему местоблюстителю Сергию. По данным И.В. Грибкова, православное священство Локотского округа заявляло о своей принадлежности к Истинно-православной (катакомбной) церкви. Данное утверждение можно принять с большой вероятностью, принимая во внимание, что в довоенные годы в этих местах нелегально действовала большая община катакомбников. Юридически же православные церкви ЛАО входили в состав Смоленской и Брянской епархии, возглавляемой епископом Стефаном (Севбо).

Наряду с православными христианами на территории Локотского округа активизировали свою деятельность и христиане протестантских конфессий, в основном баптисты и евангелисты. Хотя деятельность инославных христиан и не была закреплена какими-либо специальными распоряжениями обер-бургомистра, никаких препятствий со стороны властей они не встречали, развив бурную деятельность по части миссионерства и открытия новых молитвенных домов. В округе действовала также большая община древлеправославных христиан (старообрядцев), руководимая, по всей вероятности, старообрядческим духовным центром в г. Новозыбкове.

По-иному оценивают религиозную активность населения Локотского округа советские источники. Партизанские разведывательные сводки о положении на оккупированной территории Орловской области информировали ЦШПД о том, что, несмотря на повсеместное открытие храмов и молитвенных домов, в религию было вовлечено меньшинство населения,

преимущественно люди старшего возраста, в то время как молодежь, так же как и при советской власти, оставалась далека от религии. Однако в свете фактов, указывающих на массовое открытие церквей и молитвенных домов, их хорошую посещаемость, к партизанским сообщениям следует отнестись критически.

С целью формирования у населения русского национального мышления была проведена кампания по переименованию улиц, площадей, населенных пунктов, носивших явно советские названия, что закреплялось приказом Каминского № 29 от 27 августа 1942 года:

«В целях полного искоренения из памяти населения нашего Округа бывшего жидо-большевистского владычества, приказываю:

§1

Все бывшие советские названия населенных пунктов в сельских местностях, а также установленные при советской власти названия улиц в городах, поселках городского типа и крупных селах, анулировать, восстановив по таким населенным пунктам и улицам их прежние названия дореволюционного времени или присвоив им новые наименования в русском национальном духе, а еще лучше, установив эти названия по фамилиям местных жителей, павших смертью храбрых за укрепление Новой Власти.

§2.

Осуществление указанного выше мероприятия в части городов и поселков городского типа возложить на городских Бургомистров и поселковых старост, а по населенным пунктам в сельских местностях — на волостных старшин»[124].

Важно выделить несколько специфических особенностей формирования и развития идеологической сферы Локотского округа. Несмотря на то что распространение идей и деятельности НСПР не пошло дальше границ округа, в его пределах русские национал-социалисты пользовались полной самостоятельностью. Это коренным образом отличало Воскобойника и Каминского от других коллаборационистских идеологов, деятельность и идейные разработки которых были полностью подчинены нацистам, а их действия носили вторичный характер. Достаточно вспомнить, что власовское движение вплоть до ноября 1944 года было вообще лишено права проявлять хотя бы малейшую инициативу и самостоятельность в политических вопросах, а сам генерал-лейтенант А.А. Власов был лишь пропагандной фигурой, используемой по усмотрению немцев. В Локотском округе,

напротив, вся инициатива исходила от организаторов самоуправления. Полное отсутствие какой бы то ни было цензуры, идеологического давления в сфере духовной жизни объясняется прежде всего совпадением интересов самоуправления и командования 2-й танковой армии на рассматриваемом этапе войны. Так, немцы в лице командования 2-й танковой армии представляли собой трезво мыслящий срез офицерского корпуса Германии, правильно оценивший перспективы взаимовыгодного сотрудничества с местным населением. Последнее же в результате такого обращения увидело далеко не все, а именно позитивные стороны национал-социализма, пытаясь, насколько это было возможно, копировать его основные положения.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Несмотря на все типичные для военного времени трудности, связанные с нехваткой учительских кадров, бумаги и учебных пособий, в Локотском округе предпринимались все меры для того, чтобы наладить нормальную работу школ. По довоенному советскому образцу была восстановлена система органов народного просвещения, включавшая в себя окружной отдел и подчиненные ему районные отделы. Последние возглавлялись заведующими, в подчинении каждого из которых были участковые инспектора, курировавшие работу школ на закрепленных за ними территориях, включавших, как правило, несколько волостей.

Руководством округа и лично Каминским было сделано все возможное, чтобы поднять престиж учительской профессии, максимально приблизив его к дореволюционному. Прежде всего было объявлено, что учитель больше не является проводником линии какой-то определенной партии, а становится абсолютно независим в своих суждениях и методах преподавания. Инспектора отделов народного просвещения оценивали теперь работу учителей исключительно по уровню преподавания и качеству знаний учащихся. Всевозможные общественные нагрузки, съедавшие при советском режиме значительную часть времени учителя, отменялись. В деле нравственного воспитания детей учителям рекомендовалось руководствоваться христианской моралью, духовным наследием русских писателей и поэтов (Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, А.В. Кольцова), однако при этом учителю предоставлялась большая свобода выбора, каких-либо распоряжений, предписывавших держаться определенной идеологической линии, не существовало.

Школы использовали учебники, изданные еще при советской власти, а перечень изучаемых предметов фактически остался тем же, за исключением разве что введенного в программу Закона Божьего

О том, насколько серьезное значение придавалось народному просвещению, свидетельствует приказ обер-бургомистра № 45 от 11 сентября 1942 года:

> «В соответствии с п. 3 Программы национал-социалистической партии России в области народного

просвещения, приказываю:

§ 1.

Ввести с 1 октября 1942 года в городских и сельских школах Локотского округа обязательное обучение учащихся 1, 2, 3 и 4 классов.

§ 2.

Обязать родителей учащихся и всех лиц, на иждивении которых находятся дети школьного возраста, обеспечить 100% посещаемость школы с первого дня учебного года.

§ 3.

Привлекать к материальной ответственности в виде денежного штрафа до 500 рублей всех лиц, которые будут задерживать детей дома без уважительных причин в дни учебных занятий.

Уважительными причинами необходимо считать:

а)болезнь учащихся, подтверждаемая справкой врача и

б)стихийное бедствие.

§4.

Всем сельским старостам, старшинам и руководителям школ необходимо обеспечить выполнение настоящего приказа на вверенной им территории.

Обер-бургомистр Локотского Округа

Комбриг Каминский [125]

Вскоре появился и второй приказ (№ 108 от 28 октября 1942 года), значительно расширявший и углублявший приведенный выше. Новый приказ вводил с 1 ноября 1942 года обязательное образование уже в объеме 7 классов средней школы. Он предписывал старостам сел организовывать подвоз детей к школам, а для живущих далее трех километров от школ — открыть при школах интернаты. Предусматривая штраф в размере 500 рублей для родителей, препятствующих посещению детьми школ, приказ тем не менее разъяснял, что его действие не распространяется на те селения, которые являются передовыми позициями на фронтах борьбы с партизанами. Явно • не желая создавать для местных органов власти заведомо неразрешимых проблем, приказом снималась ответственность с тех руководителей, подведомственные которым школьные здания были разрушены в ходе боевых действий или заняты воинскими частями.

О практическом выполнении этих приказов свидетельствуют следующие цифры: к началу ноября 1942 года на территории округа было открыто 345 школ (из них 10 средних), в которых обучалось 43 422 учащихся. Одна из партизанских информационных сводок констатировала, что школы в некоторых районах округа продолжали свою работу после оккупации практически без смены преподавательского состава, а количество учащихся в них осталось прежним. Количество школ в различных районах округа не было одинаковым. Так, в Суземском районе на октябрь 1942 года действовало всего семь школ с небольшим количеством учащихся. Вероятно, это напрямую связано с нестабильным военным положением района, в результате чего многие школьные здания были разрушены партизанами или пострадали в результате боевых действий.

Каминскому, который взял сферу образования под личный контроль, уже в начале декабря 1942 года пришлось признать, что отдельные бургомистры, волостные старшины и старосты не уделяют сфере образования должного внимания, ввиду чего занятия в 5—7-х классах в ряде школ из-за низкой посещаемости срываются. Пришлось железной рукой наводить порядок, и 3 декабря обер-бургомистр издал грозный приказ № 155, которым обязал районных бургомистров, волостных старшин и старост в недельный срок оштрафовать на 500 рублей родителей, дети которых пропускают школьные занятия без уважительных причин. Одновременно предписывалось привлекать к уголовной ответственности родителей, которые и после уплаты штрафов будут удерживать детей от посещения школ. Такое же наказание грозило руководящим работникам и директорам школ, по вине которых занятия в школах впредь будут срываться.

Угрозы применять к родителям-ослушникам репрессивные меры не были пустыми. Так, согласно приказу старшины по Брасовской волости М.И. Морозова № 36 от 12 декабря 1942 года, по территории волости штраф в размере 500 рублей накладывался на родителей 45 школьников, пропустивших занятия без уважительных причин. В частности, было оштрафовано: по деревне Сныткино —17 семей, по поселку Панькино — 3 семьи, по поселку Лукинов — 1 семья, по поселку Скоморошка — 5 семей, по поселку Николаевский — 9 семей, по поселку Рассошка — 6 семей, по селу Брасово — 4 семьи.

В ряде деревень удалось не только отремонтировать старые школьные здания, но и построить новые (например, в деревне Лукино Бородинской волости Дмитровского района)2. При некоторых школах, в основном расположенных в райцентрах, были организованы кружки самодеятельности: хоровые,

драматические, музыкальные. Иногда занятия в кружках так увлекали детей, что они даже выступали на сценах перед жителями своих населенных пунктов, как, например, в городе Дмитриеве, где учащиеся-кружковцы наряду с артистами гордрам-театра участвовали в театральных постановках. Многие школы располагали библиотеками.

Однако объективный анализ сообщений прессы и документов отделов народного просвещения позволяет заключить, что при контроле работы школ округа ответственным лицам чаще приходилось отмечать недостатки, нежели успехи. К таковым можно отнести в первую очередь несвоевременную подготовку школьных зданий к началу занятий. Так, в Дмитриевском районе, считавшемся возрожденным, 22 школы начали учебный год со значительным опозданием из-за несвоевременно проведенного по вине старост ремонта зданий. В этом же районе отмечались даже факты сноса школьных зданий (например, в деревнях Буциновка, Богословка, Жеденовка). В селе Лубянки соседнего Дмитровского района местное население с молчаливого согласия старосты растащило школу. Некоторые учителя и заведующие школами, явно саботируя мероприятия новой власти, не сделали даже элементарных шагов, чтобы наладить работу своих школ. Так, уже упомянутая заведующая Трубичинской школой Дмитровского района Молокова не стала решать вопрос с топливом для школы, стеклением окон, уборкой школы, в результате чего с наступлением холодов 15 из 65 учащихся перестали посещать школу совершенно, а остальные приходили на занятия от случая к случаю.

Что касается учащихся, перековать их сознание на антисоветский манер удавалось далеко не всегда. Уже упомянутая Т.Н. Гришаева рассказала об интересном случае, происшедшем в школе деревни Лубенск Брасовского района. Однажды учитель А.В. Шубин, ожидая визита немецких офицеров, повесил в классе портрет Гитлера. Дождавшись, когда учитель выйдет за дверь, мальчишки принялись стрелять в портрет из рогаток, продырявили его в нескольких местах. Вернувшись в класс, А.В. Шубин тут же снял портрет, а нескольких озорников чувствительно отодрал за уши. В этот момент в класс вошли немецкие офицеры. Узнав причину конфликта и увидев изуродованный портрет фюрера, офицеры долго смеялись, потом успокоили заплаканных ребят, погладив каждого по голове, некоторых угостили конфетами.

Кроме начальных и средних школ в округе функционировали краткосрочные курсы для подготовки агрономов и педагогическое училище в Севске, готовившее кадры учителей для начальных

школ. На начало 1943 года в нем обучалось 228 учащихся. Педучилище располагало отличной библиотекой. В марте 1942 года начались занятия в открывшемся Севском ремесленном училище, программа которого была рассчитана на двухгодичный срок обучения. Училище имело три слесарные группы, в которых обучалось около 70 учащихся. Аналогичные учебные заведения, призванные обеспечить рабочими кадрами местную промышленность, были открыты и в других райцентрах.

Система здравоохранения Локотского округа включала 9 больниц и 37 медицинских пунктов амбулаторного типа, в которых работали 51 врач и 179 медицинских сестер.

Так, штат открывшейся в марте 1942 года Навлинской районной больницы включал 2 врачей, 6 медицинских сестер, 9 санитарок, 1 дезинфектора и заведующего хозяйством. Возглавлявшая больницу на март 1943 года врач Федотова сумела обеспечить ее всем необходимым медицинским оборудованием. Больница состояла из двух корпусов: хирургическо-терапевтического на 15 коек и инфекционного на 50 коек. При больнице имелись кухня и прачечная. По району в ведении больницы были 3 врачебных, 4 фельдшерских пункта для населения и 4 — для бойцов РОНА. Кроме того, в районе открылось 3 изолятора на 5 коек3.

Очевидно, недостаток медицинских работников, особенно в условиях военного времени, давал о себе знать.

Не случайно ряд приказов предписывал производить их строгий учет. Так, приказом № 3 по военному отделу Локотского уездного управления от 6 июля 1942 года начальник отдела Г. Балашов обязывал старост и волостных старшин наряду с мужчинами от 16 до 50 лет брать на учет медицинских и ветеринарных работников. Столь же проблематичным было снабжение больниц и медицинских пунктов медикаментами — зачастую использовались лишь довоенные запасы, нередко с истекшим сроком годности. В этом отношении Локотской округ в невыгодную сторону отличался от других районов Орловской области, где местные больницы обеспечивались медикаментами за счет немецких госпиталей. Медицинская помощь была платной. Так, например, посещение амбулатории обходилось в 5 рублей. Медикаменты также отпускались за плату. В то же время, по свидетельствам местных жителей, стоимость медицинской помощи была низкой, имела, скорее, символическое значение.

Однако работа медицинских учреждений в плане профилактической работы не всегда была эффективной, о чем свидетельствует ряд нормативных документов округа. Так, приказ бургомистра Брасовского района М.И. Морозова № 87 от 8 июня

1943 года свидетельствует, что «заболевания тифом в Локотском районе приняли форму эпидемии. Борьба с ним на местах ведется слабо...», «в селениях наблюдается антисанитарное состояние квартир, дворов, улиц»3. Здесь же указывается на плохую работу райздравотдела, на отсутствие со стороны старшин и старост контроля за санитарным состоянием населенных пунктов. С другой стороны, вспышки инфекционных заболеваний тут же купировались. Показателен пример, когда летом

Сведений о ценах на медикаменты и стационарное лечение на территории ЛАО в дошедших до нас документах не содержится, однако правомерно предположить, что они были не выше, чем в других районах Орловской области. Так, на территории Клинцовского округа 1 порошок стоил 1 рубль, микстура простая — 8 рублей, микстура сложная — 12 рублей, 1 койко-день в стационаре с питанием обходился в 20 рублей. 1942 года в разных местах Локотского района были выявлены несколько человек, заболевших сыпным тифом. Упомянутый приказ № 87 бургомистра Брасовского района Морозова обязывал волостных старшин и старост в кратчайший срок отремонтировать бани, а в тех селах, где их нет, — построить новые. Тем же приказом старшинам и старостам предписывалось срочно очистить от мусора и нечистот улицы, дворы, уборные. Вслед за этим последовал приказ обер-бургомистра Каминского № 215 от 20 июля 1942 года, предписывавший всех заболевших сыпным тифом госпитализировать в административном порядке не позднее третьего-четвертого дня заболевания. В случае отдаленности больниц на местные власти возлагалась обязанность организовывать для содержания таких больных специальные хаты, где под наблюдением медицинских работников содержать их до полного выздоровления. А тремя месяцами раньше Каминский, обеспокоенный возможностью распространения бешенства, обязал всех владельцев собак получить на них регистрационные номера и содержать только на привязи. Всех свободно бегающих собак отстреливала полиция, а их владельцы подвергались штрафу в размере 500 рублей.

Очевидно, к проведению более или менее сносной профилактической работы подталкивал и постоянно дававший о себе знать недостаток медикаментов.

Социальную защиту граждан осуществляли отделы социального обеспечения, в задачи которых входило назначение пенсий престарелым и нетрудоспособным инвалидам, забота о детях-сиротах, о семьях, лишившихся кормильца в результате военных действий, и многое другое. Так, усилиями органов социального обеспечения в городах Дмитровске, Дмитриеве и

Севске к 1 декабря 1942 года открылись детские дома для детей-сирот, лишившихся родителей в результате налетов партизан. В Дмитровске был открыт дом престарелых, а дом престарелых в Дмитриеве — значительно расширен. Органы социального обеспечения провели подбор персонала и позаботились об обеспечении указанных заведений всем необходимым.

В некоторых случаях забота о детях-сиротах поручалась частным лицам, изъявлявшим такое желание. Так, в сентябре 1942 года одна из жительниц Брасова, уехав на работу в Германию, подкинула своего грудного ребенка семье Юшенковых. По желанию матери семейства Евгении Семеновны Юшенковой старшина Брасовской волости Морозов распорядился передать ребенка ей на бессрочное воспитание. За воспитание подкидыша Е.С. Юшенкова регулярно получала из фонда Брасовского старостата по два пуда зерна в месяц и по полтора кубометра дров.

Для установления инвалидности и определения степени нетрудоспособности, дававшей право на получение пенсии, в январе 1943 года заместителем обер-бургомистра С.В. Мосиным было утверждено Положение о врачебно-трудовых экспертных комиссиях (ВТЭК), которые и были организованы как в Локте, так и почти в каждом райцентре. Председательствовали на заседаниях ВТЭК, как правило, представители отделов социального обеспечения, а врачи различных специальностей выполняли функции экспертов.

В конце 1942 года по примеру Германии была проведена кампания «зимней помощи» малообеспеченным слоям населения. Проведение данного мероприятия не входило в обязанности органов социального обеспечения, а направлялось непосредственно обер-бургомистром. В соответствии с его приказом № 102 от 23 октября 1942 года «Об организации зимней помощи» при окружном самоуправлении был образован комитет под председательством начальника отдела агитации и пропаганды С.В. Мосина. В комитет вошли также редактор газеты «Голос народа» Н.Ф. Вощило и начальник штаба бригады милиции капитан И.П. Шавыкин. Аналогичные комитеты были созданы в центрах районов и волостей, а в старостатах местных управлений назначены уполномоченные. Данные органы работали на энтузиазме, без вознаграждения за труд. В воззвании к населению «Голос народа» разъяснял цели и задачи кампании.

Определяя сроки и порядок проведения кампании, приказ № 102 гласил:

«§ 3.

Данную кампанию провести в период с 1 ноября 1942 года по

1 января 1943 года.

§4.

Сбор производить исключительно на добровольных началах под лозунгом: «В Новой национальной России никто не должен погибнуть от голода или холода».

§5.

Комитеты и уполномоченные обязаны принимать от населения все предметы первой необходимости, как-то: обувь, одежду, белье, постельные принадлежности, головные уборы, носки, чулки и т. д. всех размеров, с изношенностью не свыше 60 проц., а также столовую и прочую посуду, кухонную утварь, мануфактуру и вполне доброкачественные продукты (в сыром виде).

§6.

На все сданные вещи и продовольствие приемщики или уполномоченные Комитетов обязаны выдавать квитанции каждому гражданину, а за неимением таковых — расписки с печатью старосты или старшины волости с обязательным перечислением принятых вещей и продовольствия, а также с указанием веса, меры, количества и качества принятого.

§ 7.

Все принятые вещи и продовольствие обязательно приходуются и хранятся в надежных помещениях, причем расходование их допускается исключительно по нарядам Окружного Самоуправления».

Отчеты первых же дней свидетельствовали об успешном начале кампании. Так, уже в первый день работы комитета в Комаричах в фонд «зимней помощи» поступило 5 верхних рубашек, 10 пар белья, 10 пар портянок, 5 пар рукавиц, 8 полотенец и другие вещи. А к 10 ноября на одной лишь Песчаной улице г. Дмитровска было собрано 55 кг ржи, 1 шапка, 14 предметов столовой и чайной посуды, 570 рублей. Стараясь поднять энтузиазм населения, окружная пресса отмечала некоторых активных жертвователей, например жителя Локтя Я.Л. Вишневецкого, пожертвовавшего в фонд «зимней помощи» 9 центнеров картофеля.

Таким образом, обер-бургомистру Каминскому и его администрации в короткий срок удалось наладить не только административное управление округом, но и систему образования, здравоохранения и социального обеспечения населения. И если создание органов самоуправления, их структура мало чем отличались от органов самоуправления на других оккупированных территориях СССР, то налаженная

усилиями аппарата Каминского инфраструктура выгодно отличала жителей округа от их соотечественников, вынужденных жить в условиях нищеты и бесправия два, а то и три года.

ЭКОНОМИКА ЛОКОТСКОГО ОКРУГА

Главной задачей Локотского самоуправления, если не считать борьбы с партизанами, было восстановление экономики, разрушенной при отступлении Красной армии осенью 1941 года. Чтобы представить себе серьезность удара, нанесенного локотской промышленности, достаточно упомянуть взорванный Локотской спиртзавод, выпускавший ранее 2000 декалитров ректификованного спирта и сырца ежедневно, а также уничтоженный Лопандинский сахарный комбинат (Комаричский район), дававший ежесуточно 6 вагонов сахара, а за сезон — до 700 вагонов. Кроме сахара завод ежегодно выпускал 2500 тонн патоки и 60 тысяч тонн жома, шедшего на откорм скота3. Аналогична судьба и других предприятий округа, как, например, сахарного и лесопильного заводов в селе Дерюгино Дмитриевского района, пишекомбината в Дмитровске. Не меньше пострадали и почтовые отделения. Так, почтовая связь в Дмитровском районе была совершенно разрушена: уничтожена аппаратура, перерезаны провода, тотальному разгрому подверглись и здания большинства почтовых отделений в деревнях.

Многие из предприятий были разрушены до такой степени, что их восстановление казалось немыслимым. Свою лепту внесло и население, которое, пользуясь наступившим во время отступления Красной армии безвластием, принялось растаскивать все, что могло хоть как-то пригодиться в хозяйстве.

Однако некоторые руководители и работники предприятий саботировали директивы об уничтожении и порче оборудования. Так, директору маслозавода И.В. Чуй-нову было приказано перед эвакуацией уничтожить заводское оборудование, а корпус завода привести в состояние негодности. Однако Чуйнов отдал распоряжение разобрать, упаковать и зарыть в землю наиболее ценное оборудование, а сам уклонился от эвакуации. Целенаправленно была сорвана также эвакуация Дерюгинского сахарного завода (Дмитриевский район) его директором Шматовым и механиком Хельманом.

Осознавая, что именно стабильная экономика является основой процветания государства, Воскобойник, а затем Каминский проявили небывалое рвение в ее восстановлении. О том, насколько эта их деятельность была эффективной, свидетельствует обзор состояния промышленности, сельского хозяйства и финансовой сферы на осень 1942 года, то есть к концу первого года существования самоуправления.

За этот сравнительно короткий срок под руководством механика И.Ф. Осипова при наличии небольшого количества рабочих были проделаны объемные работы по восстановлению спиртзавода. Была оборудована насосная станция, котельное помещение, восстановлен водопровод, налажена дробилка. На заводе открылись ремонтно-сле-сарная мастерская и кузница. Недостающее оборудование для завода доставляли из Навли. Производительность восстановленного предприятия достигла 2000 литров спирта в сутки1. Были подготовлены к открытию два небольших, но важных для местной экономики локотских предприятия — кожевенный завод и валяльная мастерская, организованные промышленным отделом окружного самоуправления. Вскоре они дали продукцию, обеспечивая как личный состав РОНА, так и гражданское население зимней одеждой и валенками2.

Кроме того, на конец 1942 года в Локте работали две электростанции — одна постоянного, другая переменного тока, освещавшие предприятия, учреждения и квартиры. Были пущены в работу две механические мастерские, где ремонтировались автомобили, бронемашины, средние и легкие танки, нарезное оружие, станковые и ручные пулеметы — предметы советского трофейного вооружения, переданные Каминскому немцами или отбитые у партизан. Также действовали кузнечный и литейный цехи (последний из-за перебоев с коксом часто простаивал), колесная, санная, бондарная, модельная сапожная и шорная мастерские. Переработкой сельхозпродукции занимались паровая мельница, прососушка, салотопка, а также мыловаренный завод. В течение летнего сезона работал кирпичный завод. Не только в Локте, но и по всему округу основу промышленности составляли предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Так, по состоянию на ноябрь 1942 года в округе работало 249 мельниц, в том числе 32 паровые.

Что касается упомянутого выше Лопандинского сахарного комбината, то всего лишь за год под руководством его директора Костюкова, механика Клима и техника-строителя Колкутина с территории предприятия вывезли сотни тонн мусора, произвели сборку машин, завезли строительные материалы, отремонтировали плотину, железнодорожное полотно, водокачку, баню, восстановили водоснабжение, электричество. На территории завода были открыты кузнечная, слесарная, токарная, столярная и сапожная мастерские, а также лесопильный завод. Рабочие и служащие сахзавода были снабжены квартирами, получали денежную зарплату и продовольственный паек. Удовлетворявший в основном нужды восстанавливавшегося

сахзавода Лопандинский кирпичный завод выпустил к тому времени 37 тонн кирпича.

Заслуживает внимание состояние промышленности города Севска — самого крупного населенного пункта округа. На октябрь 1942 года здесь действовали: маслозавод с производственной мощностью 1500 тонн в год; крахмальный завод, при котором проектировались также спиртоводочный и паточный цеха. Немаловажную роль в промышленности играл сушильный завод, имевший пять цехов: сушильный, располагавший 8 аппаратами, из которых три — в рабочем состоянии (их общая производительность составляла 15 тонн сырца в сутки), крахмальный с производительностью 1,5 тонны крахмала-сырца 1-го сорта в сутки, водочный с производительностью 126 литров водки в сутки, мельничный с производительностью 20 пудов зерна в час (при нем — прососушка), паточный с производительностью 2 центнера крахмальной патоки в сутки.

Кроме указанных предприятий в Севске работали мастерские МТС, располагавшие шестью годными к эксплуатации тракторами, из них ХТЗ— 1, СТЗ — 3, НАТИ — 2; имелся также один комбайн и одна сложная молотилка. В городе действовал известковый завод, производительной мощностью в 50 тонн, были восстановлены и работали водопровод и электростанция, по району действовали мелкие предприятия: мельниц ветряных — 36, водяных — 2, механических — 5, прососушек — 8. В стадии восстановления находился Севский кирпичный завод.

Если сравнить промышленность различных районов округа, следует прежде всего отметить разницу в ее объеме. Так, в одних районах (Севский, Брасовский) предприятия были ориентированы на выпуск продукции для нужд всего округа, в других же — исключительно для местных нужд, в третьих — крупные и средние предприятия вообще отсутствовали. Ярким примером района с промышленностью преимущественно для собственных нужд является Навлинский. На 6 волостей района общей площадью в 45 821 гектар действовали: лесопильный завод, мастерские, мельница, маслозавод, сапожная (валяльная) мастерская. Механические мастерские, сильно разрушенные при отступлении Красной армии, разместились в здании железнодорожных мастерских. Здесь были установлены горны и станки, завезены необходимые инструменты. С февраля 1942 года мастерские уже работали на полную мощность. Они состояли из деревообделочного, кузнечного и сборочного цехов. Здесь производился ремонт сель-хозоборудования, выделка ведер, тазов и прочих предметов из железа. Уже к весне 1942 года мастерские обеспечили плугами весь район. Из частных предприятий в

районе действовали швейная мастерская Иванова, выполнявшая как военные, так и частные заказы по умеренным ценам, районная водяная мельница.

К фактически беспромышленным относился Дмитриевский район, охватывавший 4 волости, что было напрямую связано с его сложившейся в дореволюционную пору спецификой, ибо Дмитриев всегда славился процветавшей торговлей и мелкой кустарной промышленностью. Подобная направленность была сохранена и в период самоуправления. В городе работало 4 магазина, 8 ларьков и несколько базаров. Действовавшие в Дмитриеве лишь мелкие частные предприятия решающего значения для экономики округа и района не имели. Некоторое исключение составляли разве что сахарный и лесопильный заводы в селе Дерюгино Дмитриевского района. На конец 1942 года сахарный завод был почти полностью восстановлен: удалось собрать разбросанные по дорогам части машин, восстановить новую машину в 45 лошадиных сил, отремонтировать насосы, паровой котел, дизель. Сбор запчастей, оборудования и механизмов, а также восстановление предприятия организовали вышеупомянутые директор Шматов и механик Хельман. Окончательное восстановление сахзавода было запланировано к 1 сентября 1943 года.

Следует признать, что промышленность округа, несмотря на почти тотальное разрушение, восстанавливалась довольно быстро. К концу 1942 — началу 1943 года была пущена в работу и начала выпуск продукции основная часть предприятий. Так, в Дмитровске на этот период времени удалось почти полностью восстановить пенькозавод, пустить в работу электростанцию, водокачку, наладить водопровод, кудельный агрегат, сушилку, электросварку и даже отремонтировать баню для рабочих/ Дополнительно при заводе были организованы механическая и столярная мастерские, бондарный, слесарный и жестяной цеха, а также цех по изготовлению гвоздей и проволоки, кузница. При заводе производился ремонт автомашин, тракторов, мотоциклов. С 15 января 1943 года был пущен в эксплуатацию Дмитровский пищекомбинат. В короткие сроки удалось в основном восстановить цех по выработке растительного масла, варочный, крахмальный, сушильный, кондитерский, спиртоводочный, колбасный цеха, вальцовую мельницу. Дополнительно началось установление подсобной электростанции.

Как бы копируя модель экономики Германии, экономика Локотского округа включала два сектора: государственный и частный. К последнему относились все те мелкие предприятия и мастерские, которые не имели сколько-нибудь важного

экономического значения и всевозможные сбои в работе которых никоим образом не могли отразиться на военном и экономическом положении округа. Ярким примером данного типа предприятий являются многочисленные мастерские по производству церковной утвари, существовавшие в каждом крупном населенном пункте. Так, в сентябре 1942 года в Севске открылось свечное производство В.Д. Гончаренко, принимавшее заказы от населения на изготовление церковных свечей, а также свечей для люстр и налепков. Все частные предприниматели и ремесленники-кустари были обязаны ежеквартально выкупать в окружном финотделе патенты на право ведения данного вида деятельности. За работу без патента виновные подвергались штрафу.

В то же время как частный, так и государственный секторы экономики находились под строгим контролем лично обер-бургомистра. Так, найм рабочей силы частными лицами был строго централизованным, осуществлялся исключительно через биржу труда. Для этого владельцам частных предприятий следовало подать на биржу предварительную заявку. Увольнение рабочего или служащего можно было осуществить также не иначе как по согласованию с биржей труда. Что касается конфликтов между нанимателем и работником, они разрешались отделом труда округа. Решения отдела относительно трудовых споров являлись окончательными и не подлежали обжалованию.

Контролировал соблюдение трудовой дисциплины лично обер-бургомистр. Однако этот контроль касался лишь государственных учреждений и предприятий. Так, 1 февраля 1943 года Каминский подписал грозный циркуляр, которым обязал руководителей вести табельный учет выхода на работу и ухода с работы рабочих и служащих. Систематически опаздывающим объявлялся выговор, при повторении нарушений виновные увольнялись с последующим направлением в распоряжение местной биржи труда. А лица, опоздавшие более чем на один час, объявлялись прогульщиками и к работе не допускались. При повторении прогула в том же месяце виновные подвергались административному штрафу или увольнению. Гораздо строже наказывались допустившие прогул руководители, неявка на работу которых могла обусловить простой группы подчиненных им рабочих. Таковых привлекали к уголовной ответственности и отдавали под суд.

Ввиду сельскохозяйственной специфики округа развитию сельского хозяйства придавалось не меньшее значение, чем промышленности. Прежде всего, в соответствии с декларированными в Манифесте НСПР принципами колхозная

система была упразднена, а земля передана в вечное и наследственное пользование крестьянам. При проведении аграрной реформы особенно много внимания уделялось жертвам коллективизации. Уже весной 1942 года накануне сева самоуправлением и землеустроительным отделом была разработана система мер по разделу колхозной земли между крестьянами. Причем лучшие наделы выделялись служащим самоуправления, сотрудникам полиции, бойцам и командирам народной милиции. Что же касается лошадей и иного колхозного имущества, поделенного населением в период безвластия накануне прихода немцев, оно безвозмездно закреплялось за новыми владельцами, что нашло отражение в приказе Каминского № 54 от 1 марта 1942 года:

> «Для выполнения Приказа генерала Бранда в части выделения наделов земли для командиров, бойцов и сотрудников быв. Локотского района приказываю:
>
> § 1.
>
> Господину Мосину срочно усилить Землеустроительный Отдел работниками соответствующей квалификаций с тем, чтобы вся подготовительная работа по нарезке наделов была закончена не позже 20 марта с. г.
>
> §2-
>
> Командиру Отряда господину Мироненко в 3-дневный срок представить в Землеустроительный Отдел сведения о желаемом месте получения надела.
>
> §3.
>
> Всем Начальникам Полиции и Старостам сел в 3-дневный срок представить в Землеустроительный Отдел списки Полиции и сотрудников, для получения наделов с указанием желаемого места нахождения надела.
>
> §4.
>
> Всем Старостам и Начальникам Полиции включить в списки семьи пострадавших от действий в борьбе с партизанщиной.
>
> § 5.
>
> Для снабжения сотрудников конским составом (получающим наделы) — Командиру Отряда, Госпоже Колокольцевой1 и всем Старостам в 3-дневный срок составить списки на лиц имеющих лошадей, для оформления передачи в собственность и на лиц не имеющих лошадей для снабжения лошадьми.
>
> §6.

Начальнику Полиции господину Иванину — снабдить всех сотрудников, не имеющих лошадей, в месячный срок, лошадьми.

§7.

При наделении наделами, наделы должны быть выбраны из лучших земель.

Бургомистр Локотского уезда

Б. Каминский».

23 июня 1942 года Каминский издал приказ № 185 «О восстановлении справедливости в отношении раскулаченных». В приказе констатировалось, что в настоящее время «раскулаченные, твердозаданцы и другие обиженные советской властью возвращаются на места своих бывших жилищ». В соответствии с приказом все конфискованное при советской власти имущество безвозмездно возвращалось прежним владельцам, в том числе все виды построек, сельхозинвентарь. В случаях если постройки к тому времени были уничтожены, бывшие владельцы получали аналогичные постройки из числа бывших колхозных, или же им бесплатно отпускался лесоматериал для строительства новых. Причем заготовка и доставка стройматериала производилась за счет уездного управления. Вслед за данным приказом последовало разъяснение, что не подлежат возврату многоквартирные дома, дома, занятые общественно-полезными помещениями (школами, больницами, клубами и т. д.) или военными организациями. В соответствии с упомянутым приказом часть колхозных построек передавалась бойцам народной милиции, полицейским, семьям, пострадавшим от партизан, сотрудникам аппарата самоуправления, а также беднейшему населению бесплатно.

К сожалению, в дошедших до нас документах самоуправления не обнаружилось сколько-нибудь значительных данных о практическом выполнении этого приказа. Однако сам факт его издания в немалой степени способствовал завоеванию местной властью авторитета среди крестьянства, так как с 1917 года это был первый документ по восстановлению прав репрессированного крестьянства на собственность.

Форма землеустройства и землепользования устанавливалась следующим порядком: вся земля, принадлежавшая колхозам и совхозам, разделялась по едокам. Например, земля бывшего Быховского совхоза была разделена между селами Новый путь (268 га), поселками Пивовар (253 га), Пески (130 га) из расчета 0,35 га на душу. В директиве Шаровского волостного управления Севского уезда от 7 мая 1942 года старосте деревни Апаж

говорится, что все прибывающие в село семьи, ранее раскулаченные советской властью, должны наделяться землей и обеспечиваться посевными материалами, которые должны собираться с населения в порядке самообложения.

Бывшие колхозные лошади и сельхозинвентарь распределялись по хозяйствам в индивидуальное пользование. Так, в личном пользовании крестьян земельного общества Апаж на вторую половину 1942 года числилось 78 железных плугов, 41 железная борона, 47 телег, 2 сеялки (неисправны), 1 сортировка (без сит), 2 культиватора, 1 конные грабли (неисправны).

Что касается хозяйств, не получивших лошадей и достаточного количества инвентаря, обязанность обработки их земельных угодий возлагалась на соседние «лошадные» хозяйства за небольшую плату сельхозпродуктами и деньгами. Например, постановлением Севского районного управления от 12 ноября 1942 года указывалось на необходимость обязательной обработки земли тех хозяйств, которые не имеют лошадей с оплатой:

За вспашку (первую) 1 га — 10 кг ржи и 50 рублей;

За перепашку 1 га — 8 кг ржи и 40 рублей;

За боронование — 2 кг ржи и 10 рублей.

Норма выработки составляла 0,5 га в день на лошадь, а кормление лошади возлагалось на хозяина, которому обрабатывалась земля.

При каждом земельном обществе засыпался сельфонд и волостной фонд. Так, в директиве Шаровского волостного управления от 22 октября 1942 года указывалось о засыпке семи видов культур.

Благодаря проведенным таким образом ликвидации колхозов и разделу колхозной собственности, жизненный уровень населения стал выше, чем в других оккупированных областях, где колхозная система была сохранена немцами как наилучшая с точки зрения оккупационных властей форма экономического господства.

Лишь там, где это было оправдано местными условиями, наряду с частными крестьянскими хозяйствами сохранялись коллективные хозяйства, преобразованные в земельные общества, которые должны были служить переходной ступенью к частному землевладению. Примером такого хозяйства может служить Соколовское земельное общество, объединявшее 5 деревень с 367 крестьянскими дворами. Общество имело молокозавод, кузнечную и валяльную мастерские, две кустарные маслобойки. Из инфраструктуры действовали медпункт, ветпункт и школа. Члены общества были обеспечены скотом и инвентарем2.

Помимо частных и общинных хозяйств, в Локотском округе,

очевидно на месте прежних совхозов, было создано 6 госхозов, каждый из которых специализировался по определенным отраслям земледелия и скотоводства. Так, животноводческий госхоз в Севске имел 44 лошади, 131 голову крупного рогатого скота, 279 голов овец, 31 колоду пчел. Из 2771 гектара площади госхоза 1168 га составляли пахотные земли, 10 га — сады, 425 га — луга, 300 га — пастбища, 6 га — усадебные земли. Помимо мельницы и просорушки госхоз имел кузнечную, плотницкую, слесарно-токарную мастерские. Все рабочие совхоза были обеспечены квартирами, топливом, хлебным пайком и денежной зарплатой. Не имевшие приусадебных участков получали литр молока в день, им отпускались овощи по твердым ценам1.

Об успехах аграрной политики самоуправления свидетельствовал хороший урожай, снятый осенью 1942 года.

Налоговую политику в округе можно охарактеризовать как щадящую, ибо взимавшиеся с населения налоги — денежные и натуральные — не шли ни в какое сравнение с удушающими налогами советской власти или с налогами, взимавшимися немцами в тех областях, где был установлен обычный оккупационный режим.

Согласно Временному положению о похозяйственном налоге на 1943 год, подписанному начальником окружного финотдела Барановым, основная ставка налога колебалась от 300 до 2500 рублей. При этом в расчет принималось наличие в семье трудоспособных, наличие или отсутствие земельных участков, их размеры.

Полностью от уплаты налогов освобождались рабочие и служащие, получавшие зарплату до 250 рублей, инвалиды первой группы, престарелые, сироты, не достигшие 15 лет, проживавшие отдельно, лица, не имевшие построек, скота, не пользовавшиеся огородами, а также семьи, глава которых погиб в борьбе с партизанами. Различные скидки (от 25 до 75%) предоставлялись награжденным знаками отличия германского командования, семьям инвалидов второй группы, семьям лиц, глава которых был сослан по ст. 58 УК и не вернулся из ссылки к 1 января 1943 года, лицам, имеющим на иждивении несовершеннолетних сирот3. В нашем распоряжении имеется интересный документ — «Протокол № 3 заседания комиссии при Брасовском рай-управлении» от 24 июня 1943 года. Комиссия в составе начальника райземотдела Чеглакова, начальника финансовой группы Сенчурова, инспектора по заготовкам Федорова рассмотрела заявления 39 человек об освобождении от налогов или снижении их размеров, а также ходатайство старосты села Дубровка об освобождении жителей села от картофелепоставок. В результате 17 заявителей

освобождено от налогообложения полностью, пятерым предоставлены скидки от 30 до 75%, пятнадцати предоставлена отсрочка уплаты продналога, и лишь заявления двух человек оставлены без удовлетворения. Полностью удовлетворено и ходатайство старосты села Дубровка.

Примечательно, что в докладной записке П.К. Пономаренко на имя И.В. Сталина от 15 марта 1942 года указаны следующие виды и размеры налогов, установленных в Локотском округе: зерно — 3—4 центнера с гектара, молоко — 350 л с коровы, свинина — 100 кг со двора, яйца — 35 штук с курицы, куры — 6 кг со двора, шерсть — 1,5 кг с овцы. Тот же П.К. Пономаренко упоминает четыре вида денежного налога: подушный — 50 рублей, на собаку — 100—150 рублей, на кошку — 50 рублей, на окна: выходящее на улицу — 15 рублей, выходящее во двор — 10 рублей. Однако эти цифры не отражали действительного положения вещей. Так, денежный налог, установленный тыловой администрацией 8 декабря 1941 года, составлял: с лиц от 16 до 50 лет — 20 рублей, с промысловых лошадей — 125 рублей, с 1 га бывшей колхозной земли — 6—10 рублей. Вскоре был установлен годовой фиксированный налог в размере 30—50 рублей с крестьянского хозяйства. Натуральный налог составлял: мяса — 16 кг, яиц — 20 штук, молока — 75 литров в год3. Налогообложение собак и кошек, а также окон в доме не подтверждается ни одним нормативным документом. Расспросы жителей ЛАО, а также других регионов, переживших оккупацию, показывают, что о таких странных налогах они даже не слышали, да их и не могло быть в принципе. Согласимся, что даже зажиточный крестьянин вряд ли при таких налоговых ставках позволил бы себе держать в хозяйстве собаку или кошку.

При взимании на территории ЛАО налогов с владельцев садов в расчет принимались только плодоносящие деревья, причем сады до пяти деревьев налогообложению не подлежали вовсе. Не включались в налогообложение и племенные жеребцы. Последнее свидетельствует о том, что племенная работа, равно как и животноводство вообще регулировались администрацией. Об этом свидетельствует и приказ обер-бургомистра № 31 от 31 февраля 1943 года, запрещавший самовольный убой молодняка крупного рогатого скота, овец и свиней. За нарушение приказа предусматривался административный штраф в размере 2000 рублей.

Ввиду отсутствия каких-либо законодательно утвержденных штрафных санкций по отношению к неплательщикам налогов налоговая система округа часто давала пробуксовки. Так, по Дмитровскому району, большинство крестьянского населения

которого жило в достатке, практически каждая семья владела крупным рогатым скотом, свиньями, овцами, даже лошадьми, выполнение различных поставок и денежных налогов было признано неудовлетворительным. Всего на 11 ноября 1942 года по району отмечалось выполнение поставок: по зерну — 15,5% плана, по картофелю — 23,1%, по мясу — 16%, по сену — 25%. Похозяйственный денежный налог за третий квартал оказался выполненным на 29,1%.

Интересно, что в некоторых случаях при налогообложении земельных обществ учитывался налог, уплаченный Советскому государству до оккупации. Так, если старосте удавалось представить районному агроному документы, подтверждающие уплату налогов колхозом, существовавшим на месте его земельного общества, советским налоговым органам, из общей суммы налога вычиталась сумма, уплаченная ранее.

Согласно официальному отчету инспектора госконтроля по Дмитровскому району И. Ермакова, из всех волостей наиболее неблагополучной была признана Бородинская, инспектирование которой показало, что на 8 ноября 1942 года годовой план картофелепоставок оказался выполненным на 54,1%, хлебопоставок — на 47,1%, сенопоставок — на 50%. Как самый отстающий старостат указанной волости был назван Обратеевский, выполнявший на тот же период годовой план картофелепоставок всего на 2,1%, хлебопоставок — на 7,9%.

Интересно, что локотские власти удовлетворяло даже относительное выполнение плана поставок. Так, в пример ставилось земельное общество поселка Первомайский Волконской волости Дмитровского района, выполнившее план зернопоставок на 73%, картофелепоставок — на 80%, сенопоставок — на 85%, мясопоставок — на 48%.

Однако имели место и случаи, когда виновные в срыве планов поставок сурово наказывались. Так, летом 1943 года Каминский узнал, что деревни Глушья, Фошня и хутор Городище Авчушанского старостата не выполнили поставки по той причине, что их жители «занимались кустарным производством глиняной посуды, деревянных борон и лаптей… предпочитая спекуляцию на рынке в ущерб своему непосредственному долгу». Обер-бургомистр обязал райземотдел выявить домохозяев, не выполнивших план посева, и конфисковать у них земельные участки и лошадей. Одновременно семьи виновных было приказано исключить из членов земельного общества и выселить из деревень, направив в другую область для использования на оборонных работах.

Земельные общества, хорошо справлявшиеся с поставками сельхозпродукции, получали различные поощрения. Так, директива Любошевского волостного управления от 21 октября 1942 года предписывала «за выполнение плана картофелепоставок премировать крестьян солью».

Для сравнения, в соседнем с Локотским округом Стародубском районе Орловской области, оккупированной немцами, были установлены следующие налоги: военный — по 6 центнеров зерна, мясо — по центнеру со двора, с собак — по 200 руб. с головы, подушный — по 80 руб. с едока, молоко — по 300 литров с коровы, яиц — 75 шт. со двора. Кроме того, крестьяне были обязаны полностью сдавать приплод коров (телят), овечью шерсть, пеньку и лен. У семей коммунистов, партизан, советских активистов и красноармейцев изымался весь скот. Кроме перечисленных налогов, жители района подвергались продовольственным и вещевым поборам на содержание полиции. В ряде районов Орловской области подушный денежный налог доходил до 500 руб.2, при этом трудоспособность, в том числе возраст, состояние здоровья налогоплательщика в расчет не принимались, а молочный налог доходил до 550 литров молока с коровы3. Каких-либо льгот при налогообложении для жителей районов, лежащих вне территории Локотского округа, не предусматривалось. При таком раскладе средняя городская семья, состоящая из пяти человек, имевшая лишь приусадебный участок, вынуждена была платить до 2500 рублей в год, тогда как на территории ЛАО такая же семья платила от 200 до 650 рублей в год.

Любопытно, что натуральный налог в оккупированных районах, не вошедших в ЛАО, лишь номинально был фиксированным в том плане, что продукты земледелия и скотоводства в большинстве случаев изымались бессистемно4. В результате поголовье скота сокращалось, ибо держать домашних животных становилось невыгодным. В районах же Локотского округа, по имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам местных жителей, сверхплановые и бессистемные поборы не допускались. Что касается официальных партизанских сводок и донесений, ни в одном из них не содержится данных о завышении должностными лицами размеров натуральных поставок.

После передачи западных районов Орловской области в состав Локотского округа здесь быстро развилась частная торговля, к которой впоследствии прибавились торговые точки, подведомственные самоуправлению. Во всех районах округа (кроме Навлинского и Суземского) по воскресеньям работали базары. Базарная торговля была особенно широко развита в

Дмитровске и Севске. Ассортимент ее включал самые различные товары, начиная от кондитерских и галантерейных и кончая мукой, зерном, пшеном, причем цены были невысокими. 19 августа 1942 года открылся воскресный базар в Комаричах. Накануне его открытия старостам сел было предложено явиться в районное управление для получения пропусков и справок для крестьян, намеревающихся торговать продуктами. Торговля в Комаричах, как, впрочем, и в других райцентрах, первоначально проходила в виде натурального товарообмена. Базар, кроме местных жителей, посещали также немцы и венгры, предлагая крестьянам некоторые дефицитные товары в обмен на продукты питания, например килограмм соли на литр коровьего масла, коробку спичек на несколько яиц.

К концу 1942 года базарная торговля в основном стала денежной, вытеснив натуральный товарообмен. Это способствовало улучшению материального положения рабочих и служащих, живших на денежную зарплату, которые в условиях меновой торговли могли отовариваться лишь с большим трудом. Надо сказать, что переход к денежной торговле на рынках округа произошел не в результате стабилизации рубля, а являлся следствием жестких мер, проводимых органами самоуправления. Здесь финотделы прибегали даже к помощи полиции, в обязанность которой вменялось следить, чтобы на базарах торговали исключительно на деньги.

В крупных населенных пунктах открылся ряд магазинов и ларьков. Так, в Локте существовал магазин, который по талонам обеспечивал рабочих и служащих нормированными дефицитными товарами, каковыми в условиях военного времени были соль, спички и мыло. Наряду с государственными открылись частные торговые точки. Ассортимент товаров, учитывая военное время, был достаточно разнообразен: на комиссионных началах продавались одежда, обувь, скобяные изделия, спички, табак, школьные принадлежности, краски, кислоты, замазки, булочные изделия, иголки, нитки и даже детские игрушки. Интересно, что наибольшее развитие, как по количеству торговых точек, так и по ассортименту товаров, торговля получила именно на периферии, Локоть в этом отношении явно отставал.

Финансовую политику окружного самоуправления осуществлял организованный в Локте Государственный банк. Его задачи заключались в изучении вопросов проектирования восстановления промышленных предприятий, выявлении случаев неправильного составления смет и затягивания сроков восстановления, недопущении беспроектного и бессметного строительства. Банк был также обязан выявлять нарушения,

связанные с выдачей заработной платы, бороться с использованием денежных средств не по назначению, следить за тем, чтобы работы оплачивались строго по сметным расценкам, вскрывать факты бесхозяйственности и добиваться их устранения.

В ведении районных финотделов находились районные кассы, из которых осуществлялось финансирование деятельности аппарата самоуправления и начисление заработной платы работникам государственных предприятий. Окружной финотдел, помимо этого, занимался продажей патентов на право частнопредпринимательской деятельности.

На территории Локотского округа имели хождение советские денежные знаки. Оккупационная немецкая марка, курс которой по отношению к рублю составлял 1:10, здесь не прижилась.

Существовали следующие ставки зарплаты рабочих и служащих, выдававшейся исключительно в рублях: бургомистр района, заместитель бургомистра — 1000 рублей; пропагандист района — 750 рублей; следователь — 700 рублей; судебный исполнитель, заведующий складом, машинист паровой мельницы — 400 рублей; делопроизводитель полиции — 300 рублей; полицейский волости, конюх волостного управления — 250 рублей; сторож, сторож-истопник — 200 рублей; уборщица — 150 рублей1.

Интересно, что покупательная способность советского рубля напрямую зависела от хода боевых действий на фронте. Начиная с 1943 года она неуклонно повышалась в связи с приближением к границам округа советских войск.

Следующей интересной особенностью Локотского окружного самоуправления было хозяйственное планирование, оставшееся в наследство от советской экономики и целиком соответствовавшее «социалистическим» взглядам Каминского. План составлялся по каждой отрасли хозяйства соответствующими отделами самоуправления и бургомистрами районов по распоряжению обер-бургомистра с последующим представлением (к 25 января 1943 года) в планово-экономический отдел на рассмотрение и последующее утверждение. Планово-экономическим отделом, в свою очередь, на места были разосланы формы для составления планов по всем отраслям хозяйства и даны необходимые разъяснения и указания.

Чтобы оценить значение проделанной Каминским и его администрацией работы по восстановлению экономики, достаточно учесть, что в других городах и крупных населенных пунктах, находящихся в зоне оккупации, даже в тех, которые пробыли во власти немцев три года, так и не удалось наладить нормальную работу большинства промышленных предприятий.

Повсеместно не хватало инженерно-технического персонала, квалифицированных рабочих, оборудования, стройматериалов. А многие из все же восстановленных предприятий были выведены из строя в результате диверсий партизан и подпольщиков. В результате оккупанты были вынуждены ограничиться пуском лишь тех предприятий, которые работали на удовлетворение нужд германской армии. Так, в Смоленске, Орле, Брянске на начало 1942 года также были пущены в эксплуатацию электростанции, однако их ток подавался лишь на военные предприятия и в дома, занятые немцами, в то время как в Локте жители крупных населенных пунктов пользовались электричеством, как и в довоенное время. Что же касается Локотского округа, то наличие трудовых ресурсов — специалистов и рабочей силы, их заинтересованность в результатах труда позволили добиться значительных для военного времени результатов. В целом на территории Локотского округа удалось восстановить и пустить в работу большинство из действовавших до войны предприятий, причем не только имевших военное значение, но и удовлетворявших потребности населения округа. Промышленность, сельское хозяйство, торговля, сфера обслуживания достигли на территории округа почти довоенного уровня, о чем жители других оккупированных территорий СССР могли только мечтать.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

История создания вооруженных сил Локотского округа восходит к началу октября 1941 года. Когда Воскобойник и Каминский предложили немцам свои услуги, германское командование санкционировало, наряду с образованием местного самоуправления, создание вооруженного отряда самообороны. Отряд включал первоначально всего 18 добровольцев и именовался народной милицией.

После того как 16 октября оккупационные власти утвердили Управление Локотской волости, численность отряда народной милиции с их санкции была увеличена до 200 человек. Аналогичные отряды были созданы и в других населенных пунктах. Командование было строго централизовано и находилось в руках локотского бургомистра и его заместителя.

Каминский, сменив на посту бургомистра убитого партизанами Воскобойника, немало позаботился о том, чтобы не разделить судьбу своего предшественника, приступив к формированию в деревнях Локотского района более сильных вооруженных отрядов. Уже в январе 1942 года в его распоряжении имелось 800 бойцов, объединенных в два батальона. В феврале численность народной милиции составляла до 1200 бойцов и командиров в составе трех батальонов, которые дислоцировались в совхозе «Пчела», на хуторе Холмецкий и в деревне Красный Колодезь, то есть на восточной окраине лесной зоны. В марте был сформирован четвертый батальон, и общая численность милиции, таким образохм, выросла до 1650 человек.

Поскольку разрозненные отряды местной самообороны не могли самостоятельно контролировать огромный район и противостоять набиравшему силу партизанскому движению, перед Каминским встала задача организации более многочисленных и хорошо вооруженных формирований на регулярной основе. В результате добровольный принцип комплектования народной милиции стал уступать место принудительной мобилизации.

Первоначально запись добровольцев, равно как и мобилизацию, проводили старосты сел, однако их работа в этом отношении сразу же была отмечена рядом серьезных нарушений. Так, повсеместно всплывали факты предвзятого отношения старост к мобилизуемым, выражавшегося в том, что старосты зачастую укрывали от мобилизации своих родственников, друзей и знакомых, при этом брали взятки, а призывали лиц, явно негодных к военной службе по состоянию здоровья, а также

многодетных отцов. В связи с этим интерес представляет следующий документ:

«ПРИКАЗ № 154 по Локотскому Уездному Управлению

28 мая 1942 года

При мобилизации граждан в вооруженные отряды старосты допускают ряд серьезных извращений, напр.: уклоняются мобилизовывать родственников, близких знакомых, в то же время мобилизуют заведомых калек, имеющих справки о непригодности к военной службе, не учитывают семейного положения — нередко из семьи берут последнего трудоспособного.

Такое положение не терпимо, т. к. вызывает вполне справедливое недовольство. Предлагаю всем старостам относиться к подбору мобилизуемых серьезно и беспристрастно. Если в дальнейшем будут допускаться извращения, виновных будут предавать военно-полевому суду.

Бургомистр Б. Каминский» [126]

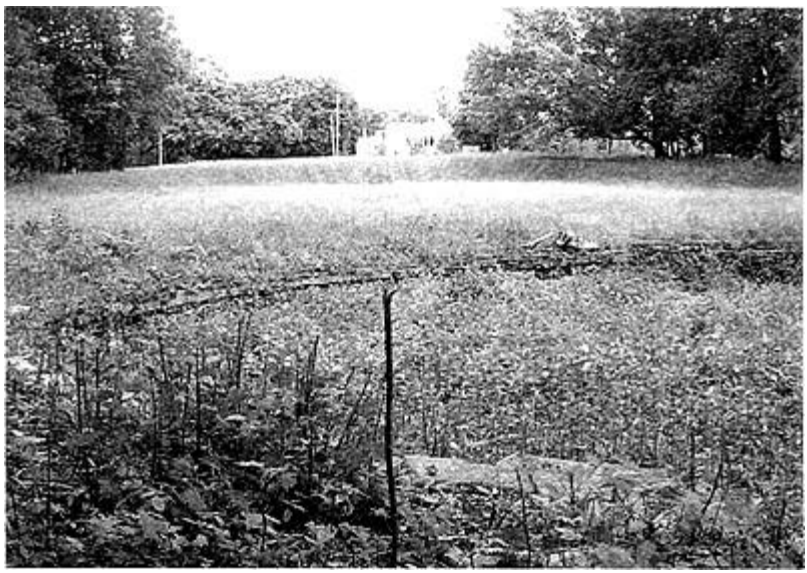
Наталья Брасова и великий князь Михаил Александрович Романов

Усадьба в Брасове. Дореволюционный снимок

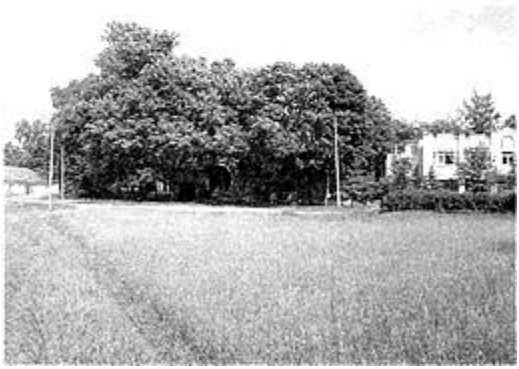
«Дом архитектора» — единственное сохранившееся здание дворцового комплекса Михаила Романова в Локте. Теперь — Дом пионеров и школьников

Территория парка перед дворцом Михаила Романова в Локте. На переднем плане — остатки фонтана

Локоть. Остатки парковых аллей

Локоть. Площадь парка перед дворцом Михаила Романова. На дворцовом фундаменте — здание налоговой инспекции (на снимке справа)

Станция Брасово. Здесь находился штаб 287-й стрелковой дивизии, оставлявшей Локоть в 1941 г.

Довоенный фрагмент железнодорожной конторы станции Брасово

К.П. Воскобойник — основатель

К.П.Воскобойник - основатедь Локотского самоуправления. Убит партизанами 8 января 1942 г

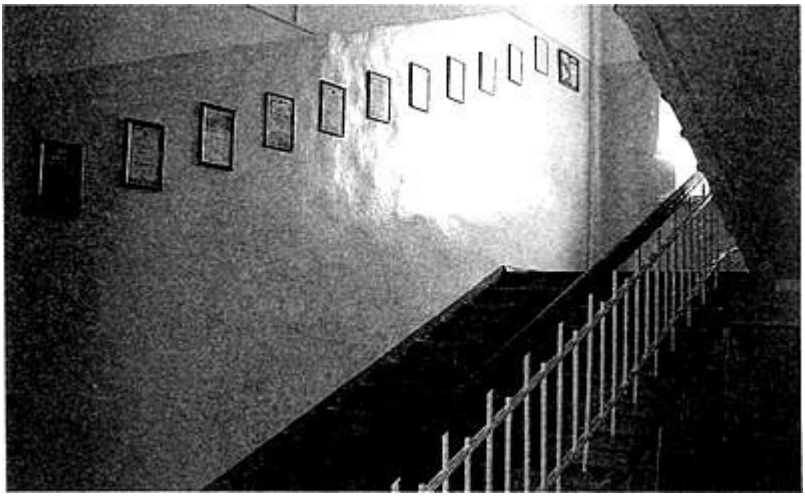
Б.В. Каминский — второй бургомистр Локотского самоуправления. В 1944 г. — бригадефюрер СС, командир 29-й гренадерской ваффен-дивизии СС РОНА «Русская № 1». Участник подавления Варшавского восстания. Расстрелян 28 августа по решению руководства СС

Командиры РОНА уточняют задачу

Здание Лесохимического техникума, где до войны преподавал К.П. Воскобойник. С 1942 г. — Локотской художественно-драматический театр им. К.П. Воскобойника. Теперь — районная администрация. Справа от здания стояла часовня, слева — кладбище бойцов и командиров РОНА и могила К.П. Воскобойника. Уничтожены 27—28 августа 1943 г. при вступлении в Локоть Красной армии

Лестничные марши, интерьер здания техникума (гортеатра)

Мехзавод. В период самоуправления — механические мастерские. Здесь ремонтировались танки, пушки, оружие, производились товары народного потребления

Одно из зданий казарм РОНА

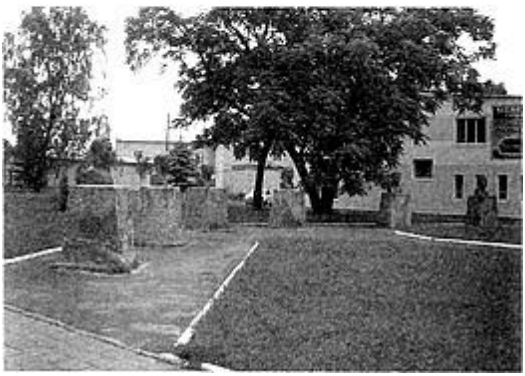
Дом К.П. Воскобойника по адресу: Локоть, пер. Воскобойника, 1 (теперь ул. Лесная). 11а крыльце этого дома (на снимке справа) в ночь на 8 января 1942 г. был смертельно ранен Воскобойник

В период самоуправления улица носила имя «Героев, павших 8 января 1942 года». Теперь название обрубили, оставив двусмысленную суть

Под деревьями находилась могила К.П. Васюбошика

На этом место было кладбище павших бойцов и командиров РОНА, могила К.Г. Воскобойника. Теперь — бюсты Героев Советского Союза

Памятник советским партизанам в Локте

Партизанка отряда «За Родину!» Мария Сергеевна Орешкина, жительница Локтя. Все три года оккупации провела в партизанах, участница многих боев. Подтвердила, что воевали партизаны не с немцами, а почти исключительно с РОНА

Автор книги в одной из деревень близ Локтя рядом с немецкой топливной автоцистерной, установленном на базе российского грузовика ГАЭ-3307

Средний бронеавтомобиль БА-10, состоявший на вооружении РОНА

Вооруженным отрядом Локотского уездного управления на тот период времени командовал бывший офицер Красной армии, лейтенант Г.Н. Балашов. Однако он не был облечен всей полнотой власти относительно комплектования и снабжения подчиненного ему отряда. Ввиду выявленных нарушений Каминский был вынужден взять военное дело под личный контроль. В частности, многие приказы Балашова вступали' в

силу лишь после их подписания Каминским, в особенности если речь в них шла о вопросах снабжения бойцов за счет гражданского населения.

Все это поставило Каминского перед необходимостью централизовать и максимально упорядочить мобилизацию. После того как 19 июля 1942 года командование 2-й танковой армии придало Локотскому округу официальный статус, Каминским были созданы военный отдел (начальник — Г. Балашов) и мобилизационный подотдел (начальник — В. Белоусов), в задачи которых входили как мобилизационные мероприятия, так и учет военнообязанных.

Объявленная обер-бургомистром осенью 1942 года мобилизация мужского населения 1922—1925 годов рождения носила принудительный характер — вплоть до привлечения уклоняющихся к суду по законам военного времени, взятия из семьи заложников, выселения из дома и прочих репрессивных мер. Благодаря этому в распоряжении Каминского оказалось несколько тысяч бойцов, что дало возможность переформировать разрозненные отряды народной милиции в подобие регулярной армии, которая получила название Русская освободительная народная армия (РОНА). Она была также известна как «русско-германское войско», «бригада Народной армии» или «бригада Каминского».

Сведения об официальном составе РОНА на начало 1943 года дает «Строевая записка по бригаде Народной армии Локотского округа на 16 января 1943 г.»

Подразделение	Старший командный состав	Средний командный состав	Младший командный состав	Рядовой состав	Всего
Штаб бригады	5	19	16	12	52
Авто гараж	1	2	5	44	50
Бронетанковый дивизион	1	1	2	48	52
Зенитная батарея		2	4	26	34
Комендантский взвод		1	3	23	27
Истребительная рота		7	10	112	129
Специальная часть	2	1		28	31
Столовая				20	20
1-й батальон	2	55	62	637	756
2-й батальон		8	70	716	794
3-й батальон	4	19	44	833	900
4-й батальон	1	5	51	374	431
5-й батальон	2	36	84	878	1000
6-й батальон		21	49	578	648
7-й батальон		26	50	645	721
8-й батальон	7	15	60	636	718
9-й батальон	1	18	43	444	506
10-й батальон		28	61	597	686
11-й батальон	2	30	52	710	794
12-й батальон	3	16	33	698	767
13-й батальон	1	12	14	343	370
14-й батальон		19	30	293	342

Став в результате мобилизации столь многочисленным и сильным соединением, РОНА в то же время обладала еще и значительным мобилизационным ресурсом. Так, на январь 1943 года по всей территории Локотского округа было взято на учет 19 405 военнообязанных.

Локотские вооруженные силы не исчерпывались штатными частями РОНА, указанными в приведенной выше строевой записке. Помимо РОНА существовала так называемая «самоохрана», представлявшая собой ополчение, сформированное из местного населения и на средства населения того или иного населенного пункта. Ее военнослужащие имели статус «боец самоохраны». Подразделения «самоохраны» подчинялись местным начальникам гражданской полиции и «самоохраны». В функции «самоохраны» входила охрана транспортных коммуникаций, урожая, имущества крестьян и госхозов, старостатов, волостных и районных управ, объектов социального назначения (школ, клубов, больниц, детдомов), а также охрана правопорядка и предотвращение мелких правонарушений. Зачастую подразделения «самоохраны» привлекались к участию в антипартизанских операциях. Бойцы «самоохраны» были вооружены исключительно стрелковым оружием.

Третьей вооруженной структурой являлась гражданская полиция, функции и структура которой были такими же, как и на других оккупированных территориях РСФСР. По крайней мере, в архивных документах локотских органов полиции имеются общие инструкции и предписания, которыми руководствовалась гражданская вспомогательная полиция тыловых районов группы армий «Центр». Согласно «Предписанию для службы порядка», изданному командованием группы армий «Центр», на полицию возлагались следующие обязанности:

Уголовно-полицейские (преследование и пресечение уголовных проступков).

Государственно-полицейские (раскрытие и преследование преступлений, направленных против германских частей).

Охрана общественного порядка (надзор за дисциплиной жителей населенных пунктов, контроль за соблюдением правил дорожного движения, пожарная охрана, надзор за санитарным состоянием улиц, выполнение предписаний, касающихся пропитания и снабжения местного населения, караульная служба).

Функции особого назначения (содействие германским частям и воинским коллаборационистским формированиям в борьбе с партизанами, воздушно-десантными отрядами РККА,

сопровождение продовольственных обозов от крестьянских общин до сборных пунктов).

Полиция размещалась поротно или повзводно в крупных и средних населенных пунктах, подчинялась соответствующим начальникам полиции. В сельской местности на каждую сотню жителей приходился один полицейский. В пределах села полицейские подчинялись старостам, в пределах волости — волостным старшинам и начальникам волостных управлений полиции. В пределах Локотского округа гражданская полиция подчинялась начальнику окружной полиции Р.Т. Иванину. Вооружены полицейские были в основном легким стрелковым оружием, тяжелое вооружение имелось лишь в опорных пунктах.

Согласно предположению, высказанному нами в предыдущих работах по истории ЛАОЗ, совокупная численность локотских вооруженных сил, включая гражданскую полицию, на начало — середину 1943 года составляла не менее 20 тысяч солдат и офицеров. Помимо трех упомянутых структур — РОНА, службы «самоохраны» и гражданской полиции, — в эту цифру входят так называемые некадровые бойцы, которые рекрутировались из числа негодных к военной службе по состоянию здоровья, многосемейных. Внештатные бойцы не получали обмундирования и других видов довольствия, имели более свободный график службы.

В этом отношении показателен пример И.Л. Юшенкова, захваченного в сентябре 1943 года Красной армией. При аресте у него были изъяты: красноармейский военный билет; справка ВТЭК, выданная в Локте в феврале 1943 года, в том, что Клюенков страдает активным туберкулезом легких и является инвалидом второй группы; справка бойца Брасовского вооруженного отряда.

Будучи допрошен в Локте 12 сентября 1943 года сотрудником Орловского УНКГБ лейтенантом госбезопасности Макеевым, Клюенков показал следующее:

> «...Я за свою работу жалованья, обмундирование и продукты питания ни разу не получал, так как нас считали не кадровыми полицейскими».

Теперь следует остановиться на том, кем были солдаты и офицеры РОНА. Бытует мнение, будто в полицию и другие антисоветские вооруженные формирования шли либо представители свергнутых революцией «эксплуататорских классов», либо деклассированные элементы, пьяницы и уголовники. Чекист К.Ф. Фирсанов так и пишет: «С первых дней оккупации в городах и районах нашей области стала всплывать на поверхность разная нечисть: троцкисты, меньшевики, правые

эсеры, кулаки и бывшие купцы. Кое-где появились доставленные немцами с эмигрантской свалки помещики. Вся эта немногочисленная, но очень обозленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов».

Согласно докладной записке старшего майора госбезопасности Матвеева и майора Быстрова, К.П. Воскобойник будто бы был совершенно конченым, окончательно деградировавшим алкоголиком, занимавшимся административными и военными вопросами лишь «в перерывах между учащающимися попойками». Еще менее лестно характеризуют составители записки бойцов народной милиции: «Вполне достойны были своего начальника (К.П. Воскобойника. — И. Е.) и полицейские-добровольцы из кулаков, воров, хулиганов и т. п. «борцов за идею», знакомых со всеми, без малого, статьями советского Уголовного кодекса».

Такие утверждения, имеющие либо пропагандистские цели, либо сочиненные в надежде несколько ретушировать сложившуюся в Локотском округе ситуацию, далеки от истины. Сохранившиеся в Государственном архиве Брянской области анкеты полицейских содержат следующие данные: из 78 человек выходцев из помещиков и кулаков нет вообще, 77 человек — крестьяне, в основном из бедняков, 1 — рабочий, большинство — отцы семейств, среди которых немало многодетных. Судимых за тяжкие преступления нет, 4 человека судимы за неуплату алиментов, 2 — за хулиганство, 1 — за невыработку трудодней, 1 — за антисоветскую агитацию, 1 — за антисоветскую песню, 1 — за пререкание с представителем сельсовета, 1 — за оскорбление местной власти2. Для страны, 10—15 процентов населения которой постоянно находилось в тюрьмах, лагерях и ссылках, процент судимых среди полицейских получается самым низким. Просмотр иных документов — характеристик, справок, личных дел бойцов и командиров РОНА — также не дает оснований считать подавляющее большинство каминцев «отбросами» и «отщепенцами».

Для наглядности приведем некоторые из таких документов:

> «Характеристика. Алексютин Николай Варламович родился в селе Брасово /?/ августа 1923 года в семье частного предпринимателя-пекаря.
>
> В 1940 году окончил 8 классов Брасовской средней школы, после чего поступил работать в Льговский Райтрансторгпит на должность экспедитора питания по ж/дор. узлу Льгов—Комаричи и проработав два с половиной месяца, снова потянуло учиться и приобрести

какую-то основную квалификацию. В январе 1941 года поступил в школу Ф.З.О. при Дятьковском Лесотресте, где и получил специальность лучкиста. В августе месяце 1941 года приехал в Брасово, попав в сентябре же под мобилизацию, по которой был признан годным, направлен в авиационное училище в гор. Елец, но попасть в него не удалось, так как к этому времени часть Орловской области была оккупирована Германскими войсками.

Алексютин Н.В. 2-го декабря 1941 года вступил добровольно в Брасовскую полицию. Несколько раз участвовал в боях против лесных бандитов, с 10 февраля 1943 года был призван в ряды бойцов гвардейской роты Локотской Бригады Р.О.Н.А.

Во время своей работы при существующей власти Алексютин Н.В. был мужественным и настойчивым при выполнении своих обязанностей.

Бургомистр Брасовского района
/Морозов/».

Обер-бургомистру Локотского Округа г-ну Каминскому Б.В.

При наступлении красных войск на Ольговку, Германскими войсками был взят в плен гр-н с. Брасово Баусов Алексей Анисимович, который был призван на действительную службу в Красную армию в 1939 году, где и служил до момента взятия его в плен, т.е. до 20 марта 1943 года.

Из личных моих опросов знающих Батусова Алексея Анисимовича выяснено, что он сын хороших, честных родителей, очень послушный.

Прошу Обер-бургомистра войти с ходатайством перед Германским командованием об отпуске гр-на Батусова Алексея Анисимовича из лагеря военнопленных затем, чтобы он мог вступить добровольно в нашу Русскую Народную Армию.

Бургомистр Брасовского района
/Морозов/.

Весной 1943 года батальоны РОНА были сведены в пять стрелковых полков трехбатальонного состава.

Нумерация полка	Командир	Нумерация батальонов
1-й стрелковый полк	майор Галкин	1-й, 2-й, 11-й батальоны
2-й стрелковый полк	майор Тарасов	4-й, 6-й, 7-й батальоны
3-й стрелковый полк	майор Турлаков	3-й, 5-й, 15-й батальоны
4-й стрелковый полк	майор Прошин	10-й, 12-й, 14-й батальоны
5-й стрелковый полк	капитан Филаткин	8-й, 9-й, 13-й батальоны

Каждый батальон имел в своем составе 4 стрелковые роты, минометный и артиллерийский взводы. На вооружении по штату требовалось иметь 1—2 орудия, 2—3 батальонных и 12 ротных минометов, 8 станковых и 12 ручных пулеметов. Однако на практике как в личном составе, так и в вооружении отдельных батальонов единообразия не существовало. Как видно из приведенной выше строевой записки, их численность колебалась в пределах 300—1000 бойцов, а наличие вооружения зависело главным образом от характера выполняемых задач. В то время как одни батальоны располагали даже бронетехникой, другие были вооружены преимущественно винтовками и почти не имели ручных и станковых пулеметов. На вооружении бронедивизиона имелось 8 танков (один КВ, два Т-34, три БТ-7, два БТ-5), три бронемашины (БА-10, 2 БА-20), две танкетки, а также автомашины и мотоциклы. Бронетехнику могли иметь и другие части РОНА, как, например, истребительная рота, образованная приказом Каминского № 114 от 31 октября 1942 года, получившая два танка БТ-7.

Позднее в составе бригады был сформирован отдельный гвардейский батальон численностью 650 человек, включавший две стрелковые роты и одну учебную.

В этой связи определенный интерес представляют партизанские документы, свидетельствующие о численности и составе бригады Каминского. Они позволяют понять сложность того положения, в котором оказались руководители партизанских отрядов в связи с самим фактом существования РОНА. Здесь следует принять во внимание, что командирами и комиссарами партизанских отрядов были, как правило, ответственные работники НКВД, до войны возглавлявшие карательные органы в этих районах и несшие, следовательно, ответственность за

политические настроения населения. Теперь их трясло: как сообщить в центр о существовании мини-государства и вооруженной бригады численностью в 20 тысяч человек? Весьма сложно им было бы объяснить вышестоящему начальству и партийным органам, почему при первой же возможности население восьми районов столь резко свернуло с предначертанного партией пути, а количество «изменников Родины», взявших в руки оружие, вылилось в цифру, выходящую за рамки здравого смысла.

Не случайно официальные отчеты органов НКВД, партизанские сводки, позднейшие воспоминания партизан-чекистов в попытке приукрасить ситуацию оказались насыщенными кричащими противоречиями. Так, начальник Орловского областного управления НКВД К.Ф. Фирсанов в докладной записке секретарю Орловского обкома ВКП(б) о результатах боевой деятельности партизан и диверсионно-разведывательных групп от 15 марта 1942 года сообщал, что созданный в Локте «вооруженный отряд» насчитывает всего 200 человек. Называя эту цифру, Фирсанов явно использовал устаревшие данные за декабрь 1941 года, хотя за это время численность бойцов отрядов народной милиции выросла более чем в восемь раз.

По-другому оценивает численность «вооруженного отряда» в Локте, то есть бригады Каминского, листовка Трубчевского райкома ВКП(б) от 13 февраля 1943 года: «Из Севского и Брасовского районов около 800 чел. полицейских с оружием перешли на сторону партизан». Называя такое количество перебежчиков всего по двум районам Локотского округа, составители листовки уже одним этим делают невольный намек на высокую численность локотских вооруженных сил. В официальных же документах количество перешедших на сторону партизан бойцов бригады Каминского и других русских вооруженных формирований Орловской области оценивается гораздо скромнее. В докладе Орловского штаба партизанского движения на пленуме Орловского обкома ВКП(б) о боевой деятельности партизанских отрядов, сделанном 21 июня 1943 года, названа итоговая цифра перешедших к партизанам в период с 1 октября 1941 по 3 июня 1943 года — 29 человек.

Лишь летом 1943 года командование партизанских отрядов, поставленное перед необходимостью предельно точного информирования командования наступавшей Красной армии о силах противостоящего ей противника, было вынуждено подавать более или менее точные разведывательные сводки. Для наглядности приведем одну из них:

«Секретно

СПРАВКА

о численности, организации и вооружении бригады Каминского

Бригада Каминского сформирована в порядке мобилизации из числа призывного контингента Навлинского, Брасовского, Комарического, Дмитровск-Орловского, Севского, Суземского районов.

Состав бригады:

Первый полк — 1, 2 и 11 батальоны. Командир полка майор Галкин. Численный состав — 1300—1500 человек. Каждый батальон состоит из 3-х стрелковых и одной пулеметной роты. Численный состав каждого батальона — 300—400 человек. При полку имеется одна артиллерийская] батарея, состоящая из 3-х 76-мм пушек.

Второй полк — 4, 5, 6 батальоны. Командир полка майор Тарасов. Численный состав 1300—1500 человек.

Третий полк — 3, 13, 15 батальоны. Численный состав 1300—1500. Командир полка майор Прошин.

Четвертый полк — два батальона. Численный состав 500—600 чел. Командир полка немец Рейтенбах.

Пятый полк — 7, 8, 9 батальоны. Численный состав 1300—1500 чел. Командир полка майор Турлаков.

Зенитный дивизион. Численный состав 100—150 человек, вооружение — 3 зенитных пушки и 4 крупнокалиберных пулемета. Командир дивизиона лейтенант Плохих.

Гвардейский батальон — Численный состав — 650 человек. В составе батальона две стрелковые роты и одна учебная рота. Командир батальона майор Фролов.

Автобронетанковый дивизион. Численный состав 200 человек. Командир дивизиона капитан Самсонов. Дивизион имеет: БМ — 10, КВ -2, Т-34 — 4, БТ-3 -3, Т-37 — одна, две танкетки, 30 автомашин.

Общая численность бригады 8—8,5 тысяч.

Начальник разведотдела Орловского штаба партизанского движения Полковник Зюряев.

Бригада Каминского дислоцировалась на территории Локотского округа поротно, а в крупных населенных пунктах — побатальонно. На весну—лето 1943 года пять пехотных полков дислоцировались: 1-й полк — поселок Пчела (34 км южнее Навли), 2-й полк — поселок Бобрик (15 км южнее Локтя), 3-й

полк — Навля, 4-й полк — Севск, 5-й полк — Тарасовка—Холмечь (западнее Локтя).

Наиболее исчерпывающими на это время сведениями мы располагаем о дислокации подразделений 1-го пехотного полка майора Галкина. Штаб полка находился в поселке Пчела, штаб 1-го батальона (командир — Сорокин) — в деревне Тарасовка, там же дислоцировались его 1-я и 2-я роты (командиры — Мешков, Аборин), артиллерийская и минометная батареи, 3-я рота — в деревне Шемякино (командир — Аленичев), 4-я и 5-я роты — в деревне Холмечь (командиры — Семин, Рыжун). Штаб 2-го батальона (командир — Корнев) находился на хуторе Холмецкий, там же — артбатарея (командир — Суденко), 1-я стрелковая рота (командир — Роднов) и 9-я рота — в деревне Крупецкий. Штаб 11-го батальона (командир — Павлов) располагался в Локте в доме № 4 по Больничному переулку, 1-я стрелковая рота (командир — Баранов) — в доме № 26 по переулку Воскобойника, а ее 1-й взвод (командир — Простаков) — в здании Гортеатра. 2-я рота (командир — Поляков) дислоцировалась в поселках Николаевское, Брасово, Зуево, Буда. 3-я рота (командир — Кирюшин) — в деревнях Красный Колодезь, Гремучек, Жучёк, 4-я рота (командир — Натячков) — в поселке Новый Свет.

Кроме того, в составе 1-го полка находились заставы по 30—40 человек каждая, располагавшиеся следующим образом: застава № 6 — по улице Шевченко в Локте (командир — Пупкин), застава № 7 — по улице Георгиевская (командир — Елин), застава № 5 — по улице Пушкинская (командир — Левков). Последняя имела отделения, рассредоточенные: улица Георгиевская (командир — Иванов), Зерносклады (командир — Чикетов), Госбанк (командир — Литвинов).

Одной из проблем РОНА, изжить которую так никогда и не удалось, была слабая дисциплина среди бойцов и даже командиров всех уровней. В отношениях между теми и другими царило панибратство, попустительство в случае проступков. По свидетельствам перебежчиков к партизанам, когда командиры уводили свои подразделения в лес, якобы на учения, эти учения никогда не проводились, а превращались в отдых на природе. По-видимому, не случайно Каминский вскоре забил тревогу по поводу участившихся среди бойцов несчастных случаев из-за неосторожного обращения с оружием, в том числе со смертельным исходом. Он обязал своим приказом № 106 от 15 апреля 1942 года бойцов и командиров, которым не было положено иметь пистолеты и револьверы, сдать их командирам отрядов. Согласно этому же приказу гражданскому населению запрещалось иметь охотничьи ружья.

Комбриг Каминский лично инспектировал воинские части и подразделения, при этом требовал строгого учета боеприпасов, стреляных снарядных гильз, тары из-под них. Так, отдел боепитания бригады регулярно на специальных бланках подавал «сведения о наличии вооружения и боеприпасов по бригаде Локотского Округа». В этот документ вносилось все имеющееся вооружение от пистолетов до орудий, количество имеющихся в наличии снарядов, мин, пулеметных лент, магазинов автоматов, патронов. Причем приводились лишь точные цифры, никаких округлений и приблизительных данных не допускалось.

Что касается пополнения запасов вооружения и боеприпасов, важное значение в этом отношении придавалось сбору военного имущества, оставленного красноармейцами-окруженцами в лесах. К этой работе привлекались не только бойцы, но и гражданское население. Особо отличившиеся при этом гражданские лица премировались.

Комбриг Каминский делал все возможное, чтобы навести в своих войсках порядок, создать железную дисциплину. Так, во многих приказах содержатся требования расследовать любые воинские преступления и даже незначительные проступки. Наказание зависело от тяжести содеянного. Например, бойцов, уличенных в мародерстве, отдавали под суд и чаще всего приговаривали к расстрелу. За другие, менее значительные проступки, согласно приказам, объявляли выговоры, заключали на гауптвахту. За такие проступки, как неявка во время учебной тревоги на свой пост, самовольная отлучка из расположения части, заключали под арест. Такому же наказанию подвергались командиры подразделений за нечищеное оружие своих подчиненных, а также бойцы, уличенные в обмане должностных лиц самоуправления. Так, 17 июня 1942 года в земельный отдел пришли жены бойцов Брасовского отряда И.К. Вдовенкова, Т.Г. Овчинникова и А. Мокарцова, пожаловавшись на брасовского старосту, якобы не выделившего их семьям сенокосные участки. Когда же землеустроитель Чегляков провел проверку, выяснилось, что указанные бойцы сенокосные участки получили ранее, а их жены, обуреваемые жадностью, решили попробовать получить участки вторично. Когда докладная записка об этой неудавшейся афере дошла до Каминского, он собственноручно наложил визу: «На первый раз арестовать на 5 суток и предупредить бойцов о повторении подобных поступков».

Один из документов содержит нормы питания арестованных: 150 граммов хлеба и 1 литр воды в день для содержащихся под строгим арестом; 300 граммов хлеба, суп раз в день и неограниченное количество воды для содержащихся под обычным

арестом.

Иногда провинившихся бойцов просто «увольняли» из бригады. Так, приказ от 11 июня 1943 года гласит: «В наказание, Иванова С.А. и Крюкова П.М. исключить из списков личного состава, отобрать оружие, снять со всех видов довольствия и направить по месту жительства»2. Правда, не указывается, за какую именно провинность.

Иногда, с целью упрочения дисциплины, Каминскому приходилось принимать к виновным более радикальные меры. Так, в марте 1943 года при штурме деревни Ольговка четверо бойцов РОНА бежали с поля боя. Когда об этом доложили Каминскому, он после короткого «следствия» распорядился их расстрелять, при этом сам командовал расстрелом перед строем бойцов РОНА. Сам комбриг нередко находился на передовой, а в бою за Алтухово и Кокоревку даже был ранен.

Второй, не менее серьезной проблемой РОНА стал недостаток офицерских кадров, в связи с чем Каминский был вынужден обратиться к немцам с просьбой предоставить в его распоряжение 30 военнопленных командиров Красной армии, что и было сделано. Так, начальником штаба бригады был назначен капитан РККА И.П. Шавыкин, получивший вскоре звание подполковника РОНА, начальником оперативного отдела штаба — капитан И. Фролов, начальником разведки и контрразведки — майор Костенко, начальником мобилизационного отдела — майор Никитинский, после назначения которого Т.Н. Балашов, ранее занимавший эту должность, стал заместителем Каминского, как командира бригады.

Однако, несмотря на это, кадровых военных в бригаде по-прежнему не хватало, и Каминский был вынужден ставить на высокие офицерские должности вчерашних сержантов, старшин и даже рядовых красноармейцев. Так, командир 3-го полка бригады Турлаков получил звание майора, хотя в Красной армии был старшиной, назначенный командиром бронедивизиона капитан Самсонов — старшим сержантом, а вступивший в командование 1-м батальоном старший лейтенант Сорокин — рядовым шофером.

Для поддержки морально-политического состояния личного состава весной 1943 года в каждой роте была введена должность шефа-агитатора (то есть политработника), проводившего пропагандистскую и воспитательную работу. В распоряжение агитаторов была предоставлена обширная литература, включавшая прессу, издававшуюся на оккупированных территориях (газеты «Речь», «Голос народа») и в Германии («Доброволец»), а также воззвание власовского Русского

комитета, приказы и распоряжения германских властей.

В конце июля 1943 года штабом бригады был издан дисциплинарный устав, который заключал в себе перечень наказаний за различные проступки и предусматривал расстрел за содействие или связь с партизанами и неподчинение немецким оккупационным властям. Мерами поощрения служили краткосрочные отпуска домой, разрешение на встречу с родственниками, выдача нового обмундирования, дополнительного пайка или денежной премии. Особо отличившиеся бойцы и командиры награждались введенными в вермахте знаками отличия для «восточных народов».

По своему внешнему виду бойцы РОНА первоначально мало чем отличались от партизан. Бойцы носили как гражданскую, так и красноармейскую одежду, были обуты как в сапоги, так и в лапти, а некоторые летом даже ходили босиком. Эта пестрая, вооруженная винтовками масса называла себя «дикой дивизией». В конце 1942 года немцы передали бригаде комплекты списанного обмундирования, которых хватило лишь на четыре батальона.

В мае 1943 года в РОНА была введена особая нарукавная эмблема, внешне сходная с эмблемой РОА: прямоугольный вверху и закругленный внизу щиток с желтыми буквами «РОНА» в верхней части, с черным Георгиевским крестом на белом поле с красной окантовкой. Погоны и петлицы представляли собой образцы, введенные в это время для всех русских, украинских и казачьих формирований в составе вермахта. Погоны были темно-зеленого цвета с красной выпушкой, у офицеров — с красными просветами и соответствующим званию количеством звездочек квадратной формы; у младшего командного состава — с серыми лычками. Петлицы имели темно-зеленое поле, продольную белую полоску (у офицеров — серебряный галун) и гладкую пуговицу белого металла. Офицерские петлицы были окантованы по краям кроме переднего серебряной канителью. Поскольку пошивочные мастерские не могли изготовить достаточного количества знаков различия, погоны, петлицы и нарукавную эмблему РОНА летом 1943 года носили преимущественно офицеры.

Несмотря на множество недостатков, недисциплинированность каминцев, следует признать, что на территории Локотского округа усилиями Каминского было создано довольно многочисленное и мощное воинское соединение. Практически без участия военных специалистов инженеру спиртозавода удалось сформировать воинские части, способные достаточно успешно охранять территорию округа от партизан и даже наносить им чувствительные удары. По своей

численности, организации РОНА хотя и не являлась армией, однако ее оснащенность, выучка личного состава были на уровне полнокровной дивизии. Поэтому в условиях масштабной партизанской борьбы, развернувшейся в немецком тылу, германские войска вряд ли могли заполучить лучших помощников, нежели каминцев.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НЕМЦАМИ

К концу 1942 года в тыловом районе 2-й германской танковой армии сложилось своеобразное административное государственное образование. Преобразованные на началах частного предпринимательства сельское хозяйство и торговля испытывали небывалый для того времени подъем. Чтобы оценить должным образом значение этого, достаточно вспомнить, что во всех остальных областях СССР, оккупированных гитлеровскими армиями, жизнь застыла с того момента, как по ним прокатился с запада на восток фронт. В городах и селах не было построено ни одного дома, не поправлено ни одного моста, ненужного для обслуживания германской армии, ни из одной фабричной трубы не появился дым, если эта фабрика не работала на нужды все той же армии... В городах люди жили не только без уверенности в завтрашнем дне, но и в ближайших минутах. Два, а в некоторых местах и три года нормальная жизнь была скована полярным льдом нищеты и бесправия. В Локотском же округе были приведены в порядок и запущены не только все виды промышленности, существовавшие там до войны, но и система школьного образования и медицинского обслуживания, а местное население жило под охраной твердых законов без страха за завтрашний день.

Русские едва ли могли ожидать подобного от немецкой оккупации. Тем более что существовавший на территории округа режим никоим образом не вписывался в рамки обычной оккупационной политики. В ведении самоуправления находились абсолютно все вопросы внутренней жизни округа — от хозяйственных до военных.Немецкие органы, находившиеся в Локте, не имели в отношении РОНА никаких командных полномочий. Так, в Локте работали представители тыловой службы 2-й танковой немецкой армии (майор фон Вельтгейм), СД и СС (оберштурмфюрер СС Г. Леляйт), тайная полевая полиция — ГФП (капитан Йохум), «Зондерштаб-Р» (доктор Шульц), отделение абвергруппы-107 «Виддер» (майор Гринбаум). В то же время, в отличие от других оккупированных территорий, в округе не было уполномоченного восточного министерства Германии по четырехлетнему плану.

Что касается военных комендатур, большинство современных исследователей утверждают, что после предоставления территории округа автономии немецкие комендатуры были выведены за его пределы. Однако из обнаруженных недавно документов следует, что немецкие комендатуры в некоторых

районах округа все-таки действовали. Так, в пояснительной записке бургомистрам о порядке предоставления бойцам отпусков обер-бургомистр Каминский разъясняет: «Старшина обязан сообщить местной комендатуре в том случае, если отпускник без разрешения немецкой коменд. отлучился из данного поселка /селения/ сроком более чем на 24-е часа»1. Представляет интерес в этом отношении протокол допроса командира отделения 8-го батальона 5-го полка РОНА В.Т. Васюнина, допрошенного в Локте 10 августа 1943 года:

«С февраля 1942 г. я добровольно служу в 8-м б-не 5-го полка РОНА. В мае месяце я был по моей просьбе отпущен командованием, нач. штаба Романовым в отпуск домой в Дмитровский р-н, т.к. получил сведения что мои родители при приходе красных были убиты. В Дмитровске я побыл положенное время и когда хотел вернуться в свою часть, мне Дмитровская комендатура не дала пропуска т. к. заявила что Дмитровск не имеет отношения к Локтю. И так меня из Дмитровска не выпустили. Я был вынужден устроиться там на работу. Приехавший 3-го августа в Дмитровск майор Турлаков увидел меня и арестовал как дезертира. С 4-го августа я нахожусь в Окр. тюрьме».

Не отрицает существования на территории округа немецких комендатур И.В. Грибков, согласно которому проворовавшихся немецких военнослужащих раздевали догола, обмазывали дегтем и, обваляв в пуху, в таком виде доставляли в немецкую комендатуру.

Из вышесказанного можно сделать однозначный вывод: немецкие комендатуры на территории Локотского автономного округа были. Однако их функциональные обязанности пока неясны. Пока можно определенно утверждать лишь об отсутствии немецкой комендатуры в Локотском уезде, но не в других районах округа.

Рассматривая Каминского и локотян как полноправных союзников, германское командование было вполне удовлетворено их деятельностью. Ведь именно благодаря им немецкие войска могли не беспокоиться за свой тыл. 20 ноября 1942 года командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Р. Шмидт принял в своем штабе обер-бургомистра и выразил ему благодарность за достижения в борьбе против «банд» и участие «в остальной созидательной работе».

Подчиненность Каминского немецкому командованию в лице генерала Шмидта была чисто номинальной. Причину последнего следует усматривать в том, что не Каминский был зависим от Шмидта, а скорее наоборот, Шмидт был зависим от Каминского,

поскольку в сложившейся обстановке его бригада стала единственной силой, способной обеспечить тыловые коммуникации германской армии на данном участке. Чтобы оценить значение этого, достаточно вспомнить, что в тех местах, где не было достаточного количества антипартизанских формирований из советских граждан, партизанам удавалось фактически парализовать тыловые коммуникации довольно сильных германских частей и даже соединений[127].

Между тем факт существования Локотского автономного округа из 8 районов с более чем полумиллионным населением, вооруженными силами численностью в 12 тысяч солдат и офицеров скрыть от вышестоящих инстанций было уже невозможно. Другие ведомства Германии проявили интерес к этому феномену, а руководство СС откомандировало в Локоть, в группу связи при окружном самоуправлении, двух офицеров СД. Отзыв инспекции удовлетворил рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, и расследование было прекращено. По мнению С.И. Дробязко, в отчете ситуация была нарисована в смягченных тонах, в связи с чем нацистское руководство сочло сложившуюся ситуацию вполне приемлемой.

Кроме того, к этому времени часть представителей нацистского руководства, включая Геббельса и Розенберга, под влиянием военных поражений пересмотрела свои взгляды на «восточную» политику и стала рекомендовать более широкое привлечение советского населения к сотрудничеству, в том числе к вооруженной борьбе. Так, А. Розенберг, министр по делам оккупированных восточных территорий, 8 января 1943 года писал Гитлеру по поводу Каминского: «Я не вижу опасности в подобного рода экспериментах в более крупных масштабах, ибо руководство все равно будет находиться в наших руках»3. Примечательно, что лишь несколько месяцев спустя, весной 1943 года, по линии Восточного министерства для ознакомления с системой самоуправления Локоть посетил Р.Н. Редлих. Судя по его воспоминаниям, все ознакомление ограничилось личной беседой с Каминским за бутылкой самогона, в ходе которой обер-бургомистр посетовал на нехватку в аппарате самоуправления «интеллигентных кадров». 26 июля на совещании в ставке фюрера генерал-фельдмаршал В. Кейтель напомнил Гитлеру о самоуправляющемся округе Каминского в брянских лесах, однако никакой реакции на это сообщение не последовало.

Что же касается покровителя Каминского — генерал-полковника Рудольфа Шмидта, — то он не мог быть недоволен своим экспериментом, который вначале выглядел сомнительно с политической точки зрения, однако, в конце концов, получил

одобрение у высшего руководства. Командующий 2-й танковой армией даже думал, что сможет сделать дальнейшие шаги по улучшению восточной политики рейха, что поможет в итоге коренным образом изменить ход войны. Генерал неоднократно приглашал Каминского к себе, выражал ему свою признательность и однажды поинтересовался, как он относится к тому, чтобы в будущем по образцу Локотского округа восстановить и реорганизовать всю Россию. Каминский ответил, что он всего лишь скромный инженер и подобная задача ему не по силам. Шмидт ссылался на пример фюрера, который прежде был лишь скромным художником, а стал вождем германской нации. Кроме того, он обещал добиться официального разрешения на легализацию Народной социалистической партии России, чего сделать, однако, так и не удалось.

Характер взаимоотношений германского командующего с Каминским можно расценивать и как попытку дипломатического заигрывания в связи с возможностью выхода из-под контроля немцев вооруженных формирований Локотского округа. Дело в том, что отношения между населением округа и проходившими через его территорию оккупационными частями (немецкими и венгерскими) со временем становились все напряженнее. Поведение оккупантов вызывало резкое недовольство локотян, успевших привыкнуть к тому, что именно они — хозяева своей земли. Приказ Шмидта о предоставлении округу самостоятельности мало что изменил — бесчинства, творимые «гостями», наблюдались как до, так и после его издания, о чем свидетельствуют многочисленные докладные записки районных бургомистров Каминскому и другим должностным лицам округа. Так, 20 мая 1943 года брасовский бургомистр М.И. Морозов жаловался в окружной земельный отдел на немцев, взявших во временное пользование с 4 по 24 марта 1943 года 1890 лошадей со сбруей и упряжью. Оставленные командованием германского корпуса семь расписок не имели никакого значения — взятые «напрокат» лошади так и не были возвращены. Спустя два месяца, 27 мая, тот же Морозов доложил обер-бургомистру Каминскому, что немцы пытались продавать локотским крестьянам повозки, всего 1500 штук. Как выяснилось, незадолго до этого немцы изъяли эти повозки у крестьян бесплатно, пообещав вернуть, однако решили провернуть нечистоплотную аферу. А в начале июня 1943 года к Морозову обратились старшина Хотеевской волости Воронин и старшина Брасовской волости Горбачев с жалобой на немецких солдат, допустивших потраву посевов.

Не лучше вели себя во время пребывания в округе и венгерские военнослужащие. Первый тревожный сигнал

относится к 31 декабря 1942 года, когда венгерские солдаты, как видно разгоряченные празднованием Нового года, ограбили нескольких жителей Брасова и даже попытались изнасиловать двух женщин, о чем бургомистр Морозов направил Каминскому жалобу с приложением списка пострадавших. Через месяц, в конце января, те же венгры сломали несколько строений, как видно, с целью использования материала как топлива. Последний инцидент состоял в том, что они без санкции локотских властей стали проводить самовольные обыски у всех подозрительных лиц, в том числе обыскали дом заместителя обер-бургомистра С.В. Мосина. Доложив об этом Каминскому, бургомистр Морозов предложил вывести эту венгерскую часть за пределы округа под тем предлогом, что их лошади больны и существует угроза распространения по Локотскому округу эпизоотии.

Однако сомнительно, что многочисленные жалобы на бесчинства немцев и венгров возымели какое-то действие. По крайней мере, каких-либо ответов на эти жалобы, а также данных о принятых к виновным мерах в документах Локотского округа обнаружить не удалось. Можно предположить, что Каминский был вынужден относиться к немцам как к неизбежному злу, которое нужно перетерпеть. Лишь иногда бойцы РОНА и служащие полиции арестовывали немецких и венгерских военнослужащих с последующей передачей их полевой жандармерии. Для того чтобы арестовать немца или венгра, было достаточно распоряжения районного бургомистра. Каких-либо иных санкций, как то согласований с германским командованием, не требовалось.

Антинемецкие настроения между тем проявлялись даже на уровне командиров подразделений бригады. Так, командир 1-й роты старший лейтенант Фокин открыто высказывал недовольство немцами, не раз вступал с ними в драки, а однажды сорвал в одном из штабов немецкие агитационные плакаты и велел их выбросить. Фокин отличался беспощадностью к партизанам: пленных не брал, расстреливая захваченных в бою на месте. В то же время этот командир вытащил из локотской тюрьмы десятки человек, взяв их на поруки. Не менее натянутые отношения с немцами были у командира 2-й роты 6-го батальона Остроглядова, рота которого считалась одним из лучших подразделений бригады. Однако, находясь в гарнизоне села Зерново, рота Остроглядова не раз имела стычки с немцами. Когда те приезжали реквизировать продукты у крестьян, каминцы по приказу Остроглядова просто выгоняли непрошеных гостей. Правда, однажды бойцы Остроглядова разоружили даже курсантов школы РОА, вменив им завышенную гордость2.

Однако иногда взаимная озлобленность локотян и немцев перерастала в вооруженные стычки. Об одной из них, происшедшей в Локте в начале 1943 года, упоминается даже в отчете Брасовского райкома ВКП(б) от 1 марта 1943 года: «Когда над поселком Локоть появился наш самолет и начал сбрасывать листовки, полицейские бросились собирать листовки. Немцы открыли по полицейским ружейно-пулеметный огонь. Полицейские в свою очередь открыли огонь по немцам».

Апогеем конфликта с немцами и демонстрацией Каминским своей суверенности стал довольно неординарный случай, происшедший летом 1943 года. Во время грабежа одиноко стоящей мельницы локотской полицией были пойманы двое германских военнослужащих — зондерфюрер и унтер-офицер. Тут же выяснилось, что оказавший им сопротивление хозяин мельницы был убит. По личному распоряжению Каминского убийц судили, локотской суд вынес обоим смертный приговор. Немецкие офицеры связи сразу же сообщили об этом в штаб армии, откуда в Локоть полетели телеграммы о том, что русские власти превышают свои права, что суд над военнослужащими германской армии вне компетенции самоуправления. Каминский же в ответ сослался на то, что в Локте суд независим и что в соответствии с законами округа совершившие такое преступление, кем бы они ни были, подлежат именно такому наказанию. Посредством телефонных переговоров, телеграмм, через курьеров спор продолжался еще два дня. В конце концов немецкое командование пошло на уступки, согласившись на казнь виновных, но чтобы приговор им вынес немецкий военно-полевой суд. Каминский отказал и в этом.

По истечении указанного судом срока приговор был приведен в исполнение в Локте на площади на глазах у многотысячной толпы, состоявшей как из жителей поселка, так и из съехавшихся крестьян близлежащих сел. Каминский отказался уступить германскому командованию даже в таком пустяке, как отсрочка казни на день, чтобы на нее успели прибыть представители вермахта. В результате офицер и сопровождавшая его команда солдат прибыли лишь на следующий день, когда их соотечественники были уже казнены.

Пожалуй, никто из сателлитов Гитлера, даже Муссолини, не смог бы решиться на подобный шаг. Каминский же не упустил случая лишний раз продемонстрировать свою самостоятельность, а германское командование не пошло дальше протестов, явно не желая ради спасения двух человек рисковать большим.

Что касается позиции Каминского в отношениях с немцами, ее отмечает и С. Стеенберг, с января 1942 по осень 1943 года

информировавший штабы 2-й танковой и 9-й общевойсковой армий о состоянии дел в округе. Так, Каминский, по его словам, «держался с немцами с такой уверенностью, которую они часто считали наглостью».

Интересно, что, несмотря на внешнюю неприязнь и периодические конфликты между локотянами и немцами, Каминский всегда внушал населению уважительное отношение к немецкому солдату, что явствует из некоторых распоряжений обер-бургомистра. Так, 6 ноября 1942 года Каминский подписал «Положение о содержании и уходе за германскими солдатскими могилами». В нем он не только подробно разъяснял, как именно оборудовать и содержать немецкие захоронения на территории округа, но и призывал смотреть на немецкого солдата как на единственного освободителя России от большевизма, а следовательно, относиться к павшим немцам подобающим образом2.

В целом, несмотря на трения между оккупантами и локотянами, последние не испытывали к «гостям» особой неприязни, считая их пребывание на своей земле если и злом, то гораздо меньшим, нежели свергнутый с их помощью сталинский режим. Причем локотяне имели все основания относиться к немцам именно как к временному злу. Желательную перспективу оккупации нарисовал Д.В. Константинов: «Россия, освобожденная от большевистской диктатуры, довольно скоро в то время смогла бы освободиться и от немецкого засилья при помощи своей национальной армии, несомненно охваченной энтузиазмом освобождения, что в военном отношении значительно важнее количества танков и пулеметов».

Интересно, что в случае конфликтов как руководители всех звеньев, так и рядовые граждане позволяли себе разговаривать с немцами на равных, открыто выражать недовольство их поведением и даже вступать с ними в вооруженные стычки. Что же касается отношения командования 2-й танковой армии к русским союзникам, оно было вполне удовлетворено боевой деятельностью РОНА, о чем свидетельствуют как благодарности генерал-полковника Р. Шмидта Каминскому, так и награды отдельным бойцам и командирам бригады, количество которых составляло не менее 30 человек.

Согласно «Списку немецких пособников, служивших в отряде Каминского по борьбе с партизанами и награжденных орденами германского командования», составленному старшим майором госбезопасности Матвеевым, были награждены: «Зам. бургомистра округа С.В. Мосин, зам. командира бригады милиции Г.В. Балашев, нач. штаба бригады милиции И.Н.

Шабыкин (так в тексте. — И. Е.), командир 6—7 батальонов В.И. Мозилеев, командир 2 батальона М. Гадкин, нач. штаба 7 батальона Кытчин, командир 3 батальона И. Тарасов, командир 10 батальона Рейтенбах, командир 14 батальона Драченко, командир роты Товгазов, бойцы 3 батальона Агейтченков, Кабалин, Рыбкин Дмитрий, Детнома Константин, Поселянников Владимир, Захаров Кузьма, бойцы 2 батальона Пагеев Иван, Пальин Василий, боец 8 батальона Федоткин Гаврил, боец 7 батальона Фокин Алексей, бойцы 10 батальона Слухай Иван, Крючков Николай, Сойкин Василий, Фомичев Петр, Самаров Трофим, Карпухин (?), Степанов Андрей, Храменков Михаил, Пахомов Павел, Орлов Александр».

СОСТОЯНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАРТИЗАН С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

О партизанах, в частности брянских, написано много, однако в существующих советских и просоветских источниках партизанское движение представлено далеко не таким, каким оно было в действительности, а скорее таким, каким его хотелось бы видеть советским идеологам. Так, партизаны изображались борцами за советский строй, за идеалы коммунистической партии, которая, взяв на себя руководство движением, стала единственной силой, способной обеспечить сопротивление врагу на оккупированных территориях, в результате чего под ногами фашистов горела земля.

Сравнивая партизанскую борьбу на Западе и в СССР, следует отметить, что если за рубежом действовали в основном мелкие террористические группы, то геоклиматические условия Советского Союза способствовали формированию довольно крупных партизанских сил. Однако ввиду того, что СССР не был должным образом готов к ведению оборонительной войны на своей территории, создание партизанских отрядов, особенно в первые месяцы войны, носило стихийный характер, являясь в основном реакцией на немецкую оккупационную политику в занятых областях. Активизация партизанской войны — в основном плод их усилий.

Контингент партизанских отрядов складывался из трех элементов. Во-первых, красноармейцев из рассеянных и окруженных частей РККА. Борьба с немцами сочетала в их сознании как борьбу за выживание, так и сопротивление оккупантам. В то же время мало кто из них отождествлял борьбу за родину с борьбой за советскую власть и идеи коммунистического интернационализма. Перед лицом реальной опасности громкие лозунги советской пропаганды как бы отходили на второй план. Так, бывший офицер РККА Д.В. Константинов так охарактеризовал настроения красноармейцев: «Воевать мало кто хотел, а защищать режим (советский. — Я. Е.) — еще меньше. Так называемый советский патриотизм встречался, главным образом, у комсомольской молодежи, разагитированной советской пропагандой и ничего по существу не знающей».

Второй элемент партизанских отрядов — жители оккупированных областей. Уходя с семьями в леса, многие

вливались в партизанские отряды, вели борьбу с оккупантами. Однако были и те, кто руководствовался лишь желанием выжить, уйти из сожженного села или же до поры до времени отсидеться в лесу, чтобы переждать боевые действия.

К третьей группе партизан можно отнести небольшие отряды молодежи, прошедшей специальную школу партизанской борьбы. Так, 18 июля 1941 года при ЦК КП(б) Белоруссии при участии НКВД открылась диверсионная школа полковника И.Г.Старинова, первый набор в нее составил 400 человек. Непосредственно в Орловской области совместными усилиями НКВД и обкома ВКП(б) в августе 1941 года открылась спецшкола, уже в сентябре обучившая 500 диверсантов. Школы, помимо диверсантов, готовили широкий круг специалистов для партизанского движения, например агентов-маршрутников, связников, вербовщиков[128]. Выпускники школ перебрасывались за линию фронта, где выполняли индивидуальные задания либо организовывали партизанские отряды из красноармейцев-окруженцев и вовлекали в партизанское движение местных жителей.

Нужды и настроения красноармейцев-окруженцев и ушедших в леса местных жителей не были секретом для сталинского правительства. Поэтому, прежде чем послать в партизанские леса хлеб и оружие, оно перебросило туда политических комиссаров и представителей НКВД из вышеназванных спецшкол по подготовке партизанских кадров. Уже в июне 1942 года Орловское областное управление НКВД пошло на создание при партизанских отрядах оперативно-чекистских групп из числа работников НКВД, организовавших в отрядах «революционный порядок», как они сами его понимали. Только за июль 1942 года оперативно-чекистскими группами было разоблачено 62 «вражеских элемента»: в суземских отрядах расстреляно 11 человек, в навлинских отрядах — 11 человек, в отряде им. Ворошилова № 1 —7 человек. Так, по обвинению в создании эсеровской террористической группы были расстреляны суземские партизаны Д.И. Ульяншиков и Ф.К. Никишин. Пожалуй, единственной причиной расправы стало их прошлое: первый в 1920 году судим за эсеровскую деятельность, второй — в 1937 году за вредительство в колхозе. Короткое «расследование» установило, что оба организовали «контрреволюционное сборище», планировали теракты против партизанского руководства. Вскоре как «агенты полиции» были расстреляны суземские партизаны А.А. Ткачев и Ф.К. Рудников, затем — Г.С. Скоробогатов и К.Ф. Куликов. Так или иначе, уже 8 августа 1942 года начальник Штаба партизанского движения при Военном совете Брянского

фронта Матвеев констатировал имевшие место в суземских партизанских отрядах факты «дезертирства и перехода на сторону врага», а также наличие «морально и политически разложившихся руководителей отрядов».

Большинство бывших офицеров вермахта в своих мемуарах утверждают, что, хотя партизанское движение реально и не изменило ход войны, действия советских партизан по блокированию коммуникаций германских армий во многих отношениях были довольно эффективными. Столь же серьезен был и экономический ущерб, наносимый партизанами войскам вермахта. Причем этот ущерб наносился не только в результате разрушения и повреждения коммуникаций, военных и хозяйственных объектов, но и путем пропаганды среди населения, проводимой зачастую в форме угроз и принуждения. Результатом становилось сокращение производства сельхозпродукции, отказ от выполнения поставок для германской армии. Огромный ущерб оккупанты терпели и в результате затрат на охрану коммуникаций, в частности железных дорог. Так, германские эшелоны были вынуждены двигаться со скоростью не более 10—15 километров в час, впереди себя паровоз толкал две платформы с песком, чтобы в случае наезда на мину взорвались они, а не локомотив2. Вдоль всего железнодорожного полотна приходилось вырубать деревья и кустарники, регулярно скашивать траву, чтобы не допустить подхода партизан-подрывников незамеченными. Через каждые 300—400 метров немцами устраивались небольшие крепости, в каждой из которых постоянно находилось 10—15 солдат. Нетрудно представить, сколь значительного распыления сил требовала охрана лишь железнодорожных путей. В Тверском центре документации новейшей истории сохранилось интересное письмо капитана вермахта Вольфганга Фидлера. Этот документ как нельзя лучше характеризует партизанское движение и одновременно указывает на причины его эффективности:

«Борьба с партизанами не похожа на борьбу в фронтовых условиях. Они всюду и нигде, и на фронте трудно создать себе верное представление о здешних условиях. Взрывы на железных дорогах, путях сообщения, диверсионные акты на всех имеющихся предприятиях, грабежи и т. д. не сходят с повестки дня. К этому уже привыкли и не видят в этом ничего трагического. Партизаны все больше наглеют, т. к. у нас, к сожалению, нет достаточного количества охранных войск, чтобы действовать решительно. Имеющиеся силы, включая и венгров, в состоянии обеспечить лишь важнейшие ж. д. линии, дороги и населенные пункты. На широких просторах господствуют

партизаны, имея собственное правительство и управление. Все это нужно пережить самому, чтобы поверить в возможность такого положения. Следует удивляться, как вопреки существующим препятствиям мы довольно сносно обеспечиваем подвоз и снабжение на фронте».

В этой главе мы остановимся в основном на характеристике так называемых «регулярных» партизан, то есть групп и отрядов, подчинявшихся Центральному штабу партизанского движения или НКВД. Именно они представляли основную угрозу гражданскому населению Локотского округа.

В течение 1941 года формирование регулярных партизанских отрядов проходило в такой последовательности.

5 июля в поселке Брасово был сформирован партизанский отряд «За Родину», вошедший впоследствии в партизанскую бригаду «За Родину» (командиры отряда: И.Корнеев, В.Я. Абакумов).

В августе сформирован Навлинский головной партизанский отряд (командиры: П.А. Понуровский, М.А. Корицкий).

В сентябре сформированы: Комаричский головной партизанский отряд, реорганизованный впоследствии в партизанскую бригаду (командиры: М.В. Балясов, Г.В. Дирдов'ский, Л.А. Галкин); Суземский головной партизанский отряд (командиры: И.Я. Алексютин, Г.Х. Ткаченко); Севский головной партизанский отряд, реорганизованный впоследствии в партизанскую бригаду имени Фрунзе (командиры: С.С. Хохлов, И.М. Федоров, Ф.Г. Лопатин, С.В. Черканов). В состав указанной бригады вошли партизанские отряды «Народный мститель» (командир Б.Я. Хлюстов), имени Андреева (командиры: В.Д. Афанасьев, Ф.С. Марченко), имени Фрунзе (командиры:С.Хохлов, С.В. Черканов, В.И. Калинин), имени Тельмана (командир П.Е. Лунев), имени Хрущева (командир С.С. Хохлов).

2 октября был сформирован партизанский отряд «За власть Советов» (командиры: И.Я. Алексютин, Г.Х. Ткаченко, Ф.И. Попов).

6 октября в районе села Борщево Навлинского района сформирован партизанский отряд «Смерть немецким оккупантам» (командиры: П.А. Понуровский, М.А. Корицкий, А.Б. Газанов).

8 октября в селе Ворки Навлинского района сформирован партизанский отряд, названный впоследствии именем командира отряда Филиппа Стрельца — отряд имени Стрельца (командиры: Ф.Е. Стрелец, Н.Д. Чапов).

8 ноября в Хинельском лесу в районе села Хинель Севского района сформирован партизанский отряд № 2 имени Ворошилова (командиры: И.А. Гудзенко, С.И. Кочур1).

25 ноября в деревне Сидоровка Навлинского района сформирован партизанский отряд имени Микояна, вошедший впоследствии в бригаду «Смерть немецким оккупантам» (командиры: А.Ф. Самороков, П.В. Ипатов).

15 декабря в районе населенных пунктов Лужа и Думча Навлинского района сформирован партизанский отряд «Народные мстители», вошедший впоследствии в бригаду имени Фрунзе (командир Б.Я. Хлюстов).

25 декабря в Навлинском районе сформирован партизанский отряд имени Шаумяна, вошедший впоследствии в бригаду «Смерть немецким оккупантам» (командиры: Л.Б. Бляхман, Э.А. Закаржевский).

Данным списком далеко не исчерпывается количество партизанских отрядов и бригад, действовавших на конец 1941 года на юге Орловщины.

Есть данные о том, что советское правительство создавало партизанские отряды из матерых уголовников, перебрасывая их затем в немецкий тыл. Расчет строился на том, что представляющие угрозу для общества уголовные

1 15 июля 1943 г. агент Бендеров докладывал в 1-й отдел 3-го управления НКВД СССР: «В отряде имени Ворошилова № 2 находится майор Кочур. Последний явился в отряд после долгих странствий по немецким тылам, где неоднократно арестовывался фашистами, но почему-то отпускался. Трое бойцов отряда заявили, что, находясь в плену в немецком лагере, видели Кочура в качестве полицейского-охранника при этом лагере. Более того, в кармане одного убитого полицейского партизаны нашли письмо, где говорилось о наличии шпиона в данном отряде. Командир отряда Гудзенко, зная об этом, тем не менее назначил майора командиром одного из партизанских отрядов» [129]. элементы, объединенные в банду, будут столь же опасны для оккупантов. Один из таких «отрядов» под названием «Гоп со смыком» действовал на западной окраине брянских лесов. Входили в него исключительно рецидивисты, причем только те, кто отсидел не менее трех лет. Неспособных в трехдневный срок подтвердить свой тюремный стаж из «отряда» изгоняли. Первоначально «отряд» включал 40 «бойцов», затем их количество выросло до трехсот. Весной 1943 года во время антипартизанской операции «Цыганский барон» «отряд» был уничтожен германскими и коллаборационистскими частями1.

Всего же на территории Орловской области на 15 марта 1942 года, согласно докладной записке начальника Орловского областного управления НКВД К.Ф. Фирсанова секретарю Орловского обкома ВКП(б), официально действовало 65

партизанских отрядов с общим количеством партизан в 2959 человек и 236 истребительно-диверсионных разведывательных групп с общей численностью в 731 человек. Согласно этой же записке, количество партизан после пополнения их отрядов за счет населения достигло 5000—5500 человек.[130]

Через два с половиной месяца секретарь Орловского обкома ВКП(б) Матвеев в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) о состоянии партизанского движения и боевых действиях партизан Орловской области на 1 июня 1942 года писал, что на территории области на указанный период действует 60 партизанских отрядов общей численностью 25 240 человек. В это количество, по-видимому, включены не только собственно партизаны, но и гражданское население, которое, не вступая в партизанские отряды, по тем или иным причинам на время присоединялось к партизанам. Однако зарегистрированы и случаи, когда командование партизанских отрядов прибегало к принудительной мобилизации. При этом мужчин зачисляли в отряды, а женщин и девушек использовали на подсобных работах для ведения натурального хозяйства, в партизанских лазаретах. Нередко жители деревень уходили в леса и селились там лишь с целью не оставаться в зоне боевых действий. Так, А.А. Горелова, допрошенная в Локте 28 июня 1943 года следователем окружного следственного отдела Дугиным, показала следующее:

> «В селе Знобь-Новгородская были немцы, в 1943 на село стали наступать партизаны, нас немцы эвакуировали в село Стегайловку откуда угнали партизаны в лес. Жила я в лесу с жителями. Как стала наступать немецкая армия то мы вышли сдались 6 июня 1943 г. Сдалась вместе с жителями нашего села с которыми я сижу в камере»

Допрошенная в тот же день А.Ф. Савченкова показала, что при налете на село Игрицкое Комаричского района партизаны увели ее с сестрой, определив работать в партизанский лазарет санитарками по уходу за ранеными. Аналогичные показания давали и другие не связанные друг с другом жители из разных мест Локотского округа.

По данным агента Корюк-532, численность партизан в южных районах Орловской области в течение последнего года ее оккупации изменялась следующим образом: на 31 января 1943 года — 10—15 тысяч партизан; на 20 мая 1943 года — 15—20 тысяч партизан; на 18 июня 1943 года — 13—14 тысяч партизан.

Возможно, под псевдонимом Дугин скрывался следователь Финогенов.

Уменьшение количества партизан во второй половине июня связано с проведением крупной антипартизанской операции «Цыганский барон», о которой пойдет речь ниже.

Численность отрядов составляла от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Вооружение также отличалось. В то время как одни имели лишь винтовки Мосина и весьма ограниченное количество патронов,[131] на вооружении других были все виды автоматического стрелкового оружия, ротные и батальонные минометы и даже артиллерия и бронетехника. Интересна оценка вооружения партизан, действовавших на территории Локотского округа, приведенная в донесении командира 38-го венгерского пехотного полка Кинге:

«В поселке Нерусса около 600 партизан. Каждый партизан имеет винтовку и каждая группа в 40 человек имеет 3 станковых пулемета, 3 ручных пулемета, 4 миномета, 4 противотанковых ружья, 5 45-мм орудий. Они направлены в сторону Суземки. Каждое орудие имеет по 100 снарядов».

Что касается обеспечения партизан боеприпасами, медикаментами, одеждой и продуктами питания, здесь дело обстояло намного сложнее. Некоторое количество необходимого доставлялось через линию фронта авиацией, для чего в лесах имелись оборудованные посадочные площадки. Однако переправить таким образом все необходимое для снабжения огромной массы партизан было невозможно, к тому же разобщенность партизанских отрядов, их распыление на большой территории делало этот источник снабжения недоступным для значительного количества мелких партизанских отрядов и групп. Сложившуюся в рядах советских партизан ситуацию довольно выразительно иллюстрирует найденный 8 апреля 1943 года дневник командира оперировавшей на западе Калининской области 1-й партизанской бригады, подполковника Кириллова. В нем партизанский командир настолько откровенно описал ситуацию со снабжением партизан, характерную, кстати, для всех партизанских отрядов, что германское командование издало записи подполковника Кириллова в виде отдельной брошюры «На гибельном посту», которая использовалась для агитационной обработки партизан.

Так, подполковник Кириллов писал:

«16,12.42 г. Настроены встретить самолет — погода замечательная, чего желать лучшего — но самолеты снова не прилетели. Как можно дольше верить? Я прямо называю жуликами и обманщиками этого дела.

17.12.42 г. Погода хорошая, мороз незначительный. Днем

снова получили радиограмму, встречать самолеты. Приготовились. Самолеты, конечно, не прилетели.

8.1.43 г. Дал радиограмму Валдаю о приеме самолетов. Нужда большая...

9.1.43 г. Получил ответную радиограмму: встречайте самолет. На улице погода по-прежнему. Морозец. Неплохо. Прав Петров, когда говорит: раз два облачка на небе, самолета не будет. И действительно, не было. Безобразие. Трепачи, а не руководители — болтают, а сделать не могут.

11.1.43 г. Самолет снова не прилетел, возмущаюсь до пределов. Погода летная. Дал радиограмму: «Погода летная, самолет не прилетел». Безобразие. Сытый голодному не верит. Когда кончится обман?

13.1.43 г. Прежняя история с самолетом. Нет ответственных лиц...

14.1.43 г. Погода замечательная. Дал язвительную радиограмму Валдаю. Получил ответ — не знают якобы место сброса груза. Сволочи. Радиограмм не читают.

18.1.43 г. Группа вернулась с заготовок. Привели 3-х лошадей и пудов 8 хлеба. Вот и харчи. Жить пока можно».

Как видим, советские партизаны, лишенные должного снабжения с Большой земли, были вынуждены отправляться на «заготовки», то есть изымать необходимое у гражданского населения.

Некоторое исключение составляли лишь так называемые «партизанские края» — территории, находившиеся вдали от коммуникаций и крупных населенных пунктов. Пребывавшие там партизаны ввиду геоклиматических условий делались трудноуязвимыми. В течение месяцев, а то и лет обитатели партизанских краев наносили оккупантам чувствительные удары, а оседлый образ жизни позволял партизанским отрядам вести натуральное хозяйство — разводить скот, возделывать посевы.

Что касается ситуации, сложившейся в Локотском округе, она не позволяла советским партизанам питать какие-либо иллюзии на тот счет, что локотяне, жизненный уровень которых после ухода советской власти стал расти, будут заинтересованы в том, чтобы в какой-либо форме поддерживать тех, кто в их глазах фактически боролся за возвращение советского режима. Тем самым партизаны были поставлены перед необходимостью насильственного изъятия одежды и продовольствия у мирных граждан.

Так, комиссар бригады им. Ворошилова № 2 майор Кочур грабил мирное население довольно открыто. Вот что показал на допросе осенью 1943 года о бригаде и о ее командире И.А.

Гудзенко представитель Ставки Верховного главнокомандования капитан РККА А. Русанов: «Полковник Гудзенко, бывший начальник штаба танковой бригады. Его отряд состоит из военнослужащих, попавших в окружение и укрывающихся в Брянских лесах. Позже он пополнялся всякими уголовными элементами...» [132]

В том, что «бригада» Гудзенко и Кочура вобрала в себя немалое количество уголовников, нет оснований сомневаться, потому что далее капитан Русанов сообщает о фактах грабежа населения. Уличенный в грабеже Гудзенко выкручивается: «Если я запрещу партизанам то, что они хотят, так они все разбегутся, и я останусь один».

Далее капитан Русанов повествует: «Бригада им. Ворошилова № 2 под командованием Гудзенко — только пример. Но грабят и все остальные, за очень редким исключением... Я неоднократно письменно и устно об этом докладывал. В последний раз Строкач1 мне сказал: «Оставьте это, все равно прекратить грабеж мы не сможем. Да и трудно сказать, принесет ли это пользу партизанскому движению»2.

А вот строки из отчета Кочура от 23 мая 1942 года3: «Среди населения была проведена конфискация военного имущества, находящегося в личном пользовании». В том же отчете: «Со дня организации отряда личный состав питался за счет населения, и было выделено две группы, которые занимались доставкой продовольственного и боевого питания... У семей полицейских изъято 60 пудов хлеба, 8 коров, 11 лошадей, 25 шт. гусей и другое имущество и продукты питания — все ушло для отряда»4.

Из доклада комиссара партизанского отряда имени Ворошилова № 1 Гуторова:

« Одеваем и обуваем бойцов за счет сбора военного обмундирования и трофейного.

Питание удовлетворительное. Норма на день на одного человека составляет 500 г. муки, 500 г. мяса, поллитра молока и неограниченное количество картофеля.

Для сравнения. Суточная норма довольствия бойца русского добровольческого полка «Десна», сформированного под Брянском, на тот же период времени составляла: хлеба — 600 граммов, мяса (преимущественно конины) — 25 граммов; на завтрак и ужин — по 0,5 литра кофе, 10 граммов сыра, 10 граммов масла (иногда заменялось сыром или медом); на обед — борщ с кониной или консервированная капуста (одно блюдо).

Суточная норма довольствия солдата вермахта включала: мяса — 120 граммов, картофеля, овощей, круп — 750 граммов,

молоко заменялось 45 граммами жира и 45 граммами животного или растительного масла, колбаса, рыбные консервы и сыр — 120 граммов.

3. Организовали уборку урожая с полицейских (!) участков...»

Однако, если верить советской прессе, местное население иногда оказывало партизанам поддержку. Так, корреспондент «Правды» Я.И. Марченко, побывавший у партизан Орловщины, писал: «Население охотно и во всем помогает партизанам. Успешно проводится заготовка зерна, картофеля и мяса, идет подписка на заем обороны!» Согласно данным А.С. Гогуна, сборы в ходе подписки составили I миллион рублей, из которых 600 тысяч получены наличными. Помимо этого в Фонд обороны партизаны собрали с населения 530 тысяч рублей. Жертвовало ли население партизанам продукты и деньги добровольно или принудительно, сказать трудно. Но, по крайней мере,, нет объективных, документально подтвержденных данных о том, что указанная сумма денег была изъята у крестьян насильно.

В послевоенное время в мемуарах участников партизанского движения упоминаются отряды, выдававшие себя за партизан и грабившие мирных жителей. Они были созданы немцами с провокационной целью — скомпрометировать партизанское движение. Одна из таких групп, упоминаемая в мемуарах Е.Н. Анищенко, именовавшая себя «Двадцать пять», действовала в Навлинском районе: «Людям говорили, что действуют по заданию секретаря райкома партии и председателя райисполкома... Одетые в форму бойцов и командиров Красной армии, бандиты появлялись в селе под вечер. С криками и руганью они врывались в хаты... Бандиты расстреливали сопротивляющихся, выискивали и расстреливали выходящих из окружения бойцов и командиров Красной армии. А после, захватив награбленное, укатывали дальше». В начале декабря 1941 года отряд из 17 человек под командованием офицера НКВД М.Н. Карницкого ликвидировал эту банду. В начале следующего года подобные банды были обезврежены в Севском и Суземском районах, впоследствии вошедших в состав ЛАО. Захваченных бандитов публично судили в тех местностях, где они совершали разбойные нападения1.

Интересно, что подобные лжезаготовители компрометировали не только партизан, но и органы Локотского самоуправления. Так, в приказе № 96 от 9 апреля 1942 года Каминский с тревогой констатирует, что в различных местах Локотского уезда появляются лица, выдающие себя за заместителей бургомистра уезда. При этом забирают скот, якобы для нужд германской армии или локотского вооруженного отряда, а старостам предлагали расплатиться с владельцами

животных за счет госфонда [133]

В целом советские партизаны не нашли на территории Локотского округа широкой поддержки у населения. Необходимость снабжения партизан за счет местных жителей не добавляла им популярности.

БОРЬБА С ПАРТИЗАНАМИ

С первых же дней существования Локотского самоуправления начались конфликты с партизанами, переросшие постепенно в ожесточенную борьбу, по сути — гражданскую войну.

Решив уничтожить партизанское движение в самом зародыше, бойцы созданного Воскобойником отряда сразу же стали совершать рейды по селам, вылавливая партизан. При этом они довольно успешно применяли «военную хитрость». При подъезде к какой-либо деревне, население которой, по их мнению, могло сочувственно относиться к партизанам, бойцы, не имевшие форменного обмундирования, выдавали себя за партизан. Как правило, им часто удавалось застать врасплох сочувствующее население и самих партизан.

Первое серьезное столкновение произошло после того, как К.П. Воскобойник, пытаясь разрешить конфликт с партизанами мирным путем, издал приказ, в котором предложил партизанам, оперировавшим в районе, сдаться до 1 января 1942 года. Одновременно в приказе содержалось обещание не подвергать их каким-либо репрессиям, с оговоркой, что «опасность может грозить только самым злонамеренным представителям партийного и советского аппарата». На первый взгляд данные строки содержат некоторый подвох, ибо костяк партизанских отрядов как раз и составляли «самые злонамеренные представители партийного и советского аппарата» — сотрудники НКВД и партийно-советских органов. Однако приказ был рассчитан в основном на примкнувших к партизанам красноармейцев из Брянского котла 1941 года, а также ушедших в леса мирных жителей, многих из которых, как уже говорилось, можно было считать партизанами весьма условно.

Реакция на приказ К.П. Воскобойника превзошла все ожидания: сотни партизан выходили из лесов и сдавались, многие приносили с собой оружие, пополняя ряды народной милиции. Сложившаяся ситуация озадачила партизанских командиров и комиссаров, мгновенно почувствовавших свое бессилие. Партизаны же получили приказ Центра занять оставленные немцами районы. Было принято решение уничтожить локотское правительство, а затем приступить к захвату обезглавленной территории.

Для выполнения задачи по ликвидации «змеиного гнезда контрреволюции» был создан сводный отряд под руководством Д.В. Емлютина, в который вошли отряды А.Н. Сабурова, «За Родину» и имени Сталина.

В ночь на 8 января 1942 года под утро сводный отряд Емлютина на 120 подводах без выстрелов въехал в Локоть. Первая группа партизан окружила превращенное в казарму народной милиции здание лесохимического техникума и дом бургомистра, открыв пулеметный огонь, в окна-было брошено несколько гранат. Затем подошли основные силы партизан, намереваясь довершить разгром. Однако партизаны недооценили противника: несмотря на использованный ими фактор внезапности, поднятые по тревоге бойцы народной милиции первую атаку отбили. Если верить сообщению Локотского самоуправления, опубликованному спустя год после указанных событий, оборону в течение нескольких часов держали всего 18 бойцов народной милиции, которым противостояло около 250 партизан[134]. Через некоторое время на помощь осажденным подошло подкрепление. Почувствовав, что победа близка, Воскобойник вышел на крыльцо и обратился к партизанам с предложением сдаться, но был сражен пулеметной очередью, выпущенной партизаном Афанасьевым. Воспользовавшись замешательством противника, партизаны отступили.

Участник этого боя партизан Н.И. Ляпунов в своих послевоенных воспоминаниях воспроизвел события ночного боя в ночь с 7 на 8 января. «Днем налета, — по его словам, — был избран канун Рождества, который усердно праздновался гитлеровскими бандитами»[135]. Подъехав к Локтю на 120 санных упряжках, партизаны поставили лошадей на липовой аллее, а сами вошли в поселок и атаковали здание техникума и дом бургомистра. Бой продолжался до рассвета, и, лишь когда стало подходить подкрепление народной милиции, партизаны покинули Локоть. По смыслу изложения, смертельно ранил Воскобойника партизан Астахов: «Рядом со мной лежал на снегу и вел огонь из ручного пулемета мой односельчанин Миша Астахов. Я обратил его внимание на веранду и сказал, чтобы он повернул пулемет туда. После второй короткой очереди мы услышали на веранде падение тела и возню людей. Как раз в этот момент усилился огонь противника и это отвлекло нас от дома Воскобойника»[136].

Организатор Локотской республики Воскобойник умер на операционном столе. Его спасти не смогли даже прилетевшие из Орла немецкие врачи. Помимо Воскобойника, из локотян, включая умерших от ран, погибло шесть человек: А. Баранов, К. Барыкин, Т. Королев, М. Мазанов, Н. Панов, Н. Шишов[137]. О потерях партизан нигде не сообщается. Упомянутый Н.И. Ляпунов утверждает, что убитых среди партизан не было, лишь несколько нападавших получили ранения[138].

Официальная «Докладная записка о контрреволюционных политических организациях в оккупированных районах Орловской области», адресованная в ЦШПД, явно в стремлении преувеличить заслуги народных мстителей, а также придать поведению Воскобойника негативную окраску, описывает события той ночи несколько иначе:

«8.1.42 года при смелом ночном налете на п. Локоть немногочисленной группы партизан (ныне объединяемых бригадой «За родину»), Воскобойник, не пришедший в себя после только что оконченной очередной попойки, выскочил на крыльцо в нижнем белье и, не разобравшись в причинах стрельбы, пьяным, заплетающимся языком начал кричать что-то несуразное. Смертельно раненый и вмиг протрезвевший, он успел проговорить с горечью: «А я-то собирался играть роль в истории!..»[139]

По утверждению начальника Орловского областного управления НКВД К.Ф. Фирсанова, операции предшествовала серьезная подготовка. Так, Емлютин, Абрамович и Кугучев провели «оперативно-чекистскую работу», выяснив, где именно будет проходить собрание организации «Викинг»[140]. Здесь Фирсанов лукавит, ибо никакого собрания «Викинга» в ту ночь не проводилось ни в доме Воскобойника, ни в милицейской казарме. Согласимся, что, исходя из процитированного выше текста партизанской докладной записки, едва ли можно представить себе, чтобы бургомистр проводил собрание, будучи пьян, да еще и в нижнем белье.

Спустя год приказом обер-бургомистра Б. В. Каминского № 21 по Локотскому самоуправлению в соответствии с решением траурного собрания было принято решение увековечить память погибших сооружением на могиле К.П. Воскобойника памятника «Битва народов» по образцу аналогичного памятника в Лейпциге. Работу над памятником планировалось начать после войны, в победоносном для Германии исходе которой Каминский тогда не сомневался, а деньги для постройки столь грандиозного монумента намечалось выделить из государственных фондов. Тем же приказом Локотской окружной больнице присваивалось имя Павших героев 8 января 1942 года, а тридцать человек из числа бойцов и командиров народной милиции, а также гражданских лиц, участвовавших в бою, были поощрены денежными премиями в размере месячных ставок зарплаты[141].

Б.В. Каминский одновременно с формированием в деревнях Локотского района более сильных вооруженных отрядов заявил, что борьба с партизанами является «одной из первоочередных задач народной власти». Он развернул активные

антипартизанские действия.

В первую очередь, очевидно памятуя реакцию партизан на приказ своего предшественника, Каминский уже 9 февраля 1942 года решил повторно обратиться к ним с воззванием, в котором убеждал переходить на сторону локотян. Снова, по примеру Воскобойника, воззвание было озаглавлено как «приказ всем партизанским отрядам»:

«Товарищи бойцы и командиры, мобилизованные бывшими комиссарамикоммунистами в свои бандитские шайки, к Вам относится этот приказ. Восемь месяцев льется кровь многострадального русского народа по вине тех же бандитов, которые насильно мобилизуют, заставляют Вас брать оружие в руки и направлять его против своих же братьев и проливать и так уже много пролитой крови.

Это делается помимо Вашей воли, ибо Вам война не нужна, Вы ее не хотите, как не хочет войны вся Россия. Война нужна кровожадному Сталину и его приспешникам коммунистам и комиссарам, но как и в регулярной армии они не воевали, а прятались за Ваши спины, так и в своих отрядах они сами не воюют, а заставляют это делать Вас. Ценой Вашей крови они хотят еще сохранить свою гадкую, черную работу, заставляют Вас грабить, убивать и издеваться над мирным населением.

Их карта бита историей, им ничто не поможет, ни ложь, ни клевета, и никакие убийства и издевательства. Эти гады типа Капралова, Арсенова, Мирошина и др., еще в мирное время пили русскую благородную кровь. Это они и подобные им гады, довели русский народ до нищеты и голода, это они, и подобные им подлецы, десятки миллионов русских людей отправили в концлагеря, где эти мученики и умирали. Не один десяток миллионов женщин и детей оставили без крова и пищи. А эти псы пировали на этих трупах зверски замученных людей. Они, во главе со своим кровожадным кретином Сталиным, кричали о хорошей жизни, ибо они жили, а народ бедствовал. Пора кончить проливать кровь, пора взяться за мирный труд. Нужно своими руками создавать жизнь светлую, счастливую, чтобы она улыбалась каждому гражданину, каждому трудящемуся. У нас работают все честные люди и даже коммунисты и бывшие партизаны, пришедшие к нам и сложившие оружие. Не верьте этим «идейным бандитам», что вы являетесь изменниками родины, ибо это не верно. Родина — это народ, а народ не хочет войны ради кучки подлецов и действительных изменников родины. Немецкая армия — это освободительница Русского народа. Она дружественна русскому народу, но вместе с тем она

смертельный враг всему сталинскому строю и его приспешникам. Поэтому эти бандиты натравляют Вас на немецких солдат. Они потеряли в открытой борьбе, а теперь, как голодные волки, действуют из-за угла, боясь открытой борьбы. Пока не поздно опомнитесь. Бросайте эту сволочь, вяжите ее и доставляйте в ближайшие полицейские Управы. Переходите с оружием к нам, Ваша жизнь и благополучие будут обеспечены. Предупреждаю, что всякий, кто будет взят с оружием в руках, будет беспощадно уничтожен.

При переходе отдельно, или группами в 3—5 человек, оружие должно быть повешено через плечо накрест. Этим вы сохраните себя и Ваши семьи.

Смерть и беспощадное уничтожение всем кадровым бандитам и их активным приспешникам!

Зам. Руководителя Народной Социалистической партии»[142].

Что касается боевых операций, то первая из них была предпринята в феврале того же 1942 года против действовавшего в Комарницком и Луганском районах партизанского отряда, упомянутого в приказе Капралова. В ней участвовало 160 бойцов народной милиции и 60 немцев. Исход операции не известен, однако со временем отрядам Каминского удалось очистить от партизан значительную территорию, причем многие партизаны перешли на сторону локотского бургомистра. Так, в Суземском районе за время боев с 19 по 27 июня 1942 года из партизанских отрядов дезертировало 427 человек, 65 из которых подали заявления о вступлении в ряды народной милиции[143]. В результате успешных антипартизанских действий за Каминским даже закрепилось прозвище «хозяин брянских лесов».

Появились и свидетельства бывших партизан, некоторые из которых тиражировались в виде листовок в локотской типографии, а затем при помощи германской авиации разбрасывались над скоплениями партизан. Так, открытое письмо бывшего партизана бригады «Смерть немецким оккупантам» Николая Смирнова, которое подписали также бывшие партизаны Береснев, Пахомов, Кузин, Анисимов, Поляков, Баранова и Ермаков, рассказывает о той агитационной обработке партизан, которую проводили командиры и комиссары. С целью внушить подчиненным страх перед бригадой Каминского, отбить всякую охоту переходить на ее сторону или сдаваться в плен, партизанам внушалось, что пленных партизан в Локте подвешивают на крюках, а для пыток существуют специальные глазовынимателя. Если верить Смирнову и его товарищам, такая пропаганда, хотя и

отличалась топорностью, давала определенный эффект. Не случайно авторы открытого письма пишут: «Многие верили и были изрядно запуганы». В последующих строках авторы делают намек на большое количество партизан, оказавшихся в бригаде Каминского: «Тут и раненые, и перешедшие добровольно, и взятые в плен...» Принося покаяние за свое прошлое, авторы повествуют об опустошительной деятельности партизан, об их терроре в отношении гражданского населения, однако с явным преувеличением описывают увиденное в плену[144]. Трудно поверить, что плененные партизаны не встречали со стороны бойцов РОНА ничего, кроме медицинской помощи и сытной пищи. Заканчивается письмо призывом переходить на сторону локотских вооруженных сил.

В другом обращении бывшие партизаны Чистюлин Иван Ильич, Платоненко Петр Абрамович, Ченцов Иван Фролович, Сафонов Тихон Семенович, Клягин Федор Константинович и Капанин Иван Николаевич писали:

«Приходящих сюда партизан, а также попавших в плен не режут на куски, как это твердили и твердят политруки, а посылают на работы и в достаточной степени снабжают питанием. Здесь много нашего брата работают уже без всякого надзора, даже есть взятые в плен на поле боя ранеными и потом излеченные.

Здесь в Локте заправляют всеми делами русские, — это в корне опровергает утверждение комиссаров о том, якобы немцы превратили русских в рабов.

Какая нелепость!

Крестьяне и рабочие живут здесь хорошо: рабочий получает в день 1 кг. хлеба на себя, 0,5 кг. на иждивенца в день. Кроме того, часто получает соль и другие продукты...

В Локте также имеется Бригада, которая, конечно, куда больше числом наших бригад. Бойцы Бригады питаются хорошо, одеты и получают 250 руб. в месяц каждый»[145].

По некоторым данным, даже в самых неблагополучных в отношении партизанщины местностях имели место случаи перехода партизан на сторону противника. Так, в Суземском районе, военное положение которого на октябрь 1942 года считалось нестабильным, а многие жители округа даже боялись ехать туда на работу, по сообщению районного бургомистра И. Юрова на этот период, партизаны почти ежедневно приходили из леса по 3—10 и более человек, сдаваясь со своим вооружением[146]. А по утверждению С. Штеенберга, на сторону каминцев нередко перебегали даже партизаны из других районов, расположенных на удалении в сто километров. Отмечены факты

возникновения антипартизанских групп в самих партизанских отрядах. О двух таких группах сообщал начальнику Штаба партизанского движения при Ставке ВГК Пономаренко начальник Штаба партизанского движения при Военном совете Брянского фронта Матвеев. Судя по его докладной записке от 8 августа 1942 года, в отряде им. Суворова Суземского района возникли две группы в 9 и 12 человек, возглавили которые В.Е. Данченко и Н.В. Солоников. Их целью было уничтожение партизанского руководства, очевидно для дезорганизации отряда и перевода его на сторону РОНА. Результатом деятельности заговорщиков стало убийство командира разведки отряда И.А. Бережкова и разоружение 15 бойцов-партизан[147].

Немалый интерес представляют заявления бывших партизан о приеме в РОНА. Так, заявление Ф.А. Ракитина показывает, насколько расплывчатым было представление о врагах.

«Господину Комбригу Локотского округа.

Прошу принять во внимание мою просьбу о прощении моего проступка и зачислить меня в ряды Русской Освободительной Армии. Я обязуюсь служить в ней так, как все русские солдаты, не устрашаясь перед любым врагом.

Я желаю пасть на поле боя в сражении с нашими врагами. Пусть моя жизнь еще принесет пользу за русский народ. Мой отец остался инвалидом в русско-японскую войну, где заслужил награду Георгиевского кавалера. Также и я по его наслед. хочу пойти по примеру отца за освобождение русского народа от большевизма»[148].

Обоюдная гражданская ненависть нарастала. В сообщениях Локотского самоуправления говорилось, что партизаны с течением времени во многом изменили характер своих действий, начав терроризировать гра'жданское население. В этом прослеживается их нежелание сталкиваться с частями РОНА.

Вот что утверждал локотский официоз «Дмитровская газета»:

«Если вначале бандиты занимались убийством старшин, старост, полицейских, то в последнее время они не брезгуют никем, лишь бы это был живой человек. Им важно убить побольше людей, чтобы держать в страхе мирное население. Об этом свидетельствуют убийства мирных рыболовов — больного старика Лукина и других, убийство в поселке Радование шести мирных жителей, в бывшем колхозе Пески убийства двух и сильного ранения четырех человек не считаясь с их возрастом. Не гнушаются они выступать и в качестве наемных убийц, как это случилось с похороненным 24 августа гражданином Валуевым. Последний пал жертвой мести со стороны так называемого «вора Касьяна», гражданина села Талдыки-но Сычева лишь за то, что

ему помешали разгромить школу. На лучшее они не способны. Будучи наростами на здоровом теле при советском строе, мешающими нормальному развитию общественной жизни, они теперь превратились в злокачественный гнойник, отравляющий атмосферу...»[149]

> «Участились случаи нападения партизан на мирных граждан. Жертвами такого нападения из лесу были мирные рыболовы Волчков, Лукин, жертвами последних дней Красов, Нифонтов, Скороходов и Кувшинов.
>
> Бойцы караульного батальона, уничтожайте этих хищных зверей-партизан!»[150]

В то же время необходимо учесть, что эти и подобные сообщения — продукт пропаганды, рассчитанной на возбуждение в локотском населении ненависти к партизанам. Обратим внимание, что в публикациях умалчивается о причинах убийства партизанами указанных лиц, о том, занимали ли убитые какие-либо посты в самоуправлении, имели ли они отношение к карательной системе округа. По отношению к жертвам применены лишь обтекаемые, ни о чем не говорящие характеристики: «мирные жители», «мирные граждане», «мирные рыболовы».

Приказ Каминского № 114 от 13 октября 1942 года показывает всю глубину противостояния, взаимной ненависти, желания уничтожить друг друга:

«За последнее время участились случаи налетов оставшихся в лесах бандитов на мирное население вверенного мне Округа. Это объясняется тем, что оставшиеся в лесах бандиты не имеют продовольствия и вынуждены голодать. То, что мы не успели сделать оружием, — должен сделать голод в лесах зимой.

Надо понять всему населению, что бандиты сейчас находятся накануне своего краха: бандиты (особенно их предводители — комиссары) это хорошо знают, и, ради сохранения своей шкуры, грабят мирное население, желая удержать при себе обманутых ими людей, которых они превратили в сообщников. Лесные бандиты расправляются с нашими людьми и мирным населением как настоящие звери.

При налете, например, на село Избичню Комаричского района бандиты поймали находившегося в отпуске бойца 4-го батальона. Ему живому вспороли грудь и вытащили наружу сердце. Попавший в плен к бандитам раненый боец 8-го батальона был также зверски замучен — ему вскрыли живот. То же самое было с бойцами 2-го батальона.

Такое зверство говорит о том, что бандиты предвидят свой близкий конец, они хотят напугать и терроризировать наших бойцов и мирное население.

Но это напрасно. Наш боец — боец Новой России. Он стоек в своей борьбе и отлично сознает, за что он борется. Наши бойцы и командиры, а также мирное население понимают, что сталинскому крепостному праву со всеми его «прелестями» не может быть возврата в России. За это мы будем драться и уничтожать оружием всех тех, кто попытается мешать нам строить наше новое общество без Сталина и его комиссаров.

В целях быстрейшей помощи населению в случае налетов

ПРИКАЗЫВАЮ:

Организовать при штабе Бригады механизированную роту в 130 человек, назвав ее истребительной ротой.

Передать истребительной роте 5 автомашин, 2 танка БТ-7 и одно орудие 76 мм...

5. Всем старостам, волостным старшинам и районным бургомистрам приказываю при приближении бандитов немедленно сообщать об этом в ближайший телефонный пункт, для чего в каждом селе иметь дежурную лошадь со всадником.

Предупреждаю, что невыполнение настоящего параграфа буду рассматривать как прямое предательство и измену Родине и виновных привлекать к военно-полевому суду...»[151]

Очевидно, даже постоянно увеличивавшие свою численность части Каминского были не в состоянии контролировать большую территорию округа, особенно отдаленные деревни, подвергавшиеся налетам партизан. Поэтому местным жителям предлагалось самим создавать отряды самообороны. При этом в борьбе с партизанами рекомендовалось использовать все виды оружия, в том числе огнестрельное, хранение которого не преследовалось. Так, 29 августа 1942 года «Дмитровская газета» поместила статью «Организовать самооборону», в которой давались практические советы по организации отпора партизанам:

«Прежде всего и больше всего подвергаются нападению бандитов лучшие люди села, честные труженики. Они-то и должны организовать из себя охрану села. Пока нет охраны, бандиты свободно появляются, где им вздумается. Как только они почувствуют, что за каждым углом, в каждом дворе их может ждать засада, они быстро прекратят свои налеты на мирных тружеников. Пример Дудинки, Столбища, Кутьминка показал, что вполне достаточным оружием против этих бандитов может служить обычный дубовый кол. Не секрет, что в деревнях есть много припрятанного огнестрельного оружия и боеприпасов —

все это также использовать против них»[152].

Судя по ряду приказов Каминского, с пленными и перебежчиками к партизанам обходились довольно жестко. В приказе № 91 от 15 октября 1942 года в параграфе 5 говорилось: «Дезертировавших бойцов 4-й роты арестовать и привлечь к ответственности через полевой суд, а имущество конфисковать». Проводились репрессии и в отношении семей партизан. Приказ № 22, опубликованный в официальном Бюллетене Локотского окружного самоуправления за 1 февраля 1943 года, гласил:

«Проделанная работа нашими воинскими частями еще не обеспечивает полного освобождения районов от нечисти. Полностью закончить и закрепить проделанное воинскими частями должна районная полиция вместе с батальонами. Необходимо очистить все районы не только от банд, но и от их скрытых агентов. Работа эта очень кропотливая, ответственная и почетная. Нужно помнить, что эти районы чрезвычайно пострадали от действий бандитов и что не большинство крестьян, а меньшинство тяготеет к бандитам. Население этих районов напугано всякими ужасами (о которых им рассказывали в течение года бандиты), творимых якобы нами. Много ошибок было в прошлом сделано нами, которые постарались использовать бандиты.

На основании всего вышеизложенного, приказываю:

§ 1.

Очистку районов от остатков бандитизма (их агентов) возложить на районных бургомистров — г-д Воеводина, Усова и Козлова, а также на начальников районных полиций.

§2.

Все семьи, связанные с бандитизмом, должны быть выселены из указанных районов (Дмитровского, Дмитриевского и Михайловского. — И. Е.) со всем принадлежащим им имуществом.

ПРИМЕЧАНИЕ: Реквизируется имущество только у семей добровольно ушедших в бандиты, если вся семья является бандитской (2—4 члена семьи в бандитах) и у скрытых агентов бандитов.

§3.

На все реквизируемое имущество должен быть составлен на месте акт в 3 экземплярах с подписями лица, делающего реквизицию, 2 членов из жителей села, в котором проживает семья бандита и лица, у кого производится реквизиция; один экземпляр акта дается лицу, у которого производится реквизиция, второй находится в райуправлении и третий пересылается окружному начальнику полиции.

ПРИМЕЧАНИЕ: *Реквизиция без составления на месте акта будет рассматриваться как бандитизм и караться высшей мерой наказания.*

§ 4.

Все лица, связанные с бандитами, переселяются в Навлинский район в распоряжение Бургомистра района г-на Тюлюкина.

§5.

На все семьи, эвакуированные из районов, должны быть составлены именные списки в 3 экземплярах, с указанием количества членов семьи, кто в семье бандит или агент. Один список остается в районе, другой пересылается в округ и третий посылается по месту высылки.

§6.

Все агенты бандитов, а также семьи бандитов должны быть с материалами следствия направлены в округ.

§7.

Одновременно с очисткой сел и деревень от бандитской нечисти, должна проводиться работа по восстановлению власти (выборы или административное назначение старост и сельской полиции)»[153].

Выселение местных жителей сопровождалось полным сожжением опустошенных деревень с целью недопущения их использования партизанами в качестве опорных пунктов. Так, за оказание помощи партизанам и связь с ними каминцами были полностью сожжены деревни Красная Слобода, Требушка, Чернь, Гаврилова Гута, Кокоревка, Кокушкино, Чухра, Смиличи, Игрицкое, Добровольский, Алтухово, Шушуево и другие, а население переселено в деревни, расположенные вне лесов[154].

Как следует из приведенного выше приказа и многих других документов, при проведении репрессий в отношении партизан и членов их семей локотские власти все же руководствовались определенной законностью. И если принять во внимание принципиальность Каминского, его крутой нрав, становится ясно, что всякое отклонение от его приказов было чревато последствиями. Признание в том же приказе № 22 того факта, что «много ошибок было в прошлом сделано нами», по-видимому, породило в дальнейшем более гуманное отношение к населению, даже связанному ранее с партизанами. В этом прослеживается явное желание Каминского выбить из рук партизан основной козырь их пропаганды — возможность использовать репрессивную деятельность самоуправления для завоевания симпатий населения. Так, уже упоминавшиеся А.Ф. Савченкова и А.А. Горелова, допрошенные в Локте 28 июня 1943 года, по

личному распоряжению Каминского были направлены на работу по распределению. Подобные меры применялись ко всем, чья связь с партизанами была чисто номинальной и не наносила большого вреда интересам самоуправления[155].

Однако порой гражданская ненависть принимала довольно жестокие формы. О Хатыни и других уничтоженных немцами деревнях слышали все, но мало кому известно о той жестокости, с которой партизаны расправлялись с населением непокорных им деревень. Наиболее ярко это выразилось в их налете на расположенные в километре друг от друга деревни Тарасовка и Шемякино в ночь с 30 апреля на 1 мая 1942 года. Эти две деревни были у партизан на крайне плохом счету в том смысле, что в них проживало много семей бойцов народной милиции, дислоцировались вооруженные отряды под командованием Галкина, ставшего впоследствии командиром 1-го полка РОНА[156]. По замечанию чекиста М.А. Забельского, «в деревнях Шемякино и Тарасовке вольготно жилось более чем ста пятидесяти полицейским». По его же утверждению, бойцы были хорошо вооружены оружием и боеприпасами, собранными после отступления Красной армии[157].

Созданным в Тарасовке и Шемякине подпольным партизанским группам удалось привлечь на свою сторону командира Шемякинского вооруженного отряда Попова и старосту деревни Шемякино Машурова, которые согласились поставлять партизанам агентурные сведения. Так, Машуров перед отправкой в Локоть больших партий продовольствия сообщал партизанам время отправки и маршрут следования обоза, после чего партизаны нападали на обоз, увозя продукты.

23 апреля 1942 года подпольной группой в Кокоревский партизанский отряд была послана некая М.Н. Кулакова, вручившая партизанам письмо группы с предложением совершить захват деревень. По-видимому, непосредственным толчком к этому шагу стало то, что в конце апреля 1942 года в деревню Чернь явились пятеро каминцев из Шемякина и заявили о своем желании примкнуть к партизанам. О себе они рассказали, что отстали при отходе Красной армии и «под угрозой смерти» вступили в народную милицию. Тут же они передали партизанам сведения о Шемякинском отряде, его вооружении, настроениях бойцов. Перебежчикам было предложено вернуться в отряд и ждать дальнейших указаний[158].

28 апреля с делегатами подпольных групп Коваленко и Языниным были обсуждены детали предстоящего налета, для чего планировалось использовать пароль и отзыв, сообщенные Машуровым. Датой операции партизаны выбрали ночь с 30

апреля на 1 мая, построив расчет на том, что ввиду предпраздничного веселья бдительность каминцев будет ослаблена.

Вот как описывает этот налет один из его участников:

> «День 1 мая 1942 года решено было отметить захватом немецкого гарнизона, размещавшегося в селах Тарасовка и Шемякино, расположенных друг от друга на расстоянии одного километра.
>
> В ночь на 1 мая, имея пароль и отзыв, которые нам сообщил тов. Машуров, мы небольшой группой, примерно в шестьдесят человек, зашли в эти села, сняли постовых без единого выстрела, обезоружили караульных, а потом начали собирать остальных изменников Родины, в чем нам уже помогали обезоруженные солдаты.
>
> Таким образом, к утру 1 мая мы взяли в плен 150 изменников и предателей Родины, захватили пять грузовых машин, несколько пушек и минометов, один танк и много боеприпасов»[159].

Бросаются в глаза вопиющие противоречия, которые не смог сгладить даже делавший литературную обработку статьи советский писатель Зиборов. Неправдоподобно звучит миф о якобы размещавшемся в Тарасовке и Шемякине немецком гарнизоне, захватить который планировалось группой всего лишь в 60 человек. Столь же невероятен захват 60 партизанами в плен 150 бойцов бригады Каминского, боеприпасов и боевой техники. Совершенно нелепо утверждение о том, якобы собирать бойцов народной милиции партизанам помогали обезоруженные немцы.

На фоне этих противоречий можно попытаться воссоздать истинную картину происшедшего в ту ночь. Не подлежит сомнению, что, сняв часовых, партизаны (точное их количество ни в одном из документов не упоминается) вошли в Тарасовку и Шемякино, где подвергли жестокой экзекуции захваченных поодиночке в своих домах каминцев, участь которых, без сомнения, разделили и члены их семей. Отыскать же дома «изменников Родины» при помощи Машурова и Попова было несложно.

Согласно отчету Кокоревского партизанского отряда от 23 мая 1942 года за подписью командира отряда Кочура и комиссара отряда Шевченко, отряд в ночь на 1 мая 1942 года при поддержке с тыла шемякинской группы «обезоружил и арестовал весь личный состав полиции деревень Шемякино и Тарасовка в количестве 142 чел., без боя овладев деревнями. Из числа взятых

в плен расстреляно 57 чел., из оставшихся 85 чел. была организована местная группа самообороны»[160].

Что же касается документов самоуправления, они определяют количество расстрелянных в 115 человек[161].

Иная версия происшедшего, пройти мимо которой мы не имеем права, изложена в публикации В. Макарова и В. Христофорова. Авторы утверждают, что кровавые события в двух деревнях — следствие восстания и перехода к партизанам роты бойцов народной милиции, после чего Каминский устроил расправу над населением Тарасовки и Шемякина, а затем с пропагандистской целью переложил ответственность на партизан. В обоснование своей точки зрения авторы придают характер достоверности показаниям бывшего командира взвода связи РОНА М. Говядова, данным на допросе 15 августа 1946 г.: «В мае 1942 года рота полицейских, дислоцировавшаяся в деревнях Шемякино и Тарасовка, восстала — убила своих командиров, перерезала связь и перешла к партизанам. В отместку за это Каминский организовал карательную экспедицию, в числе которых были мадьяры. Эту экспедицию возглавляли зам. обербургомистра Мосин, начальник военно-следственного отдела Працюк и представитель газеты «Голос Народа» — Васюков. По прибытии на место каратели расстреляли около 150 человек, членов семей полицейских, которые ушли к партизанам, и часть полицейских, которые были захвачены в Шемякино и Тарасовке. В числе расстрелянных были женщины, дети и старики»[162]. В качестве источника своей осведомленности М. Говядов называет слухи, ходившие на территории округа: «Об этом случае говорило почти все население района и солдаты бригады»[163]. Отсутствие более достоверных источников внесло в показания Говядова изрядную путаницу, порожденное к тому же его слабым представлением о структуре и командовании локотских вооруженных сил. Так, педагог, бывший заведующий Брасовским РОНО С.В. Мосин не имел никакого отношения к военным вопросам, поэтому никак не мог возглавить «карательную экспедицию».

Иные источники, свидетельствующие о событиях в Тарасовке и Шемякине, В. Макаров и В. Христофоров не только не рассматривают, но даже и не упоминают.

Однако показания Говядова, на которых базируют свои выводы указанные авторы, не находят объективного подтверждения, полностью опровергаются не только документами самоуправления, но и партизанскими источниками.

С целью освобождения Тарасовки и Шемякина Каминский три раза (3, 6 и 8 мая) предпринимал безуспешные попытки штурма, в

ходе которых отряды народной милиции понесли большие потери. Наконец, на четвертый раз, 11 мая при поддержке пяти самолетов и двух бронемашин части Каминского численностью около 500 человек освободили захваченные партизанами деревни, потеряв в боях 30 человек убитыми и ранеными[164].

Годом позже заместитель комбрига Г.Д. Белай вспоминал, что в эти дни над Локтем также висела угроза, так как он находился в окружении большого количества партизан. С большими потерями частям бригады удалось выбить их из Тарасовки и Шемякина, а затем провести успешный штурм Алтухова и Кокоревки. Если верить Белаю, некоторые партизанские командиры пытались спастись бегством, переодевшись в женские платья[165].

В течение последующих шести дней, с 11 по 17 мая, от двух до пяти немецких самолетов бомбило Кокоревку. В результате был уничтожен склад боепитания партизанского отряда, кроме того, погибло несколько мирных жителей, сгорел 21 дом[166].

Действия партизан провоцировали локотян на ответные меры. В локотских листовках, обращенных к партизанам, написанных в ультимативном тоне, содержались угрозы в случае новых террористических актов расстреливать определенное количество пленных партизан, которые рассматривались как заложники. Ультиматумом Локотского окружного самоуправления от 6 февраля 1943 года, пересланным руководителям партизанских отрядов, сообщалось, что за каждого бойца или старосту будет расстреляно 20 партизан-заложников, а за каждого командира или ответственного работника — 50. Учитывая количество расстрелянных только в районе локотской тюрьмы, непосредственным исполнителем чего была уже упомянутая А.М. Макарова (Гинзбург), ясно, что угрозы самоуправления не были пустыми.

Иногда устраивались показательные казни партизанских руководителей, Так, при освобождении от партизан Тарасовки и Шемякина в плен был захвачен командир партизанского отряда В.В. Чичерин. Военный трибунал приговорил его к смертной казни. Исполняя приговор, командир бронедивизиона Ю.Ф. Самсонов решил лично совершить казнь. При большом скоплении жителей села Красный Колодезь Самсонов отрубил вставшему на колени Чичерину саблей голову.

Ввиду того что партизаны часто вербовали себе помощников из числа местных жителей, осуществляли связь между ними и отрядами посредством агентов, передававших разведданные, приказом Каминского № 51 от 15 сентября 1942 года запрещалось появление гражданских лиц в лесу:

«Участились случаи, когда жители подлесных районов без ведома местных властей ходят в лес.

Имеются случаи, когда под видом сбора ягод, заготовки дров, они встречаются в лесу с партизанами.

На основании изложенного приказываю:

Прекратить всякое хождение в лес отдельных личностей независимо от причин. В случае необходимости выхода в лес, как-то: пилка и заготовка лесоматериала и дров, поиски пропавших животных, — разрешаю выход в лес только в организованном порядке, с обязательным сопровождением полицейских.

Всякое самовольное хождение в лес будет рассматриваться как связь с партизанами и караться по закону военного времени.

Ответственность за выполнение приказа возлагаю на волостных старшин, старост и уполномоченных полиции.

Приказ опубликовать и довести до сведения жителей Локотского Округа.

Обер-Бургомистр Локотского Округа

Комбриг Б. Каминский».

Боевые действия против партизан велись с переменным успехом. В течение всего периода существования округа части РОНА не прекращали атаковать скопления партизанских формирований. Нанося временами партизанам серьезные удары и удерживая под своим контролем территорию округа, каминцы несли ощутимые потери, которые составляли в среднем от 50 до 100 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести за операцию[168]. При этом операции каминцев не всегда были успешными. В свою очередь, партизаны давали о себе знать, проводя террористическую деятельность, захватывая населенные пункты, атакуя небольшие отряды каминцев. Нападения партизан на небольшие гарнизоны и заставы и диверсии на железных дорогах чередовались с карательными экспедициями РОНА, иногда совместно с венгерскими и немецкими войсками, в партизанские районы.

Так, на рассвете 30 июля 1942 года части бригады Каминского при поддержке германских и венгерских частей провели крупную операцию против скоплений партизан в районах населенных пунктов Алтухово, Шешуево, Крапивня, Красный Пахарь. Несмотря на упорное сопротивление партизан, после двухчасового боя они были выбиты из указанных деревень с большими для них потерями. В результате боя, по утверждению газеты «Голос народа», каминцам удалось полностью уничтожить

Вздруженский,

Алтуховский, Крапивненский и Шешуевский партизанские отряды, а партизанский отряд «За Родину» — рассеять. Множество партизан было взято в плен. Захвачено противотанковые пушки, 2 пушки калибром 76 мм,

станковых пулемета системы «Максим», 6 ротных минометов, 2 миномета калибром 86 мм и множество боеприпасов. Потери бригады составили 3 человека убитыми, 6 — ранеными. Кроме того, атакующие потеряли 2 танка и 1 бронемашину[169].

С 3 по 5 ноября 1942 года батальон дмитровской милиции совместно с германскими частями провел наступление на партизан в районе Долбенковских лесов. Как утверждается в «Дмитровской газете», в результате боя было уничтожено 30 ДОТов, 300 землянок, партизаны потеряли более 50 человек убитыми и ранеными[170]. В ночь на 8 ноября тот же батальон продолжил наступление на Сухую Хатынь, в результате чего удалось уничтожить 10 ДОТов, 200 землянок, партизаны потеряли убитыми 150 человек, четверо было взято в плен[171].

Однако в бою за деревню Коломино, где дислоцировались значительные силы партизан, РОНА потеряла 150 человек, не причинив партизанам никакого ущерба[172].

Имели место случаи, когда наступления партизан на отдельные гарнизоны каминцев оканчивались провалом. Так, по сообщению локотского официоза «Голос народа», 5 ноября 1942 года крупные силы партизан в количестве около 1000 человек, из четырех отрядов, атаковали роту 3-го батальона, расположенную в Кокушкине. Однако рота каминцев под командованием комбата Тарасова в течение шестичасового боя не только отбила атаку, но и обратила партизан в бегство. Было захвачено много вооружения. Потери партизан составили более 50 человек убитыми, тогда как каминцы потеряли всего двоих бойцов[173].

Такой же неудачей обернулось предпринятое в ночь на 1 января 1943 года несколькими партизанскими группами повторное наступление на Кокушкино. Партизаны были остановлены и обращены в бегство мощным огнем гарнизона села. В ночь на 2 января 1943 года провалилась попытка двух партизанских отрядов общей численностью около 700 человек взять станцию Дерюгино Дмитриевского района. Попав под огонь отряда каминцев, партизаны были вынуждены отступить, оставив на поле боя убитых и раненых. Кроме того, в период боев с 1 по 4 января 6 партизан с оружием в руках перешли на сторону РОНА[174].

Помимо отдельных стихийных стычек с партизанами части бригады Каминского проводили зачистку лесов с целью

уничтожения партизан и их баз. Так, с 12 по 25 октября, с 3 по 11 ноября, с 17 по 20 ноября 1942 года каминцы с немцами и с венграми провели прочесывание лесных массивов на территории Дмитровского, Дмитриевского и Михайловского районов. Началу каждой операции предшествовала основательная артподготовка, после чего по лесу двигались цепи солдат, непрерывно простреливая лес впереди себя из автоматов. В каждой такой операции участвовало от 1,5 до 3 тысяч человек. В среднем за операцию атакующим удавалось охватить площадь от 1,5 до 8 тысяч гектаров.

Интересны цифровые данные Корюк (тылового корпуса) № 532 о действиях партизан в период с мая 1942 года по апрель 1943 года, согласно которым с мая по октябрь 1942 года партизаны провели 561 акцию по разрушению и повреждению военных объектов, линий связи, железнодорожных путей. Из них успешными оказались 260 акций, безуспешными — 301. В течение этого же периода времени партизаны с различной степенью успешности 540 раз пытались атаковать охранные подразделения округа. С ноября 1942 по апрель 1943 года партизанами было проведено 236 успешных и 222 безуспешные разрушительные акции, а также 553 атаки подразделений охраны[175].

Рассматривая развернувшуюся в этот период на территории округа антипартизанскую борьбу, трудно пройти мимо партизанских документов и мемуаров участников партизанского движения, по смыслу которых партизаны вели в основном борьбу с немецкими оккупантами. Упорно не желая признавать силу и численность противников-сограждан, партизаны отводили им лишь вспомогательную роль. Так, согласно докладной записке начальника Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии, партизанские отряды Д.В. Емлютина уничтожили на территории Локотского округа 2530 немецких солдат и офицеров[176]. Однако утверждение о немцах как об основной силе, противостоявшей партизанам, опровергает ряд документов Локотского самоуправления. Так, летом 1942 года Каминский затребовал у бургомистров районов сведения о количестве могил немецких военнослужащих[177]. Согласно полученным отчетам, количество немецких могил в округе оказалось весьма незначительным. В частности, на территории Николаевского старостата Брасовской волости оказалось всего две могилы, Снытkинского — 17 могил, Сникинского — 15 могил, в остальных старостатах немецких могил не было[178]. А по Тучковскому старостату Глодневской волости обнаружилось всего 6 могил (четыре в поселке Гремучье и две в поселке Трояновский)[179]. На территории Хотеевской волости немецких захоронений

вообще не оказалось[180]. Если учесть, что трупы убитых немцев вряд ли могли каждый раз бесследно исчезать с поля боя, следует согласиться с тем, что количество немецких солдат, убитых на территории округа (по крайней мере, за учтенных десять месяцев оккупации), было небольшим. Интересны данные отчета Кокоревского партизанского отряда, оперировавшего на территории ЛАО, согласно которому отрядом с ноября 1941 по май 1942 года уничтожено 249 полицейских и всего 7 немцев[181]. Все это в совокупности указывает на относительно низкое количество германских войск и высокую концентрацию локотских вооруженных сил, участвовавших в боях с партизанами.

Согласно сообщениям окружного самоуправления, моральное состояние партизан с наступлением холодов падало. Об этом свидетельствуют и учащавшиеся в этот период их попытки налетов на населенные пункты с целью добычи продовольствия и теплых вещей. Так, партизаны неоднократно нападали на Владимирский, Холмечи, Хутор-Холмецкий, Лагеревку, Тростную, Кокушкино, Дерюгино.

В мае—июне 1943 года с целью обеспечения надежного тыла во время проведения вермахтом операции «Цитадель» германским командованием была предпринята самая крупная за годы войны антипартизанская операция «Цыганский барон». Кроме бригады Каминского в ней участвовали части нескольких немецких дивизий, в том числе двух танковых, русский добровольческий полк «Десна»[182], 57-й русский полк «Вольного казачества», кавалерийская группа «Трубчевск», 12 отдельных батальонов РОА, а также крупные силы полиции при поддержке танков и авиации. В ходе начавшегося 20 мая наступления немцы и коллаборационисты повели одновременное наступление на партизанские лагеря с севера, востока и юга с задачей окружить партизан и, прижав их к реке Десна, уничтожить.

Характеризуя эту операцию, начальник Орловского НКВД К.Ф. Фирсанов в своих послевоенных воспоминаниях назвал ее «широкой карательной экспедицией против народных мстителей» и констатировал, что в этот период «в партизанском крае сложилась тяжелая обстановка»[183]. Орловский штаб партизанского движения докладывал 21 июня 1943 года на пленуме Орловского обкома ВКП(б), что против партизан были выставлены крупные силы противника. 18 мая они подошли в район Навли, с ходу организовали наступление и «благодаря своему превосходству потеснили партизанские отряды северной группировки», заняв к 20 мая исходное положение на рубеже Алтухово, Кокоревка, Теребушка, Гаврилова Гута. На рубеже Старая Гута, Васильевка, Белоусовка против партизан наряду с

221-й гренадерской дивизией выступил русско-немецкий батальон. В этот же день противник, наступая с севера, востока и юга, стал окружать партизан и, постепенно сжимая кольцо, теснить их к реке Десна. В результате пятнадцатидневных боев группировке партизан были нанесены большие потери, но она избежала полного уничтожения[184]. Партизанский командир В.К. Морозов в мемуарах писал, что в южных районах Орловской области наряду с частями 7-й немецкой армии и Королевской дивизии против партизан действовали «бригады изменника родины Каминского и 18 гарнизонов полиции», что представляло собой силу, «вдвое превышающую численность партизан»[185].

В ходе операции частям РОНА пришлось вести борьбу с партизанами и за пределами округа. Так, в июне 1943 года 1-й и 5-й полки РОНА вместе с двумя немецкими дивизиями участвовали в ликвидации в лесах Трубчевского района крупного партизанского соединения численностью до 6 тысяч человек. Обе стороны понесли большие потери. Эти трудности усугублялись для партизан тем, что в период операции продолжались переходы партизан на сторону каминцев, в том числе группами.

Так, по данным С. Штеенберга, в конце весны 1943 года в Локоть прибыл целый партизанский отряд из 80 человек с командиром во главе[186].

В ходе операции «Цыганский барон» наступающим удалось занять ряд населенных пунктов, а также партизанских лагерей, однако основные силы партизан сумели вырваться из окружения и избежали полного уничтожения.

Согласно данным, фигурирующим в итоговом донесении 2-й танковой армии, потери партизан в ходе операции составили 3152 человека, в том числе 1584 убитых, 1568 взятых в плен, из которых 869 человек оказались перебежчиками. Кроме того, было ликвидировано 207 партизанских лагерей.

Центральный штаб партизанского движения сообщил о потерях с 1 мая по 1 июля 1943 года в 4700 человек, то есть о сокращении численности партизан с 14 323 до 9623 человек. Разница в 699 человек, вероятнее всего, объясняется недоучетом со стороны немцев.

В этот сложный для партизан период времени, очевидно рассчитывая на их полное уничтожение, Каминский обратился с посланием, убеждая партизан в бессмысленности сопротивления и предлагая сдаться. Кроме этого, отделом пропаганды вермахта было выпущено несколько видов листовок, которые при помощи авиации сбрасывались в местах сосредоточения партизан. Органами НКВД от имени партизан было составлено ответное письмо Каминскому, текст которого зачитали в каждом

партизанском отряде и опубликовали в советской газете «Орловская правда».

Уместно привести его полностью.

«Главному предателю, фашистскому холую, сиятельному палачу русского народа, шлюхе гитлеровского притона, кавалеру ордена в мечах и осинового кола, обер-бурго-мистру Каминскому. На твое письмо шлем мы ответное слово. Мы знаем, что ты — изменник! Ты предал Родину за чины и ордена. Ты был троцкистом, тебе не впервые торговать Родиной и кровью русского народа.

Мы били тебя с твоей поганой полицией. Вспомни, как, удирая от партизан, ты потерял свои грязные портки и кожанку. Дрожи еще сильнее, сволочь! Слышишь канонаду? То наши советские пушки рвут в клочья твоих хозяев-немцев. Ты содрогаешься при разрыве наших приближающихся снарядов. Дрожи еще сильнее, знай, что час расплаты близок.

Мы были мирные люди — добрые хозяева, ласковые отцы, мужья и братья. Немецкие двуногие звери и твои бандиты посеяли зло и ненависть. Волки лютые, людишки без чести и совести! Это вы залили кровью нашу землю, опозорили наших жен, сестер, невест, угнали свободных советских людей на немецкую каторгу.

И как ты, палач и злодей, после всего этого вздумал пригласить нас к себе в плен?

Мы народ не из нежных и своей брехней нас не возьмешь, не запугаешь.

Ты всю жизнь торговал телом и своей совестью, ты, как старая проститутка, содержательница бардаков, торгуешь и теперь жизнью русских людей.

Так как же ты, грязная сволочь, посмел обратиться к нам, смердеть наш чистый воздух? Не в предчувствии ли окончательного разгрома фашистских орд, ты завыл, как шакал?

Короток наш разговор с тобой. Вот тебе последнее слово наше: придем скоро, скорее, чем ты ожидаешь. Красная Армия бьет немецких разбойников на востоке, Америка, Англия — с запада и юга. Так не пеняй, смрадный Иуда, когда на твое приглашение мы, партизаны, двинем с Красной армией с юга и севера, с востока и запада. Мы придем мстить, и месть эта будет беспощадной. Солдат и полицейских, обманутых тобой, мы пригласим в гости, мы их помилуем, если они вовремя опомнятся. А для тебя мы приготовим осиновый кол и петлю с большим узлом под подбородком.

До скорого свидания, обер-палач! Долизывай, пока еще жив, щетинистые зады твоих немецких генералов.

Партизаны Орловщины»[187].

Составители этого яркого текста, очевидно, опирались на письмена партизан, которые те составляли в ответ на обращения Каминского. Так, бывшая партизанка Е.Н. Анищенко вспоминает об одном «ответном письме» Каминскому, появившемся после того, как в конце сентября 1942 года самолеты разбросали над местами скоплений партизан очередной призыв обер-бургомистра, призывающий переходить на сторону РОНА и, по возможности, приводить с собой связанных комиссаров. Партизан В.В. Навроцкий, в стиле казаков-запорожцев, сочинил ответ следующего содержания: «Фашистский холуй и ублюдок ты, Каминский! Подлец и шпион немецкий! Ты предал свою Родину и принес много горя и страданий нашему народу. Патриотов Родины ты, изверг в обличье человеческом, истязаешь страшными пытками, расстреливаешь без суда и следствия, вешаешь и даже живьем сажаешь на заостренный осиновый кол. Но тебя, подлеца и предателя, мы обязательно поймаем. Тогда тебе, гад ползучий, придумаем особую кару, чтобы ты визжал и корчился, как на страшном суде»[188].

Помимо РОНА борьбу с партизанами на территории округа вели и немецкие спецслужбы, в частности уже упомянутое Локотское отделение Абвергруппы-107 «Виддер», подчиненное штабу 2-й танковой армии. Оно занималось разведывательной и контрразведывательной работой. В «Виддере» наряду с немцами служило немало русских сотрудников. При помощи забрасываемых в партизанские отряды агентов «Виддер» выявлял оперативные планы партизанского командования, парализовывал деятельность партизан на основных коммуникациях к фронту, осуществлял убийства партизанских командиров[189]. Для выполнения указанных задач агенты «Виддера», как правило, получали стандартные задания: выявить месторасположение партизанских бригад, маршруты их следования, фамилии командиров и политработников, собрать данные о вооружении партизан и как они его достают, узнать, как обстоит дело с продовольствием, выяснить планы партизанского командования, а также собрать сведения о забрасываемых в расположение германских войск и РОНА советских разведчиках[190]. Летом 1943 года «Виддер» стал комплектовать группы агентов, в основном из девушек[191]. Осведомленность «Виддера» была поразительной. Так, один из партизан-мемуаристов пишет: «Последнее время мы стали получать от немцев отпор. Идет партизанская группа на какую-нибудь операцию, а немцы тут как тут. Не иначе как в наших отрядах завелась нечисть»[192].

Что касается интенсивности антипартизанской борьбы, об этом говорят цифры боевых столкновений между партизанами и частями бригады. Так, за вторую половину 1942 года количество боев по месяцам выглядело следующим образом: июль — 54, август — 43, сентябрь — 58, ноябрь — 58, декабрь — 57[193]. Отсутствие резких колебаний в цифровых данных говорит о постоянном характере этой борьбы, никогда не ослабевавшей.

СОВЕТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ ПРОТИВ БРИГАДЫ КАМИНСКОГО

Отношение партизан к Каминскому и к самому факту существования Локотского округа было довольно своеобразным. Упорно не желая признавать силу противников-сограждан, называя их «кучкой отщепенцев», «сбродом», «преступниками», «нечистью», «мелюзгой», партизаны тем не менее предпринимали отчаянные попытки уничтожить Каминского, ответственных сотрудников самоуправления, командиров РОНА.

Первую такую попытку партизаны предприняли в июле 1942 года во время пребывания Каминского в Комаричском районе. В ходе завязавшейся перестрелки обер-бургомистр был легко ранен. Узнав, что никто из участвовавших в бою бойцов и полицейских не пострадал, подпольщик П. Незымаев, заведовавший районной больницей, написал Каминскому анонимное письмо. В нем указал, что ранили обер-бургомистра вовсе не партизаны, а начальник Комаричского отделения полиции Масленников, пытавшийся занять его должность. Анонимка возымела успех — через два дня Масленников был арестован и повешен[194].

20 мая 1943 года машина Каминского, в которой обер-бургомистр возвращался из полка Турлакова, подверглась обстрелу из станковых пулеметов, однако комбригу и его шоферу удалось покинуть машину и спастись бегством. На следующий день Каминский прибыл в полк с конвоем, арестовал 80 человек и увез их в Локоть[195].Летом 1943 года, в соответствии с тщательно разработанным планом, партизаны Драгунов и Григоров, одевшись в форму солдат добровольческого полка «Десна», взялись преподнести Каминскому подарочно оформленный пакет, в котором находилась книга с вмонтированной взрывчаткой. Покушение не удалось, так как, вскрывая пакет, Каминский услышал щелчок сработавшего взрывателя и в ту же секунду выбросил пакет в окно. Взрыв прогремел на улице, не причинив обер-бургомистру никакого вреда.

Подобные попытки предпринимались неоднократно, при этом партизанам зачастую приходилось жертвовать своей жизнью.

Подобным образом шла «охота» и на других ответственных работников органов местного самоуправления. Так, еще до образования округа, с ноября 1941 года, подпольщики начали слежку за бургомистром Навли Калмыковым. Лишь в ночь на 14 декабря[196] группе из десяти партизан во главе с Мирошиным удалось расправиться с бургомистром путем поджога его дома.

Калмыков сгорел заживо.

Заслуживает внимания и возникновение в округе ряда подпольных групп, большинство из которых было создано партизанами, и лишь немногие возникали самостоятельно, впоследствии устанавливая связь с одним из партизанских отрядов. Всплеск деятельности подполья относится к лету 1943 года, что свидетельствует о падении морально-психологического духа части бойцов бригады, потере веры в победу немцев. Цели таких групп были различны — от поставки партизанам необходимой информации до планирования вооруженных выступлений в масштабе всего Локотского округа. Последнее не двинулось дальше замыслов, так как перетянуть на свою сторону сколько-нибудь значительное количество солдат РОНА заговорщикам так и не удалось. Общим в планах подпольщиков был индивидуальный террор — попытки физического устранения ответственных лиц самоуправления, командиров РОНА. В ряде случаев создатели подпольных групп руководствовались не столько идейными, сколько практическими соображениями — предвидя приход Красной армии и восстановление советской власти, они искали пути, как избежать ответственности за службу в РОНА или работу в аппарате Каминского.

Одна из таких групп была создана в Комаричском районе неким П.Г. Незымаевым, направленным сюда после окончания Смоленского мединститута на должность заведующего районной больницей. Пик подпольной деятельности Незымаева пришелся на осень 1942 года. Так, в октябре он завербовал начальника артиллерии полка РОНА Ю. Малахова. Во время налета партизан в ночь с 15 на 16 октября на село Шарово Малахов стянул туда часть вооружения полка и сдал его партизанам. Командир объединенных партизанских отрядов западных районов Орловской области Д.В. Емлютин в своем приказе от 22.10.42 сообщал, что в Шарове захвачены следующие трофеи: одна 76-мм пушка, одна 45-мм пушка, полковой миномет, батальонный миномет, 4 ротных миномета, 2 станковых пулемета, 4 ручных пулемета, 32 снаряда к 76-мм пушке, 28 снарядов к 45-мм пушке, 64 ротные мины, 8 полковых мин, 2 пистолета, 9 винтовок и 15 тысяч винтовочных патронов. «Проведенная операция показывает, — писал Емлютин в том же приказе, — что там, где командиры отрядов тщательно продумывают план намечаемой операции, серьезно готовят свои отряды к проведению операции и лично руководят ею, там всегда операция будет успешной»[197].

Используя свое влияние в батальонах РОНА, Незымаев создал «военную секцию» подпольной организации, во главе которой встал начальник штаба одного из полков РОНА П. Фендющенко.

Последнему, согласно данным справки заместителя заведующего отделом ЦК ВЛКСМ А. Торицина от 6 августа 1943 года, удалось организовать переход к партизанам поодиночке и группами 120 бойцов РОНА.

Однако провалом окончилась попытка Незымаева совместно с Фендющенко и Енюковым сдать партизанам 6-й и 7-й батальоны РОНА вместе с вооружением. Плану помешал начальник штаба 6-го батальона Кытчин, который вовремя поднял тревогу. 1 ноября 1942 года Незьгмаев и семеро его сообщников были схвачены, военно-полевой суд приговорил их к смертной казни через повешение. Приговор привели в исполнение 8 ноября в Комаричах при большом стечении народа[198].

На второй день после казни Каминский подписал следующий документ:

«ПРИКАЗ № 125

по Локотскому Окружному Самоуправлению, 9 ноября 1942 г.

О награждении

§ 1.

В развитие моего приказа № 124 от 9 ноября 1942 г. за проявленную бдительность и инициативу в раскрытии врагов народа Комаричского района, пытавшихся предать 6 и 7 батальоны бандитам, сжигать полученный обильный урожай сена и хлеба, подрывать мосты, минировать дороги и, наконец, убивать видных работников Локотского Самоуправления, создавая этим панику, пытавшихся нарушить хозяйственную и военную мощь Округа, — Начальнику Штаба 6 батальона г-ну КЫТЧИНУ, от лица Командования Бригады и Локотского Самоуправления — ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ.

§2.

Выдать г-ну КЫТЧИНУ денежную премию в размере 5.000 руб. и натуральную — 10 пудов ржи.

§3.

Войти с ходатайством к Командованию Штаба германских вооруженных сил о награждении г-на КЫТЧИНА орденом.

§4.

Настоящий приказ прочитать во всех батальонах, ротах и отдельных воинских частях.

Обер-Бургомистр Комбриг Б. Каминский»[199].

Как видно, несмотря на провал последней операции, деятельность группы Незымаева сильно обеспокоила как командование РОНА, так и лично Каминского. Поэтому уже 20 ноября 1942 года в «Голосе народа» появилась статья «О дезертирах и партизанах», где говорилось: «К чему ведет дезертирство? Оно ведет к развалу военных сил новой власти, а при развале этих сил к нам возвратятся наши враги, ведущие против нас жестокую борьбу, партизаны»[200]. И если учесть, что до этого окружные газеты не публиковали чего-либо подобного, можно предположить, что со столь масштабным дезертирством командование РОНА столкнулось впервые.

В августе 1942 года в селе Добрик возник подпольный партизанский отряд, организованный начальником Локотского мобилизационного отдела С.В. Васильевым и бывшим председателем сельпо Толкачевым, выполнявшим в отряде роль комиссара. Используя свое служебное положение, Васильев под предлогом проведения мобилизационных мероприятий разъезжал по районам округа, вербуя в свою группу новых членов. Помимо Васильева и Толкачева, основной стержень отряда составили бывший лейтенант Красной армии Карцев, директор Комаричской средней школы А.А. Фирсов и его жена Филатова, врач Локотской окружной больницы. Первоначально в группу входило 10 человек, потом она стала увеличиваться. Так, в отчете секретаря Брасовского РК ВКП(б) Разумова от 1 марта 1943 года численность подпольных организаций, состоящих, по выражению составителя, «из местной полиции», выглядит следующим образом:

Добрик — 13 человек;

Телятниково — 9 человек;

Брасово — 7 человек;

Локоть — 17 человек[201].

По всей вероятности, речь в отчете идет лишь о руководящих лицах подпольных групп. Фактически же в группе Васильева на тот период состояло до 150 человек[202], причем в нее оказались вовлечены даже ответственные сотрудники самоуправления и командиры РОНА: командир 1 -го батальона Волков, старшина Хотеевской волости Кудинов, врачи Локотской больницы Трушко и Спектр. Последний, еврей по национальности, давал общие указания по работе отряда. Не менее интересна личность одного

из членов группы, Акулова, бывшего уголовника, до войны судимого за хулиганство. Несмотря на 19-летний возраст и криминальное прошлое, он сумел занять должность заведующего складом боепитания бригады Каминского. Когда группа была арестована, Акулов стал единственным, кто, пытаясь избежать наказания, усердно изображал из себя сумасшедшего.

Целью отряда было уничтожение Каминского, Шавыкина, Белая и окружной администрации, восстание в Локте по плану, разработанному Фирсовым и Карцевым, роспуск бригады и капитуляция перед партизанами.

Согласно уже упомянутому отчету Разумова, некие безымянные диверсанты, фамилии и принадлежность которых не упоминаются, но с большой вероятностью принадлежавшие к группе Васильева, воспользовавшись конфликтом между немцами и каминцами, сумели при помощи английской мины сжечь автогараж в Локте. Находившиеся в гараже 2 танка, свыше 10 автомашин, 28 мотоциклов и около 4 тонн бензина сгорели[203].

С целью проведения дальнейших диверсионных операций 15 марта 1943 года в отраде Васильева была создана террористическая группа, которая наметила план убийства руководителей самоуправления, захвата танков, взрыва горючего, боеприпасов и порчи связи. Каждый из членов группы получил свое задание. Так, врач Филатова для ликвидации верхушки самоуправления готовила яды, правда, практически применить их не удалось. Всего же террористическая группа предприняла два покушения на ответственных работников самоуправления. Первое было направлено на устранение начальника окружной полиции Р.Т. Иванина, для чего террористы подвесили к двери его дома противотанковую гранату. Однако первым, кто открыл после этого дверь дома, был сын Иванина. Граната взорвалась, но Иванин-младший остался жив, взрывной волной выбило лишь окна и двери дома. Эта операция осложнила работу террористов — была усилена охрана квартир сотрудников самоуправления. Следующим объектом покушения стал заместитель обер-бургомистра С.В. Мосин. Он подвергся обстрелу 18 февраля 1943 года, когда ехал в машине. Согласно отчету секретаря Брасовского РК ВКП(б) Разумова, покушение не удалось, выстрелом из винтовки был ранен лишь адъютант Мосина. На самом деле тяжелое ранение получил ехавший с Мосиным механик Свинцов[204]. В ответ на это покушение, в соответствии с уже упомянутым ультиматумом самоуправления от 6 февраля 1943 года, было расстреляно 10 заложников-партизан.

16 марта руководство отряда Васильева передало в штаб партизанской бригады «За Родину» донесение о движении

германских войск и военных грузов.

Неизвестно, насколько /далось бы отряду Васильева осуществить свои грандиозные планы, если бы в одном из боев не попал в плен один из партизан отрада «Смерть немецким оккупантам», который под пытками сообщил Каминскому о существовании в РОНА подпольной группы Васильева, которая в полном составе была арестована. Все руководители группы, в том числе Васильев и Толкачев, предстали перед военно-полевым судом Локотского округа. Судя по партизанскому донесению, Каминский лично следил за ходом судебного процесса, присутствовал на заседаниях, задавая подсудимым вопросы. Диалог между обер-бургомистром и подсудимыми зачастую проходил в форме обычной перебранки с обоюдными оскорблениями. Так, на вопрос Каминского Фирсову: «За что вы боролись?» тот ответил: «За русский народ, за нашу Родину». Каминский в ярости закричал: «Дурак, твоя Родина село Заловкино, вот иди туда и борись!» Фирсов ответил: «Сам ты ни черта не разбираешься, что такое Родина. Твоя Родина — Польша. Вот туда иди сам и борись, а здесь нечего околачиваться!» Через некоторое время Каминский задал еще вопрос. Фирсов, не оборачиваясь, стал отвечать на него членам суда. Судья сделал замечание, указав, что подсудимый должен повернуться в сторону Каминского и отвечать ему. Однако Фирсов махнул в сторону обер-бургомистра рукой и сказал: «Подумаешь, всякие тут будут задавать вопросы, а я им должен отвечать. Я подсудимый и отвечаю суду».

Все подсудимые были признаны виновными в измене Родине и приговорены к смертной казни.

Попытку организации подобного отряда предпринял также начальник штаба гвардейского батальона РОНА старший лейтенант Бабич. Однако во время вербовки в отряд новых членов он был предан, а при попытке побега из бригады к партизанам — тяжело ранен и схвачен начальником военной коллегии Г. Працюком. Удалось арестовать и большинство из завербованных Бабичем бойцов, которых заключили в тюрьму, остальные бежали в лес.

Примером подпольной организации, созданной под патронажем НКВД, является возникшая в Севске группа М.С. Григорова, известного под кличкой Граф. Он был направлен туда осенью 1942 года по личному приказу сотрудника Орловского управления НКВД майора В.А. Засухина. Со временем сколотив в Севске организацию под названием «За советскую родину», Григоров, по его собственным словам, вовлек в нее более ста человек. Целью Григорова-Графа и завербованных им в Севске

сторонников был сбор необходимых партизанам сведений, уничтожение ответственных лиц района и командиров РОНА, вывод из строя техники бригады Каминского, разложение каминцев и населения при помощи пропаганды. Уже зимой Григоров совместно с супругами Волковыми и В.Ф. Ломоносовой предпринял попытку устранения командира 10-го батальона Рейтенбаха. Ввиду того что комбат постоянно находился под охраной и держал маршруты своих поездок в тайне, было решено уничтожить его в собственной квартире при помощи мины с часовым механизмом. С этой целью Ломоносова познакомилась со служанкой Рейтенбаха и, посетив в очередной раз подругу, сунула под подушку заведенную мину. Взрыв раздался после полуночи, однако покушение не удалось — Рейтенбах в эту ночь задержался на службе и приехал домой уже после взрыва[205]. Через несколько дней, 18 февраля 1943 года, Ломоносова была арестована, а при вступлении советских войск в Севск 1 марта 1943 года — расстреляна в тюремной камере[206]. Сведений о каких-либо более выразительных эпизодах из деятельности группы Графа найти не удалось, так как, по-видимому, вся работа этих подпольщиков ограничивалась распространением Листовок и законспирированными собраниями.

В июне 1943 года в Навле была разоблачена подпольная группа, возглавляемая неким Кошкиным. В нее входили помощник начальника штаба 3-го полка бывший старший лейтенант РККА И.Б. Лапанов, заведующая Навлинским райздравотделом Светанкова, командир взвода 3-го полка Н.А. Берлов, начальник полиции Навлинского района Мироненко, а также В.М. Михайлов, М.Н. Щеглов, А.Г. Ячников, И.А. Финахин, И. Лобанов, Жорчик, Субач, Булахов и другие. Группа ставила своей целью подрыв мощи 3-го стрелкового полка РОНА, убийство командира полка Прошина, вывод из строя находящейся в Навле бронетехники, сдачу Алексеевской заставы партизанам. Последнее было задумано с целью открыть партизанам фронт и обеспечить беспрепятственный захват Алексеевки. Так, бывший лейтенант Красной армии Мироненко получил задание набирать в навлинскую полицию «своих» людей, тормозить работу лесопильного завода, подготовив его впоследствии к взрыву. Кроме того, он сообщал партизанам сведения о передвижении немецких составов через станцию, их характеристики. Эти сведения партизаны передавали за линию фронта.

Примечательно, что в этот период навлинская полиция и части РОНА усилили контроль за людьми, проходившими через территорию района. Под подозрение в связях с партизанами подпадал каждый, в том числе женщины. Причем наличие

специальных пропусков не снимало с задержанных подозрений — все они подвергались допросам, а то и пыткам. Если верить бывшей партизанке Е.Н. Анищенко, Каминский сам допрашивал подозреваемых, причем допросы чередовались с избиениями[207].

В целом же, благодаря системе жестоких репрессий каминцев, деятельность советского подполья не достигла задуманных целей. Удачные операции подпольщиков имели место, но это не отразилось коренным образом на боеспособности РОНА. Ни Каминский, ни кто-либо еще из его близкого окружения так и не был ликвидирован, ни одно крупное предприятие не было выведено из строя в результате диверсий подпольщиков. Напротив, все части РОНА сохраняли свою организацию и, несмотря на имевшие место переходы личного состава к партизанам, оставались достаточно боеспособными.

КАМИНЦЫ ПРОТИВ КРАСНОЙ АРМИИ

Если до 1943 года РОНА вела лишь борьбу с партизанами внутри округа, то во время весенне-летнего наступления Красной армии бригаде дважды довелось столкнуться с ее регулярными частями.

В середине февраля 1943 года на участке фронта Орел—Курск наступающие войска Центрального фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского, воспользовавшись слабостью германской обороны, прорвали фронт. В конце февраля 1943 года части РККА, соединившись с партизанскими отрядами в районе Михайл овки, достигли восточных окраин Локотского округа. Наступление красноармейских частей и партизан — всего около 3 тысяч человек — поддерживалось 35 танками и несколькими десятками орудий. Вместе с германскими частями Севское направление прикрывали 4-й (командир — майор Рейтенбах) и 5-й (командир — майор Турлаков) полки РОНА[208]. В отличие от антипартизанских операций, в которых знание местности давало каминцам преимущество по сравнению с немецкими и венгерскими войсками, а выучка и оснащенность противников была примерно равными, столкновение РОНА с регулярными частями Красной армии не обещало ей ничего хорошего, и в результате войска Каминского понесли большие потери. К тому же недавнее поражение немцев под Сталинградом сказывалось на морально-психологическом состоянии личного состава бригады.Согласно сообщению советской стороны, солдаты многих батальонов РОНА, не принимая боя, разбегались по своим селам, откуда часть их была впоследствии призвана в Красную армию. Кроме того, до 700 человек перешло на сторону партизан и влилось в партизанские отряды. Потери Красной армии и партизан составили более 200 человек убитыми, случаев перехода красноармейцев и партизан на сторону немцев и РОНА не отмечено. Кроме того, каминцы подбили 4 советских танка, захватили следующие трофеи: 17 пулеметов разных типов, 90 винтовок, 4 миномета и множество боеприпасов.

Примерно в этот же период отдельные части РОНА, по-видимому, придавались германским частям, сдерживавшим наступление РККА за пределами округа. Так, часть каминцев держала оборону в районе Орла, где им удалось подбить два советских танка[209].

Временами частям РОНА удавалось навязать частям Красной армии упорную борьбу.

Наиболее ожесточенные бои отмечались в районе Севска.

Когда советские войска подошли к окраинам города, первыми их встретили батальоны РОНА, в основном 4-го полка. Есть данные о том, что каминцы в течение восьми часов удерживали подступы к городу. Даже Советское информбюро было вынуждено передать, что город был занят после нескольких часов упорного боя.

Прорвавшиеся в ночь на 2 марта красноармейские части, соединившись с партизанами, двинулись на Лагеревку, Тростную, где первый бой также был принят частями РОНА, понесшими значительные потери. В результате боев наступление РККА было приостановлено, что дало германскому командованию возможность провести планомерный и организованный отвод войск. Вскоре командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Р. Шмидт направил Каминскому приветственное письмо со словами: «Благополучному исходу происходивших событий мы многим обязаны Вам и Вашей способной Народной Армии»[210].

Положение округа в эти дни стало угрожающим. Личный состав бригады и административный аппарат уже были подготовлены к эвакуации. Однако советское наступление не получило дальнейшего развития, а в ходе дальнейших боев, направленных в основном на выравнивание линии фронта и ликвидацию выступов, Севск вновь был отбит у Красной армии. В апреле 1943 года фронт окончательно стабилизировался, на Севском направлении продолжались лишь местные бои, а советская артиллерия время от времени вела обстрел вражеских позиций. Что касается советской авиации, она, если верить сообщению «Орловской правды» от 6 июля 1943 года, вела бомбардировку вражеских коммуникаций, в том числе города.

Приказом Каминского № 62 от 10 апреля 1943 года отмечалась роль защитников города и увековечивалась память погибших в боях за Севск командиров РОНА:

«В ночь с 1 на 2 марта 1943 года большевистская армия, а вместе с ней и лесные бандиты ворвались в г. Севск и начали свою зверскую расправу не только над защитниками города, но и над мирным населением. В городе завязался ожесточенный уличный бой с численно превосходящим врагом и техникой. В этом неравном бою славные бойцы и командиры Бригады Народной Армии показали высокую боеспособность, выдержку и мужество в борьбе за счастливое будущее освобожденного народа.

Бойцы и командиры нашей славной Бригады Народной Армии, несмотря на численное превосходство врага, вступили в бой и мужественно защищали город. Стойкие защитники — лучшие сыны освобожденного русского народа до последнего дыхания героически дрались с врагом.

В этих неравных боях пали лучшие сыны освобожденного русского народа:

Начальник Штаба 4 стрелкового полка Демин Алексей Николаевич,

Командир 14 Батальона Драченко Михаил Герасимович,

Командир 10 Батальона Константинов Петр Алексеевич и Командир Батареи Косарев Николай Алексеевич.

На основании изложенного, **ПРИКАЗЫВАЮ**:

§ 1.

В ознаменование памяти героев г. Севска — Демина А.Н., Драченко М.Г., Константинова П.А. и Косарева Н.А. — переименовать улицы г. Севска:

Улицу Киевскую — в улицу Демина, улицу Пятницкую — в улицу Драченко, улицу Вознесенскую — в улицу Косарева.

§2.

Выдать единовременное пособие семьям героических защитников г. Севска: семьям Демина и Драченко в размере 10.000 рублей, семьям Константинова и Косарева — в размере 5.000 рублей.

§ 3.

Семьям героических защитников г. Севска от лица службы выражаю соболезнование.

§4.

Настоящий приказ прочесть перед строем во всех ротах, батареях и отдельных взводах.

Командир Бригады Б. Каминский.

Начальник Штаба Бригады Капитан Шавыкин»[211].

Благодаря временному затишью РОНА получила возможность восстановить свои силы. Путем мобилизации возрастов 1925—1926 годов рождения Каминскому удалось довести численность бригады до 12 тысяч человек.

Однако затишье касалось лишь линии фронта. Господство же в воздухе принадлежало советской авиации, которая периодически бомбила Локоть и Брасово. Самый крупный авианалет совершила в мае 1943 года 301-я бомбардировочная дивизия, которой командовал полковник Федоренко. В назначенный день в воздух поднялись 42 бомбардировщика, к которым над аэродромом 283-й истребительной авиадивизии присоединилась группа сопровождения. С высоты 1600—1800 метров бомбардировщики сбросили весь бомбовый груз. По сообщению штаба 16-й воздушной армии о результатах бомбометания, на станции Брасово был уничтожен воинский эшелон, несколько бронемашин и танков, погибло более пятисот

немецких солдат и офицеров. В городе Локоть бомбы угодили в помещения, где размещалась крупная немецкая часть, подразделения РОНА, а также группа мадьяр, готовившихся к отправке на фронт[212].

Согласно тому же сообщению, одной из бомб разрушен дворец великого князя Михаила Романова, огонь проник в подвал, в результате чего взорвался находившийся там склад боеприпасов[213].

Последнее не соответствует действительности. В 2003 году мы обследовали подвальные помещения великокняжеского дворца. Старинная кирпичная кладка, подвальные стены и своды нигде не имеют следов осколков или иных механических повреждений, которые неизбежно должны были образоваться, если бы здесь взорвался значительный боекомплект.

В июле 1943 года, когда Красная армия вновь перешла в наступление, 5-й полк РОНА и отдельные роты из других полков были приданы немецким частям и подразделениям и введены в бой в районе Дмитровска-Орлов-ского. Остановить советское наступление на этот раз не удалось, поскольку немецкие войска были обескровлены в ходе Курской битвы, и уже в начале августа после согласования с немецким командованием Каминский отдал приказ об эвакуации бригады и гражданского населения округа в район города Лепель Витебской области.

В эти напряженные дни 4-й полк под командованием майора Рейтенбаха был выставлен для обеспечения общего отхода и прикрытия Севского направления, но попал в окружение в результате отсекающего танкового удара и был уничтожен полностью.

Будучи вынуждена сдерживать наступление регулярных частей Красной армии и тем самым выполнять несвойственные ей задачи, бригада показала крайне низкую боеспособность. В тактическом плане она не выполнила поставленные перед ней задачи. И хотя в локотской прессе и приказах Каминского восторженно говорилось об успехах РОНА, это имело больше пропагандистское значение с целью поднять упавший боевой дух бригады, нежели отражало действительное положение вещей.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ «ЛОКОТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Когда советские войска вплотную приблизились к границам округа, Каминский, по согласованию с немецким командованием, создал Окружную комиссию по переселению, а также ряд отделов, занявшихся практическими вопросами переселения.

На основании приказа № 224 от 29 июля 1943 года окружная комиссия по переселению представила обер-бургомистру безумный по своему характеру план эвакуации бригады и всего гражданского населения округа в район города Лепель Витебской области. Несмотря на нереальность предложенного плана, он был утвержден Каминским, а 5 августа последовал его дополнительный приказ № 233, касавшийся отправки как государственного, так и личного имущества сотрудников самоуправления, бойцов и командиров РОНА, их семей:

«В дальнейшем для практического выполнения плана по переселению людей, проживающих на территории Брасовского и Навлинского районов и перевозки всего государственного и частного имущества, приказываю:

§ 1.

С сего числа обязать под личную ответственность всех руководителей госучреждений и предприятий, Бургомистров районов, волостных старшин, сельских старост, произвести к 10-му августа полную подготовку всего отправляемого имущества, как то: упаковка, обеспечение тарой для провозки, расчет и обеспечение транспортом для перевозки на станцию.

Обязываю всех вышеуказанных руководителей 10 августа с. г. письменно доложить в Окружную Комиссию по переселению о выполнении данного приказа.

§3.

Предлагаю нач-ку Окружного отдела Заготовок и Снабжения Усову к 15 августа, обеспечить выдачу рабочим и служащим хлебного пайка и продуктов питания за июль и август месяцы, по установленным ценам, за исключением мяса, вместо которого выдавать соль вес за вес.

§4.

Обязать всех руководителей учреждений и предприятий под их ответственность составить списки на получение хлебного пайка и предметов питания по установленной норме рабочим и служащим только тем, которые не имеют озимых посевов.

§ 5.

Предупреждаю всех рабочих и служащих о том, что за незаконное получение хлебного пайка и продуктов виновные будут наказаны по закону военного времени.

§6.

Данный приказ объявить через газету «Голос народа».

П/П Обер-Бургомистр Округа

Каминский».

В эти дни появилось воззвание Каминского «К населению Локотского округа». В нем обер-бургомистр пытается дать предстоящему исходу локотян в Белоруссию оптимальное объяснение, цель которого — не уронить авторитетность своих предыдущих заверений о несокрушимости новой власти, безвозвратном исчезновении сталинского режима на землях округа, непобедимости германской армии. Так, в воззвании говорилось:

«То, что освобожденная часть России навсегда включилась в семью народов Западной Европы, — является несомненным… Гул орудий, грохот пушек доходит до нас. Мы, конечно, спокойны за свою судьбу, мы отлично знаем, что никогда Германская армия не сдаст Орла, мы уверены, что никогда не попасть в лапы врага и нашему первому самоуправляющемуся Локотскому округу»[215].

Но в последующих строках автор корректирует вышесказанное, настраивая читателей на неизбежную реальность, предполагающую совершенно другое развитие событий:

«Однако не исключена возможность военных действий на территории всего Локотского округа. Следовательно, оставаться здесь — это значит подвергнуть себя опасности, могущей грозить нам со стороны противника. Не для кого не секрет, что Красная армия и НКВД жестоко расправляется со всеми теми, кто жил на освобожденной от жидо-большивиков территории, не говоря уже о тех, кто работал на пользу Новой России»[216].

Ниже Каминский снова впадает в противоречие, по-иному мотивируя необходимость переселения:

> «Наш округ — первый округ, взявший бразды правления в свои руки… а поэтому заслуживает перенесения опыта своей работы на более обширную территорию»[217].

В последующих строках автор настраивает потенциальных переселенцев на реалии, которые их ожидают на территории Белоруссии:

> «Само собой разумеется, что гарантировать большие

удобства сейчас нельзя. Каждый рабочий и служащий, а также неработающий будут обеспечены средствами передвижения. Будет предоставлена возможность взять с собой все необходимое, будут гарантированы минимальные удобства»[218].

По свидетельствам жителей Лубенской (Лубянской) волости Локотского уезда, население знало об этом воззвании обер-бургомистра, однако отнеслось к нему равнодушно.

Партизанские отряды в этот период были ориентированы, кроме всего прочего, на то, чтобы, насколько возможно, минимизировать сопротивление каминцев, сея панику в их рядах. Между тем среди личного состава РОНА началось брожение. Некоторые из бойцов, предвидя расплату за службу в РОНА, пытаясь купить себе прощение, шли к партизанам. Но, несмотря на то что партизаны охотно принимали каминцев в отряды и даже привлекали их к участию в боевых операциях, это ни в малейшей степени не смягчало их вину — с приходом Красной армии все перебежчики арестовывались и передавались карательным органам, либо, в лучшем случае, зачислялись в штрафные роты. Так, судя по сохранившимся в Государственном архиве Орловской области уголовным делам бывших каминцев, задержанных в Дмитровском районе, всем им поголовно были вынесены смертные приговоры. Причем следствие проводилось в упрощенной форме, ограничиваясь допросами лишь самого обвиняемого, реже — еще одного-двух свидетелей. Интересно, что все обвиняемые давали исключительно признательные показания.

В течение августа 1943 года зафиксировано несколько групповых переходов каминцев к партизанам. Так, допрошенный локотским следователем 17 августа 1943 года Кайдалов Михаил Петрович 1918 года рождения показал:

«8 месяцев я работал в германской части в компании № 124 расположенной в г. Орле. Две недели тому назад наша часть пришла в Локоть и расположена здесь. 11 -го августа с. г. мне пленный тоже работавший в этой же компании Щигин Иван предложил поехать в обеденный перерыв на легковой машине в Тарасовку, чтобы достать самогонку и через час-полтора вернуться обратно. Он сказал, что у него есть знакомый шофер, работающий в одном из гаражей Бригады Каминского и он нас повезет и привезет обратно к 2-м часам. Кроме Щигина при этом присутствовал тоже военнопленный из нашей компании Балакирев Аркадий, он тоже вместе со Щигиным друзья и предложил мне ехать. Они сказали что захватят с собой немного вещей из одежды чтобы обменять в деревне Тарасовка или

Шемякино на водку. Я согласился, ив 12 ч. дня поехали. Не доезжая 5 километров до Тарасовки машина которую вел шофер из бригады Каминского — Петька, повернула на просеку вправо. Я удивился этому, но Щигин мне сказал, ты догадываешься куда мы едем?

Я понял что они задумали ехать в лес к партизанам и сказал что понял. Щигин спросил не против ли я этого дела, я не мог отказываться и сказал что не против, т. к. они меня убили бы. Проехав по просеке километра два машина остановилась, мы вышли, машину замаскировали в кустах и пошли в лес. Через минут десять нам встретились два партизана. Они спросили кто мы такие и куда идем. Шофер Петька начал им объяснять и начал спрашивать о своих знакомых кто находится в партизанах. После этого мы все пошли к линии железной дороги. Так как была очень лунная ночь то мы линию не перешли, а остались перед линией, решив перейти в другой день и потом идти в штаб партизан. Так как были лунные ночи, то мы не могли перейти линию и на четвертый день решили пойти на Крупец чтобы там перейти линию. Когда стали переходить большак то я идя сзади всех решил обязательно от них сбежать. Я стал рвать ягоды, немного отстал и из бывшего у меня автомата дал по идущим впереди очередь, а сам побежал по обратному пути держа путь на Локоть. Вскоре пришел на заставу русских солдат бригады Каминского и рассказал все командиру батальона. Командир батальона позвонил в штаб Комбригу Каминскому и меня потом доставили в Локоть в тюрьму.

В дороге, когда мы поставив машину шли по лесу Аркадий Балакирев похвастался, что он у германского офицера украл пистолет и показывал его нам.

Показания мне прочитаны, записаны правильно, в чем расписуюсь.

Подпись»[219].

Не менее интересны показания допрошенного в Локте 18 августа 1943 года следователем окружного отдела юстиции Редькиным бойца РОНА Хомякова Ильи Григорьевича 1924 года рождения, рассказавшего о попытке одного из командиров бригады увести к партизанам целую роту.

«Наша 3-я рота 4-го батальона 2-го полка РОНА была расположена в Игрицком. 10-го числа августа ночью командир роты Фомченков отдал нам приказание собираться и строиться. Повел нас в лес и нас встретили 40 человек партизан, окружили нас и приказали кто не хочет быть у партизан отходить в сторону и направили пулеметы в ту сторону куда приказали выходить. Мы

никто не вышел, так как боялись, что нас постреляют. Нас тогда повели в партизанский лагерь. Прошли мы всю ночь и утром пришли в отряд. Партизан в этом отряде было очень много. Этот отряд называется «Советские патриоты». Командир отряда — Носов. Комиссара не знаю. Артиллерии в отряде нет. Побыв день в лагере нас направили в с. Требиково за картошкой, но из слободы Пригородной обстреляли немцы и мы вернулись. Командир разведки Бычков Николай — Игрицкий по нашей просьбе направил нас троих: меня, Сафронова Петра и Гурова Петра в разведку в Лубошево с заданием разведать силы и какие части стоят в Лубошево и если удастся, совершить покушение на Каминского, для этой цели нам дали автоматы ППШ и одну беззвучную винтовку-полуавтомат, две английские мины. Мы пошли в Лубошево и потом пришли домой в Загрядское к начальнику полиции Горшкову, отдали все вооружение и пошли в Добрик в свой полк. Явились к майору Тарасову и по его распоряжению были направлены в Локоть в Окружную тюрьму. Из моих родственников нет никого в партизанах.

Показания с моих слов записаны правильно, мне прочитаны. В чем и расписуюсь.

Подпись»[220].

26 августа, погрузив танки, артиллерию и другую технику, части РОНА вместе с гражданской администрацией округа и членами семей общим числом свыше 30 тысяч человек выехали по железной дороге в Белоруссию. Как свидетельствовал автору житель села Брасово, впоследствии — танкист 1-й дивизии Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) В.А. Комаров, эвакуация бригады и гражданского населения проходила организованно. В тот августовский день полиция обходила дома в Локте и Брасове, приказывая жителям готовиться к отправке, грузить самые необходимые вещи на подводы. Затем многотысячные толпы людей двинулись пешком на железнодорожную станцию Хутор-Михайловский. После утомительного перехода, когда люди достигли станции, их встретили какие-то грузины в форме танкистов, велев расположиться на лугу и ждать погрузки в эшелоны. В это время на станции уже стояло несколько эшелонов с крытыми вагонами для личного состава бригады и платформами для техники. На них загоняли танки, орудия. Когда через несколько часов подали эшелоны с открытыми платформами для гражданских лиц и объявили о начале погрузки, лагерь пришел в движение.

Часть местных жителей, в том числе с семьями и детьми, двинулась на запад пешком. Однако уйти им удавалось на

десятки, от силы на сотни километров — их настигал фронт.

Органы КГБ уже в послевоенное время попытались дать массовому исходу локотян другое объяснение. Так, сборник «Чекисты» сообщает о якобы имевшем место приказе Каминского к населению, где говорилось: «Кто не выедет из Локтя в назначенный срок — лишится всего имущества и будет расстрелян»[221]. Авторы сборника явно перестарались. Самоуправление и без того не справлялось с отправкой гражданского населения, поэтому уклонение от эвакуации вряд ли вызвало бы негативную реакцию Каминского. Расстреливать же уклонистов в условиях создавшейся в те дни неразберихи было просто нереально. И уж совершенной нелепостью выглядит угроза лишения имущества в случае уклонения от эвакуации, ибо, напротив, отъезд в Белоруссию как раз и означал лишение имущества. Авторы сборника, очевидно, искажают содержание упомянутого воззвания Каминского «К населению Локотского округа», где по поводу уклонения от эвакуации в действительности говорится следующее: «Что касается тех, которые не пожелают поехать в предназначенную область — они будут эвакуированы Германским Командованием в административном порядке без предоставления транспортных средств»[222].

Однако, по свидетельству ряда местных жителей, меры по принудительной эвакуации не предпринимались. Напротив, значительное количество солдат и офицеров, сотрудников аппарата самоуправления сбежало по дороге в Белоруссию, вернувшись на территорию округа. Так, согласно докладной записке бухгалтера Локотского театра Ю.В. Полтевой от 17 сентября 1943 года, из 104 сотрудников театра в Белоруссию прибыл только 41 человек[223].

Те из солдат и офицеров РОНА и сотрудников административного аппарата Локотского самоуправления, кто не захотел эвакуироваться, стремясь избежать репрессий, меняли места жительства, переходили на нелегальное положение, а иногда даже стремились быть поскорее призванными в Красную армию. Некоторые каминцы, дезертировав из бригады по пути в Белоруссию, вернулись на Брянщину и развернули в лесах партизанскую борьбу. Нам известно как минимум об одном отряде каминцев численностью в 25 человек, бойцы которого в июне 1944 года ушли из Белоруссии, чтобы партизанить в южной части брянских лесов с определенной политической программой и задачами. Командовал отрядом бывший лейтенант Красной армии и член НТС Г.Е. Хомутов, до этого побывавший в Локте с целью создания молодежной организации НТС. Во время одного

из боев, предположительно в августе 1944 года, Хомутов был захвачен в плен и после короткого следствия репрессирован[224]. Это вполне согласуется с воспоминаниями Р.Н. Реддиха: «Вообще в России оставались многие (члены НТС. — И. £.)... Некоторые исчезли бесследно. Например, — Жора Хомутов. Еще при эвакуации из Дятлова он организовал отряд, в который вошли несколько членов нашего Союза (НТС. — И. £.), присланных из Минска Георгием Сергеевичем Околовичем, который был главным на весь средний участок оккупированной России. Он служил у Мешылагина — бургомистра Смоленска, в должности начальника транспортного отдела... Хомутов ушел обратно в Локоть и пропал»[225].

Борьба отдельных групп каминцев против советской власти, по мнению С.И. Дробязко, продолжилась вплоть до осени 1946 года, до их полного уничтожения спецчастями НКВД. Однако некий исследователь из Владимирской области, укрывшийся за псевдонимом Меандров, утверждает, что в 1994 году брал интервью у бывшего сержанта МГБ. Собеседник, лично принимавший участие в ликвидации этих антисоветских партизан и получивший в последнем бою ранение, рассказал, что последнюю «политическую бандгруппу каминцев» ликвидировали в деревне Лагиревка Комаричского района в декабре 1951 года. Она состояла из восьми человек и, вступив в бой, сопротивлялась около трех часов до полного уничтожения. Что же касается подробностей этой антисоветской партизанской борьбы и постоккупационной истории округа, документы, могущие пролить свет на эти события, до сих пор не введены в научный оборот, осев в архивах региональных управлений ФСБ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Будучи следствием раздиравших советское общество противоречий, антисоветские настроения жителей западных районов Орловской и Курской областей обрели реальные формы благодаря командованию 2-й немецкой танковой армии, сумевшему оценить значение сотрудничества с местным населением для обеспечения своих коммуникаций и поддержания безопасности в тыловых районах, равно как и ведения войны вообще. Велика также была роль личностей, выдвинувшихся на фоне краха советской власти в оставляемых Красной армией районах и попытавшихся создать политическое движение, которое, по их замыслам, в будущем смогло бы перерасти границы Локотского округа и получить развитие в общероссийских масштабах.

Организаторам самоуправления, нашедшим общий язык с местной немецкой администрацией, удалось добиться многого как в хозяйственной, так и в военной и политической области, о чем А.А. Власов и другие вожди антисоветского движения могли только мечтать. Однако высшее германское руководство не нашло в себе силы отказаться от колонизаторских планов в отношении России и пойти навстречу чаяниям ее народов.

Относительно эффективности боевой деятельности РОНА правомерно утверждать, что более или менее нормальное функционирование коммуникаций 2-й танковой армии обеспечивалось не только за счет германских тыловых частей и соединений, но и за счет наших соотечественников. Можно выделить три направления использования частей бригады Каминского: боевая антипартизанская, охранная и репрессивная деятельность. Что касается боевой деятельности РОНА против РККА, то она носила случайный характер, а ее результаты не были оправданы ввиду больших потерь каминцев и невыполнения ими тактических задач.

Можно выделить три периода, характеризующиеся различной боеспособностью бригады, зависевшей почти полностью от положения на фронтах.

Первый период (начало оккупации территории округа — конец 1942 года) характеризуется наибольшей устойчивостью РОНА, минимальным количеством случаев перехода их личного состава на сторону партизан. В то же время количество переходов партизан на сторону каминцев именно в этот период было значительным. Это связано с тем, что указанный период отмечен в основном победами германской армии, ее продвижением в

глубь советской территории. На этом фоне в партизанской среде были сильны пораженческие настроения.

Второй период (зима 1942/43 года — лето 1943 года) характеризуется снижением устойчивости бригады, что является следствием крупного поражения сталинградской группировки вермахта. В результате этого был развеян миф о непобедимости германской армии, что неизбежно отразилось на настроениях личного состава бригады.

Третий период (июль—август 1943 года) отмечен катастрофическим состоянием бригады, массовым дезертирством ее личного состава. Приближение Красной армии к границам Локотского округа, отсутствие всяких надежд остановить ее наступление привели к тому, что на сторону партизан стали переходить целые подразделения каминцев.

Заслуживают внимания и проявления так называемого «гражданского» коллаборационизма, получившего довольно широкое распространение на территории округа. Сотрудничество локотян с оккупантами на административном, экономическом и бытовом уровнях в конечном итоге привело к тому, что округ стал стабильным источником снабжения германской армии, а жизненный уровень гражданского населения стал гораздо выше, нежели на других оккупированных территориях СССР.

Эвакуированная на запад бригада Русской освободительной народной армии оторвалась от питавших ее корней и вместо того, чтобы защищать свои деревни, была вынуждена подавлять антигитлеровское сопротивление на чужих землях. В результате ее бойцы и командиры превратились, по сути, в немецких наемников. В дальнейшем многие из них влились в ряды власовской армии и до конца прошли ее крестный путь. В то же время даже в этот период РОНА проявила удивительную живучесть. Несмотря на массовое дезертирство, она даже за пределами Локотского округа сохранила свою организацию и оставалась сильным боеспособным соединением.

Таким образом, история Локотского автономного округа и РОНА, при всей ее противоречивости, является одним из наиболее интересных эпизодов антисоветского движения в годы Второй мировой войны. В то же время следует отметить тот очевидный факт, что развитию коллаборационизма в Локотском автономном округе способствовал в первую очередь экономический фактор. Наделение крестьян и военнослужащих РОНА землей, обеспечение рабочих сносной зарплатой — это то, что возымело для локотян первостепенное значение. Такие шаги организаторов округа, как создание антисоветской партии, проведение разного рода политико-пропагандистских

мероприятий, лишь способствовали росту антисоветских настроений, направляя уже сформировавшиеся взгляды населения в соответствующее политическое русло. В то же время нельзя отрицать и наличие сильного политического фактора, двигавшего немалой частью населения Локотского округа. Но носителями именно политической, антисоветской идеи не было большинство локотян. Став в довоенные годы неким отстойником опальной интеллигенции, Локоть дал тем самым базу для развития сильных антисоветских настроений. Их анализ позволяет не согласиться с отечественными авторами, видящими причины коллаборации в беспринципности, уголовном прошлом вставших на путь сотрудничества с противником одиночек[226]. Так, сам факт того, что пропаганда в Локте говорила о будущем России, величии ее национальных ценностей, свидетельствует о том, что в среде локотян, в первую очередь интеллигенции, был высок интерес именно к такого рода вопросам.

В целом анализ политико-пропагандистских мероприятий в Локотском округе опровергает также устоявшееся мнение о том, что сложившаяся там идеология была инспирирована Германией. Напротив, она большей частью формировалась не благодаря, а вопреки нацистским установкам Третьего рейха относительно СССР и его населения. На это указывают как имевшие место ограничения немцами политико-пропагандистских мероприятий локотян, так и ставшие причиной этого вопиющие расхождения между программой НСПР и установками Третьего рейха относительно «славян-недочеловеков». Так, у немцев и локотян была лишь одна общая цель — борьба против большевизма. Что касается конечных планов относительно будущего СССР, они существенным образом различались. В то время как Германия имела целью колонизацию СССР и завоевание «жизненного пространства», лидеры самоуправления высказывали идеи о независимости России.

Подобная иерархия мотивов становления на путь коллаборации была типична, впрочем, не только для жителей округа, но и для других категорий граждан СССР. Все это дает основания говорить о советском коллаборационизме как о явлении, имеющем довольно пестрый спектр причин, ввиду чего не исторично и совершенно неправомерно сводить процессы, происходившие на территории Локотского округа, к банальному предательству. Уместнее говорить об элементах гражданской войны, разыгравшейся на фоне войны Отечественной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Архив РОА (Москва). Манифест Народной социалистической партии России. 25.11.41 (копия); Чавчавадзе Г.Н. Интервью 27.08.1997; Редлих Р.Н. Интервью.

Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 6. On. 1. Д. 54. Т. 1—2.

Ф. 2608. On. 1. Д. 20, 35, 42.

Ф. 2590. On. 1. Д. 1, 2, 3.

Ф. 2521. On. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5.

Личный архив И.Г. Ермолова (ЛАЕ). Коллекция приказов и других нормативных, хозяйственных, юридических, военных документов Локотского самоуправления.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. On. 1. Д. 22, 709, 710, 746, 748-750, 909, 912—914, 1027, 1143, 1144.

Центр новейшей истории Брянской области (ЦНИБО). Ф. 1650. On. 1. Д. 3, 77, 115, 129. Ф. 1672. On. 1. Д. 4, 10.

Тверской центр документации новейшей истории (ТЦЦНИ).

Ф. 479. On. 1. Д. 648.

Мемуары

Анищенко Е.Н. Партизанская республика. Тула, 1992.

Богатырь З.А. В тылу врага. М.,1963.

Богатырчук Ф.Л. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско, 1979.

В сердце «Виддера» // Чекисты: Сб. статей / Под ред. Л. Хотиловской. М., 1970.Григоров М.С. Грозовые дни // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954.

Жилянин Я.t Поздняков #., Лузгин В. Без линии фронта. Минск, 1975.

Забельский М.А. На «малой земле» // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971.

Кашников В. В России (1941 — 1944 гг.) // Грани.

Лобанок В.Е. В боях за Родину. Минск, 1964.

Лобанок В.Е. Партизаны принимают бой. М., 1972.

Казанцев А.С. Третья сила. Франкфурт-на-Майне, 1974.

Константинов Д.В. Через туннель 20-го столетия. М., 1997.

Марченко Я.И. Строки из огня. М., 1985.

Морозов В.К. Врагу от нас не уйти // За линией фронта: Сб. воспоминаний / Под ред. З.Я. Синельниковой. Тула, 1968.

Фирсанов К.Ф. Как ковалась победа // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971.

Периодические печатные издания

Голос народа. 1942. 10 октября. № 23; 15 октября. № 24; 26 октября. № 26; 5 ноября. № 28; 15 ноября. № 30; 20 ноября; 1 декабря. № 33; 16 декабря. № 36; 1943. 31 января. № 5.

Дмитровская газета. 1942. 25 июля; 14 ноября. № 62.

Красная звезда. 1942. 24 июня; 13 августа.

Московский комсомолец. 2005. 2 декабря.

Новый журнал. №18 (1949).

Орловская правда. 1943. 3 июля. N° 139 (8031); 4 июля № 140 (8032); 6 июля № 141 (8033); 14 июля N° 147 (8039); 28 июля N° 157 (8049).

Речь. 1942. 26 июля. № 88 (118); 26 августа. № 100 (130); 18 ноября. № 135 (165); 25 ноября. №138 (168); 1943. 3 февраля. № 14 (197); 5 марта. № 27 (210); 26 марта. № 34 (217).

Родина. 1991. № 8-9; 2006. N° 10.

Севский листок. 1942. 23 сентября. № 5.

Документальные и справочные издания

Lagebesprechungen im Fahrerhauptquartier: Protokollfragmente aus Hitlers militiirischen Konferenzen 1942—1945. Stuttgart, 1964.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 3 т. М., 1966. Т. 2.

Партизаны Брянщины: Сб. документов и материалов. Брянск, 1959-1962. Т. 1.

Литература

Антипартизанская война в 1941—1945 гг.: Сб. статей / Под ред. А.Е. Тараса. М., 2005.

Шлас . Репресивно-карательна система в УкраМ. 1917— 1953: В 2 кн. Кн. 2. Кшв, 1994.

Васильев А.Н. В час дня, ваше превосходительство... М., 1970.

Война в тылу врага: о некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: В 2 кн. М., 1990.

Воробьева В.Я., Емельянов И.Н., Кострица А.Ф. Край наш Орловский. Тула, 1976.

Гогун А.С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941 — 1944 гг.: Статьи и воспоминания / Под ред. Б.С. Пушкарева. М., 2004. С. 4-53.

Гофман И. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. М., 2006.

Грибков И.В. Локотская «республика» // Под оккупацией в 1941 — 1944 гг.: Сб. статей и воспоминаний / Под ред. Б.С. Пушкарева. М„ 2004. С. 76—83.

10. Грибков И. В. Хозяин брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская Освободительная Народная Армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008.

11 .Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, документов, воспоминаний / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. 2.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. М., 2004.

Ермолов И. Г. Локотская республика и Бригада Каминского, или «Шумел не просто брянский лес». Орел, 1999.

Ермолов И.Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика. М., 2001.

Ермолов И.Г. Антипартизаны // Тверца. 2004. Август. № 5 (Ю).

Итоги второй мировой войны: Сб. статей / Под ред. И.Н. Соболева. М., 1957.

Квицинский Ю.А. Генерал Власов: путь предательства. М., 1999.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941-1944. М., 2004.

Ковтун И. Партизаны Брянщины: мифы и правда // Эхо войны. Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 17-25.

Колесник А.М. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков, 1991.

Мюллер И. Вермахт и оккупация. М., 1974.

Октан М. Является ли эта война отечественной для народов России? Орел, 1942.

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003.

Рендулич Л. Партизанская война // Итоги Второй мировой войны: Сб. статей / Под ред. И.Н. Соболева. М., 1957.

Рогачевский А.Л, Рецензия на книгу Chiari B. Alltag hinter der Front. Diisseldorf, 1998 // Правоведение. 2000. N° 4. С. 255— 259.

Рыжкин Г. Ливенские были. Орел, 1997.

Семенов К.К. Войска СС. М., 2004.

Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991.

Смыслов О.С. Проклятые легионы: изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006.

Соколов Б. В. Оккупация. М., 2002.

Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Вермонт—Париж, 1989.

SteenbergS. Vlasov. New York, 1970.

Таратухин К.Л. Ливны при немцах // Под оккупацией в 1941 — 1944 гг.: Сб. статей и воспоминаний / Под ред. Б.С. Пушкарева. М., 2004.

Thorwald J. Illusion: Soviet soldiers in Hitler's armies. London, 1975.

Филатов В.И. Власовщина РОА: белые пятна. М., 2005.

Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004.

Штеенберг С. Генерал Власов. М., 2005.

Эренбург И.Г. Война: Сб. статей. М., 2005.

Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941 — 1944). М., 1971.

Диссертации

Дробязко С. И. Восточные формирования в составе германского вермахта (1941 — 1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. М.: Московский государственный историко-архивный институт. 1997.

Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941—1944 гг.: Дис... канд. ист. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2005.

Шуляков В.А. Деятельность местных органов советской власти на освобожденной от немецко-фашистской оккупации территории в годы Великой Отечественной войны (1942—1945 гг.): Дис. канд. ист. наук. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт, 1978.

Интерактивные материалы

Рытое А.Г. Рыцари пятого океана // http://militera.lib.ru/memo/russian/rytov/17 .html.

Сычев Г. Русская Освободительная Народная Армия // http://www.comrades.hl.ru.**ПРИЛОЖЕНИЯ**

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛОКОТСКОГО ОКРУЖНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

ПРИКАЗ

Предлагаю всем партизанам, оперирующим в Брасовском районе и ближайших окрестностях, а также всем лицам, связанным с ними, в недельный срок, т. е. не позднее 1 января 1942 года, сдать старостам ближайших селений все имеющееся у них оружие, а самим явиться для регистрации в Управление районного старосты в пос. Локоть. Являться небольшими группами — 2—3 человека, вызывать постового бойца и сообщать ему о целях своего прихода. Все неявившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться без всякой пощады.

Пора давно прекратить безобразие и приступить к организации мирной трудовой жизни. Всякие сказки о возвращении советского режима в оккупированные области являются вздорными необоснованными слухами, которые распространяются злостными советскими элементами с целью дезориентации граждан и поддержания состояния беспорядка и неуверенности в кругах широкого трудового населения.

Сталинский режим умер безвозвратно, это пора понять всем и становиться на путь спокойной трудовой жизни. Вздорными являются слухи о поголовном истреблении партизан и коммунистов. Опасность может грозить только самым злонамеренным представителям партийного и советского аппарата, которые не хотят сами и не дают возможности другим стать на мирный трудовой путь.Настоящий приказ является последним предупреждением.

В селениях, где настоящий приказ получен с опозданием, регистрация партизан может быть отсрочена до 15 января 1942 года.

Руководитель Народной социалистической партии
Инженер Земля (КПВ)

ПРИКАЗ № 21 по Локотскому Окружному Самоуправлению

В соответствии с решением траурного собрания по случаю

годовщины трагической смерти основоположника и организатора Новой Власти в бывшем Брасовском районе Константина Павловича ВОСКОБОИНИКА, приказываю:

§ 1.

Воздвигнуть на могиле К.П. Воскобойника памятник «Битва народов» по образцу такого памятника в Лейпциге (Германия) с отпуском потребных средств на его сооружение за счет государства.

К осуществлению данного мероприятия приступить по окончании войны.

§2.

Присвоить Локотской окружной больнице имя «Павших героев 8-го января 1942 года».

§ 3.

Выдать денежные премии в размере месячных ставок зарплаты нижепоименованным бойцам, командирам и гражданским лицам, участвовавшим в бою 8-го января 1942 г. при налете на Локоть лесных бандитов, называющих себя партизанами:

Агееву Даниилу,
Андрееву Михаилу,
Андрееву Н.С.,
Веденскому Николаю,
Воскобойник А.В.,
Гладилину И.И.,
Гаулину Евдокиму,
Дмитрик М.Д.,
Иванину Гр. Мих.,
Иванину Никите,
Иванину Ром. Тих.,
Караченкову Филиппу,
Козлову Григорию,
Кошилеву А.Г.,
Кузнецову Дмитрию,
Макухину Виктору,
Мешкову Александру,
Мещанову Евгению,
Мысину Вадиму,
Мустаеву А.С.,
Мясоедову Петру,
Натяглову В.М.,
Соломатникову Василию,
Пурыгину Виктору,
Фадееву П.В.,

Шошину Н.М.,
Шупекину А.А.,
Щербину В.И.,
Ярулину Ибрагиму,
Федотовой Т.С.
§4.

Выдать единовременные денежные пособия, из расчета месячных ставок зарплаты, семьям нижепоименованных бойцов и командиров, убитых или умерших от ран в результате Локотского боя 8-го января 1942 года:

Баранова Александра,
Барыкина Константина,
Воскобойник К.П.,
Королева Т.А.,
Мазанова Михаила,
Панова Николая Федоровича,
Шишова Николая.

Обер-Бургомистр Локотского Округа
Комбриг Б. Каминский.

ПРИКАЗ № 96

по Управлению Локотского Уезда, Орловской губернии от 9 апреля 1942 года

За последнее время на территории уезда участились и начинают принимать систематический характер случаи, когда под видом заготовок продовольствия, главным образом продуктивного скота, для нужд германской армии и наших отрядов вооруженной охраны появляющимися на местах лицами, не имеющими никаких документальных полномочий от Уездного Управления, а самозванно именующими себя «заместителями бургомистра уезда» или, в лучшем случае, предъявляющими удостоверения за подписью вымышленного «начальника снабжения германских войск» производится закупка коров и другого продуктивного скота.

Эти лжеуполномоченные выбирают скот по своему личному усмотрению, не соблюдая элементарных правил, запрещающих убой некоторого скота, произвольно оценивают его, допуская в отдельных случаях заведомую переплату и, наконец, также самочинно обязывают местных сельских старост расплачиваться с гражданами, у которых был взят скот, хлебом за счет госфонда.

В целях коренного пресечения на будущее время подобного

рода вопиющих безобразий, приказываю:

§ 1.

Всякие продовольственные закупки для нужд как Германской армии, так и наших отрядов вооруженной охраны допускать на территории уезда только при наличии удостоверений, выданных уездным Управлением.

§2.

Приобретение продуктивного скота для вышеуказанных целей с оплатой его на местах строжайше воспретить, допуская выдачу хлеба за такой скот исключительно по нарядам за личной подписью Бургомистра Уезда или его заместителя.

§3.

Покупку на предмет убоя породистого скота, а также тельных коров, поросных свиней, котных овец и всех видов племенных производителей ни в коем случае не допускать. Равным образом, запретить покупку скота ниже средней упитанности.

§4.

Закупленный продуктивный скот обязательно актировать, с указанием в акте его живого веса и упитанности, причем акт должен быть подписан сельским старостой, покупателем и владельцем данной головы скота.

§5.

Допущенный по причине завышенной оценки скота перерасход хлеба отнести за личный счет «заготовителей», по распоряжению которых была произведена оплата на месте или за счет сельских старост, если эта оплата производилась ими самостоятельно.

§6.

В подтверждение моего приказа от 29 января с. г. за № 39, который на местах до сего времени нарушается, принудительное изъятие продуктивного скота, как равно и всякого другого имущества и продуктов питания производить только при наличии ордера на право обыска за подписью Уездного Бургомистра или его заместителя.

Бургомистр уезда Б. Каминский

ПРИКАЗ № 106 по Локотскому Уездному Управлению 15 апреля 1942 года

§ 1.

От неосторожного обращения с оружием участились несчастные случаи ранений и убийств среди бойцов Отряда и

мирного населения.

Приказываю всем гражданам, за исключением лиц кои имеют мое разрешение на право хранения и ношения оружия, сдать в 2-х дневный срок Начальникам Полиции автоматическое оружие, винтовки, револьверы и охотничьи ружья.

Бойцы и командный состав Отрядов коим не положено по роду службы иметь револьверы и пистолеты, обязаны сдать немедленно Командирам Отрядов, а по Локотскому Отряду Коменданту Андрееву.

Все сданное оружие представить в Уездное Управление при описи, при чем на охотничьи ружья должны быть указаны владельцы и система.

Не сдавшие и скрывающие оружие будут предаваться Военному Суду.

Исполнение настоящего Приказа возлагаю на Начальников Полиции и Командиров Отрядов.

§2.

В связи с таянием снега Старостам, Начальникам Полиции и Командирам Отрядов предлагаю в срочном порядке принять энергичные меры по сбору вооружения, боеприпасов, а также телефонных, телеграфных аппаратов, моторов, автомашин и другого военно-медицинского имущества.

Сбор мин, снарядов гранат Командирам Отрядов возложить на опытных бойцов.

К сбору военного имущества привлечь население.

Граждане, проявившие особое усердие по сбору имущества будут премированы.

Бургомистр Локотского Уезда

Б. Каминский

ПРИКАЗ № 132 по Управлению Локотского Уезда, Орловской губ.

8 мая 1942 года

22 июня 1942 года народы Великой России совместно со своим освободителем — германским народом будут подводить 12-месячные итоги ведения войны с кровожадным режимом династии Джугашвили-Сталина, незаконно водрузившего на огромных пространствах русской земли знамя беспросветного рабства, для поддержания «чести и достоинства» которого и распространения на другие государства тот же разбойник Сталин навязал войну мужественному народу Германии и народам

других государств Европы.

Последствия для России этой еще незаконченной войны всем нам видны. Уничтожены миллионы лучших человеческих жизней — цвет русской земли, уничтожено все, что было создано трудом русского народа: промышленность, средства связи и передвижения, хлеб, жилища, громадное количество культурных учреждений и т. д. Эта война уже на первых ее этапах оказалась, безусловно, проигранной кучкой жидов и комиссаров, Сталин 3 июля 1941 года дал приказ насаждать освобожденные германскими войсками территории шайками партизан, основная цель которых — заниматься шпионажем, убийством военнопленных, обвиняемых в «измене родине», представителей новой власти, мирных жителей и даже детей. Грабежи и насилия — вот гнусная программа этих людоедов русского народа.

Таким образом, жестокая и несправедливая война жидов и комиссаров является войной не только против германского народа и других государств Европы, но и войной против самого русского народа. Доказательством этого неоспоримого факта является то, что действия лесных шакалов типа Капраловых и Арсеновых, Паниных и Советиных дезорганизующим образом тотчас же сказались на жизни населения. Это они, изверги человечества, не одну тысячу женщин оставили вдовами, а десятки тысяч детей — сиротами и многие тысячи людей лишили крова, пищи, одежды и обуви. Это они, людоеды, после «победоносного взятия деревень Шемякино и Тарасовки, которые бандитски были захвачены ими 30 апреля с. г. благодаря предательскому содействию со стороны убийцы Неплох В.П., ранее работавшего в Локотском отряде, и его приспешников — Попова Владимира (бывш. командир Шемякинского отрада — военнопленный), Машурова (бывш. староста д. Шемякино), Вдовенкова А.Г., Агеева П.С. и военнопленного Врацкого М. (бывш. бойцы Брасовского отрада), — за 5 дней расстреляли в этих деревнях до 115 человек, в т. ч. много женщин и детей. Добрая половина этих жертв предварительно без всякого суда и следствия была подвергнута жестокой экзекуции: сначала им отрубали пальцы рук и ног, выкалывали глаза и прокалывали шомполами уши, а через несколько дней совершенно измученных, истекающих кровью и уже полумертвых расстреливали.

Однако и этих зверств для них мало. Они посылают к нам своих шпионов, диверсантов и провокаторов с заданием совершать диверсии, поджоги, сеять в массах панику и убивать прежде всего руководящих работников новой власти, обещая им за их «героические подвиги» правительственные награды. За

подобные «подвиги» 5 мая в дер. Городище № 1 был расстрелян нами шпион и провокатор Лузняков И.П.

Подобных методов борьбы за подлый режим Сталина, методов массового и индивидуального террора, еще не знала история мирового человечества. Применяемые ими в неограниченном масштабе такие методы вынуждают нас отвечать на их экзекуции и террор беспощадным террором всего нашего народа, жаждущего спокойствия, мира и занятия свободным трудом.

Я верю в силу и мощь нашего народа, гнев и возмущение которого против действий скорпионов-партизан перешли всякие границы. Поэтому, от лица всего населения вверенного мне уезда я открыто заявляю, что на их террор, экзекуции и грабежи мы ответим удесятеренным террором, всей силой и мощью нашего огня и будем применять его до тех пор, пока на территории Локотского уезда не останется ни единого бандита.

Я призываю все население Локотского уезда посвятить себя борьбе с бандитизмом, неустанно разоблачая шпионов, диверсантов, террористов и провокаторов. Помогайте всеми имеющимися у вас средствами защищать вашу жизнь, жизнь ваших детей, имущество и землю, полученную вами в результате освобождения вас от большевизма Германской армией.

Только при выполнении этих необходимых условий возможна скорая и окончательная победа над всеобщим врагом русского народа — жидами и большевиками.

Настоящий приказ опубликовать в печати и широко обсудить среди населения.

Бургомистр Локотского Уезда

Каминский

ПРИКАЗ No 185 по Локотскому Уездному Управлению 23 июня 1942 года

При раскулачивании и даче твердых заданий по выполнению различного рода налогов у крестьян советской властью с нечеловеческой жестокостью производилось изъятие построек, скота, сельхоз. инвентаря и другого имущества.

В настоящий момент раскулаченные, твердозаданцы и другие обиженные советской властью возвращаются на места своих бывших жилищ.

В целях восстановления справедливости приказываю:

§ 1.

.Всем раскулаченным и твердозаданцам возвратить безвозмездно принадлежащие им ранее постройки всех видов: жилые дома, сараи, риги и прочее, а также сельхоз. инвентарь: молотилки, веялки, жатки, сеялки, подсобно-промышленные предприятия: мельницы всех видов, шерстобойки, крупосушки, прососушки и пр.

§2.

Ввиду того, что многих построек, в свое время отобранных, уже не существует, им предоставлять взамен из бывших колхозных строений, в целом виде или частично. Если дома были проданы, перестроены или использованы для общественно полезных нужд (на постройку школ, больниц, нужных для общества складов и бань), то им отпустить лесоматериал бесплатно с вырезкой и вывозкой за общественный счет.

§ з.

Бывшие колхозные постройки, необходимые для общественных нужд населению (склады, бани), а также употребленные для постройки школ и больниц с надворными постройками, ликвидации не подлежат. Остальные колхозные постройки могут быть ликвидированы, предоставляя таковые в первую очередь бойцам, работникам полиции, раскулаченным, пострадавшим от партизан, сотрудникам и беднейшему населению бесплатно.

§4.

Возвращению подлежат также и отнятые усадебные участки с находящимися на них садами и другими насаждениями.

Ответственность за выполнение настоящего приказа возлагаю на Волостных Старшин, Полицию, Старост и Уполномоченных.

Бургомистр Локотского Уезда

Б. Каминский

РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРИКАЗА № 185

23 июня с. г. по округу был издан приказ № 185 о возврате отобранных при советской власти построек и предприятий их бывшим владельцам.

С мест то и дело поступают запросы о том — распространяется ли этот приказ на города и рабочие поселки.

Разъясняю, что предприятия возвращаются лишь те, которые перечислены в приказе.

Что же касается жилых домов с надворными постройками, то они должны быть возвращены прямым владельцам или законным

наследникам, если эти дома не являются многоквартирными и не заняты общественно-полезными учреждениями (школы, больницы, клубы и т. д.) или военными организациями; многоквартирными домами считаются такие, которые имеют более двух квартир и большую жилплощадь, причем в многоквартирных домах может быть возвращена лишь часть дома, но не более двух квартир.

И, наконец, последнее разъяснение: постройки всех типов (будь то жилой дом или предприятие) возвращаются владельцам в том состоянии, в той технической годности, которую имеют постройки на день возврата, без какого бы то ни было ремонта за счет государства.

Зам. Обер-Бургомистра

С. Мосин

ПРИКАЗ No 3

по Военному Отделу Локотского Уездного Управления

6 июля 1942 года

На основании инструкции, утвержденной Обер-Бургомистром Локотского Уезда, приказываю:

§ 1.

Волостным старшинам Крупецкой, Хотеевской, Веребской, Глодневской волостей, Старосте Брасовского управления взять на учет мужчин в возрасте от 16 до 50 лет, а также медицинских и ветеринарных работников.

§2.

Явке на учет подлежат все без исключения, как-то: состоящие на гражданской службе, освобожденные по болезни Врачебной Комиссией, по многосемейности и т. п.

Примечание: Освобождаются от явки инвалиды, душевнобольные по предъявлении документов, а также находящиеся под стражей, последние обязаны стать на учет немедленно по освобождении.

§з.

Проживающие в пос. Локоть являются в Военный Отдел при Уездном Управлении, проживающие в селениях, подведомственных Уездному Управлению, — в Управление Брасовского Старосты.

§5.

Учет будет производиться с 8 по 13 июля с. г.

Не явившиеся без уважительных причин в указанные числа и

предъявившие при явке ложные документы о возрасте и т. п. будут предаваться военному суду.

Начальник Военного Отдела Г. Балашов.

Начальник Мобилизационного п.-отдела В. Белоусов.

ПРИКАЗ № 71 по Локотскому Окружному Самоуправлению от 28 сентября 1942 года

В продолжении 23-х лет Советская власть пыталась уничтожить религию в России. Закрывались церкви, ссылались священники, преследовались все верующие.

Уничтожить церкви было легко, но уничтожить религию Советской власти не удалось.

Только сейчас, когда русский народ стал чувствовать себя свободно, можно вернуть то, что было дорого и свято для религиозных людей. Учитывая большое количество верующих в Локотском Округе приказываю:

§ 1

Всем Старшинам и Старостам приступить к ремонту церквей.

§ 2

Ремонт церквей производить за счет добровольных пожертвований верующих.

Обер-Бургомистр Комбриг /Б. Каминский/

ПРИКАЗ № 108 по Локотскому Окружному Самоуправлению

28 октября 1942 года об обязательном обучении детей.

В целях расширения дела народного просвещения и поднятия культурного уровня населения, приказываю:

§ 1.

С 1 ноября с. г. ввести по округу обязательное обучение для всех детей, в объеме 7 классов средней школы.

§ 2.

Для обеспечения наиболее полного охвата детей обучением, старосты обязаны организовать подвоз учащихся к школам или открыть интернаты при школах для детей, живущих далее 3-х километров от школы.

§3.

При непосещении школ детьми, без уважительных причин, родителей подвергать штрафу до 500 рублей в пользу государства, причем уплата штрафа не избавляет от обязательного посещения школы.

§4.

Данный приказ не распространяется на те селения, которые являются передовыми позициями на фронтах борьбы с партизанщиной, а также на те населенные пункты, где школьные здания заняты воинскими частями или уничтожены в ходе военных действий.

§5.

Органам Народного Просвещения провести прикрепление учащихся к ближайшим семилетним школам и вести постоянный контроль за выполнением настоящего приказа.

§6.

Ответственность за выполнение настоящего приказа возлагаю на бургомистров районов, старшин волостей, директоров школ и старост местных управлений.

Обер-Бургомистр Локотского Округа

Комбриг Б. Каминский.

ПРИКАЗ № 112 по Локотскому Окружному Самоуправлению

2 ноября 1942 года

С 2-го ноября 1942 года приказываю перевести часы на один час назад. Начало и окончание работы остается прежним.

Обер-Бургомистр Локотского Округа

Комбриг Б. Каминский.

ПРИКАЗ № 124 по Локотскому Окружному Самоуправлению

9 ноября 1942 года О награждениях

5 ноября с. г. лесные бандиты пытались поднести «подарок» великому бандиту Сталину-Джугашвили, к 25-летию угнетения русского народа, сделав попытку уничтожить нашу роту 3 батальона, расположенную в Кокушкино.

Несмотря на численный перевес бандитов, скопившихся в количестве 4-х отрядов, в которых было более, чем 1000 головорезов-бандитов, хорошо вооруженных, — наша славная рота, под руководством храброго командира 3 батальона г-на Тарасова не только отразила атаку бандитов, но и нанесла им сильный урон в людском составе и технике.

После шестичасового боя противник понес большие потери — более 50 человек убитыми, много ранено, на поле боя было брошено вооружение.

За такое блестящее дело по уничтожению озверевших бандитов, приказываю:

§ 1.

Объявить всему составу роты, от лица Командования Самоуправления, — благодарность.

§2.

Командиру 3 батальона Тарасову приказываю представить мне особо отличившихся бойцов роты, для награждения орденами.

§3.

Командира 3 батальона Тарасова представляю к награде орденом.

§4.

Выдать всему составу роты денежную премию в размере месячного заработка.

§ 5.

Выражаю соболезнование семьям погибших героев: Данькова Николая Петровича и Рябыкина Николая Федоровича.

Их семьям, проживающим в с. Дубровке, приказываю выдать денежное пособие — по 1000 рублей и по 5 пудов ржи.

§6.

Настоящий приказ прочесть во всех батальонах, ротах и воинских соединениях.

Обер-Бургомистр Комбриг Б. Каминский.

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ о похозяйственном налоге на 1943 год

Утверждаю:

Обер-Бургомистр

Локотского Округа

Б. Каминский.

Ввиду увеличения потребности в средствах с введением новых отделов и в связи с необходимостью постановления промышленности Округа, ПРИКАЗЫВАЮ:

§ 1.

Установить на 1943 год обложение похозяйственным налогом следующих категорий хозяйств и лиц и ставки налогов.

	Основная ставка налога		Сумма твердой ставки за наличие в хозяйстве		
	При семье до 5 чел.	При семье свыше 5 чел.	Лошади	Сада — за одно дерево	Пчел — за одну семью
1. Категории, связанные с сельским хозяйством:					
при одном трудосп особном	1200	800	500	10	100
при двух трудоспособных	1700	1300			
при трех и более трудоспособных	2400	1900			

2. Категории, имеющие только усадебную землю и свой дом (до 25 сотых) как в сельской, так и в городской местности:					
при одном трудоспособном	**600**	**450**	**500**	**10**	**100**
при двух трудоспособных	**750**	**600**			

ПРИМЕЧАНИЕ: Рабочие и служащие, получающие зарплату до 250 руб., от налогов освобождаются.

§ 2.

Установить следующие льготы по налогу:

Освобождаются от уплаты похозяйственного налога: а),сироты, не достигшие 15 лет, живущие самостоятельно; б),инвалиды 1-й группы, престарелые мужчины от 60 лет, женщины от 55 лет и старше, при отсутствии в семье трудоспособных членов; в),лица, не имеющие построек, скота, не пользующиеся огородом.

Предоставить скидки: а),награжденным знаками отличия Германского командования — 50 проц.; б),семьям инвалидов 2-й группы, при наличии только одного трудоспособного члена семьи — 25 проц.; в),семьям лиц, глава семьи которых сослан НКВД по 58 ст. УК и не вернулся из ссылки к 1 января 1943 года — 25 проц.

ПРИМЕЧАНИЕ: Льготы не распространяются на детей сосланных, если эти дети в данное время вышли из состава семьи и живут самостоятельно. г).Лицам и хозяйствам, имеющим на своем иждивении несовершеннолетних сирот — 25 проц.; д).семьям, у которых в борьбе с партизанами погиб глава семьи, при отсутствии трудоспособных — 100 проц.; при одном трудоспособном — 75 проц.; при двух трудоспособных — 50 проц.; при гибели трудоспособного члена семьи — 30 проц.

В случае, когда главой семьи является женщина, имеющая детей только до 5 лет включительно, при отсутствии других трудоспособных членов предоставляется скидка — 50 проц.

При наличии детей, кроме 5 лет и других несовершеннолетних и отсутствии трудоспособных, предоставляется скидка — 25 проц.

Указанные скидки применяются ко всем трем категориям налогоплательщиков.

ПРИМЕЧАНИЕ: При определении состава семьи и трудоспособных в расчет не принимаются члены семьи, отсутствующие по мобилизации, по вербовке в Германию и без

вести пропавшие, а женщины, имеющие детей до 5 лет, считаются нетрудоспособными.

При обложении налогом садов, в расчет принимаются только плодоносящие деревья, причем сады до 5 деревьев не облагаются, сады же при 5 и более деревьях облагаются налогом полностью.

Племенные жеребцы в обложение не включаются.

Сроки платежей: квартал — 20 проц. к 15 февраля,
квартал — 30 проц. к 15 мая,
квартал — 30 проц. к 15 августа,
квартал — 20 проц. к 15 ноября.

Нач. Окрфинотдела
Баранов.

ПРИКАЗ № 118 от 6 ноября 1942 года

Всем лицам, имеющим право найма и увольнения на территории Локотского Округа, запретить самовольный набор рабочих и служащих, а таковой производить только по заявкам через местную Районную Биржу Труда. Увольнение рабочего или служащего отделом или предприятием производится по согласованию с Биржей Труда.

Конфликты, возникающие между нанимателем и рабочим или служащим, разрешаются Отделом Труда, решение которого является окончательным для обеих сторон.

Обер-Бургомистр Комбриг Каминский.

ПРИКАЗ № 77 по Локотскому Районному Самоуправлению С. Брасово 15 мая 1943 года

Наличие лесных банд в Округе потребовало наиболее трудоспособную часть населения привлечь на защиту того, что было дано нам немецкой армией-освободительницей, благодаря чего в настоящее время для выполнения важнейших государственных заданий ощущается недостаток в рабочей силе, а поэтому приказываю:

§ 1.

Обеспечение промышленности Локотского Округа топливом требует рабочую силу, для чего на территории Локотского района ввести обязательную трудовую повинность для всех трудоспособных граждан, в возрасте для мужчин от 15 до 65 лет и

для женщин от 16 до 55 лет.

§2.

В первую очередь к обязательной трудовой повинности привлечь граждан, проживающих на территории района, не связанных с сельским хозяйством, а также эвакуированных из прифронтовой полосы и из партизанской зоны...

§5.

Отказ от работы карается по законам военного времени.

Бургомистр Брасовского района

/Морозов/

ПРИКАЗ № 217 по Локотскому Окружному Самоуправлению

от 26 июля 1943 года

Систематические плановые задания по посеву, уборке и сдаче военных сборов государству не выполнены в Авчушанском старостате за счет дер. Глушья, дер. Фошня, х. Городище. Эти селения занимались кустарным производством глиняной посуды, деревянных борон и лаптей... предпочитая спекуляцию на рынке в ущерб своему непосредственному долгу... С другой стороны, в районе имеется часть населения, которая не имеет земли, но желает ее обрабатывать...

§ 1.

К 10 августа представить списки домохозяев, не выполнивших планов посева яровых культур.

§2.

Указанных в списках Райземотдела домохозяев лишить земли и лошади, исключить их из членов общества и направить в другие области для выполнения общественных и военных работ.

Обер-Бургомистр Округа диплом, инженер Комбриг Каминский.

ПРИКАЗ № 232 по Локотскому Окружному Самоуправлению

от 5/VIII-43 года

Всем начальникам отделов, управлений и хозяйств Локотского Самоуправления

Предлагаю всем под личную ответственность пересмотреть все архивы Самоуправления и разобрать его для уничтожения и дальнейшего хранения.

§ 2.

Сжиганию подлежат все документы и отчетности, перевозка которых в гор. Лепель не вызывает необходимости. Документы денежной, приказной отчетности, а также судебные приговоры должны быть сохранены и подготовлены к упаковке.

§3.

Срок исполнения двухдневный, к 8 августа с/г.

П./П. обер-бургомистра округа Комбриг /Каминский/.

notes

Примечания

1

Цит. по: Козлов. Русский народ и Красная армия // Материалы по истории русского освободительного движения: Сб. статей, документов, воспоминаний / Под общ. ред. А.В. Окорокова. М., 1999. Вып. 4. С. 217.

2

В сердце «Виддера» // Чекисты. М., 1970. С. 266, 267.

3

Васильев А.Н. В час дня, ваше превосходительство... М., 1970. С. 5.

Там же. С. 470.

5

Васильев А.Н. В час дня, ваше превосходительство... М., 1970. С. 472.

Steenberg S. Vlasov. New York, 1970; Стеенберг С. Власов. Мельбурн, 1974; Штеенберг С. Генерал Власов. М., 2005.

Муноз А. Бригада Каминского. М., 1997.

Хоффман И. История власовской армии. Париж, 1990.

Cooper M, Nazi war against sowiet partisans. New York, 1979.

10

Солженицын А.М. Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1989. Т. 1—2. С. 249-250.

Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков, 1990.

Дробязко С. И. Русская Освободительная Армия. М., 1998.

13

Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, воспоминаний, документов / Под общ. ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. 2.

Ермолов И.Г. Локотская республика и Бригада Каминского, или «Шумел не просто брянский лес». Орел, 1999.

Ермолов И.Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика. М., 2001.

Александров К.М. Оккупация отдельно взятого региона // Посев. 2002. № 5. С. 42-45.

Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991.

Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Семенов К.К. Войска СС. М., 2004.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941-1944. М., 2004.

Соколов Б.В. Оккупация. М., 2002.
1 1

Веревкин С Вторая мировая война: вырванные страницы. М., 2006.

Грибков И.В. Локотская «республика» // Под оккупацией в 1941—1944 гг.: Сб. статей и воспоминаний / Под ред. Б.С. Пушкарева. М., 2004; Он же. Хозяин брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская Освободительная Народная Армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008.

См., напр.: Сычев Г. Русская Освободительная Нарбдная Армия // http://www.comrades.hl.ru.

Веревкин С. Локотская альтернатива // Парламентская газета. 2006. 22 июня.

Макаров ВХристофоров В. Дети генерала Шмидта // Родина. 2006. № 10. С. 86—94.

27

См., напр.: Смыслов О.С. Проклятые легионы: изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006. С. 93, 94.

Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004.

Там же. С. 117, 127.

Катанов В. Орловские были. Орел, 1992.

Квицинский Ю.А. Генерал Власов: путь предательства. М., 1999.

Дюков А. «Die Aktion Kaminsky»: Л окоте кое «самоуправление» и создание бригады РОНА // Мифы Великой Отечественной: Военно-исторический сборник / Под ред. Г. Пернавского. М., 2008. С. 147—193.

33

См.: Филатов В.И. Власовщина РОА: белые пятна. М., 2005. С. 85, 87.

См.: Партизаны Брянщины: Сб. документов и материалов / Под ред. В.К. Соколова. Брянск, 1959. Т. 1; Брянск, 1962. Т. 2.

35

См.: За линией фронта: Сб. воспоминаний / Под ред. З.Я. Сидельниковой. Тула, 1968; Незримого фронта солдаты: Сб. воспоминаний / Под ред. И.Я. Мере нова. Тула, 1971; Лнищенко Е.Н. Партизанская республика. Тула, 1992.

36

См., напр.: Федосов А. «Республика» карателей // Труд-7. 2002. 30 апреля; Багалейша ОСажнева Е. Сладкий сон палача // Московский комсомолец. 2005. 2 декабря.

37

ГАБО. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 1. Лл. 30.

38

ЛАЕ. Осипов Б. Хозяйственная деятельность в имении (рукопись).

39

ЛАЕ. Осипов Б. Хозяйственная деятельность в имении (рукопись).

40

ЛАЕ. Парк имения. Неизвестный автор (рукопись).

41

ЛАЕ. Осипов Б. Хозяйственная деятельность в имении (рукопись).

ЛАЕ. Осипов Б. О богатстве Романовского имения (рукопись).

Здесь и в дальнейшем цитирование производится в полном соответствии с текстом оригинала с сохранением орфографии, пунктуации, стиля.

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

ЛАЕ. Осипов Б. О богатстве Романовского имения (рукопись).

Там же.

Исключение могут составлять лишь отдельные предметы незначительной ценности, которые до сих пор можно встретить в домах локотских жителей, а также чудом сохранившиеся полотна. Так, несколько картин С.Ю. Жуковского в настоящее время находятся в музее «Путевой дворец» г. Твери.

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

3 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

Там же.

51

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

Там же.

53

См.: Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 198-200.

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

55

Цит. по: Гофман И. Сталинская война на уничтожение. М., 2006. С. 248.

Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. С. 174.

См.: Гофман И. Указ. соч. С. 248.

58

Там же. С. 249. Согласно варианту доклада Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецких захватчиков, за время войны было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, более 70 тысяч сел и деревень, взорваны и приведены в негодность 32 тысячи промышленных предприятий, 65 тысяч километров железнодорожных путей, опустошено 100 тысяч колхозов и совхозов, тысячи МТС. Прямой ущерб, нанесенный СССР Германией, оценен в 700 млрд рублей в довоенных ценах. В то же время за все послевоенные годы советское правительство не взяло на себя ответственность ни за одно разрушенное в соответствии с приказом Сталина здание, ни за один взорванный партизанами километр железной дороги — нанесенный стране материальный ущерб всецело приписан Германии.

59

Исследователи приводят порой самые невероятные факты сотрудничества советских граждан с врагом на территории Орловской области. Так, в одной расквартированной в Ливенском районе немецкой части на положении «сына полка» служил 12-летний украинский мальчик Сашко. Он с гордостью носил специально пошитую для него немецкую форму, в его обязанности входил уход за лошадьми. См.: Таратухин К.Л. Ливны при немцах // Под оккупацией в 1941 — 1944 гг.: Сб. статей и воспоминаний / Под ред. Б.С. Пушкарева. М., 2004. С. 68—69.

Ермолов И.Г., Дробязко С.И.*Указ. соч. С. 4.*

61

См.: Морозов В.К. Врагу от нас не уйти // Незримого фронта солдаты: Сб. воспоминаний / Под ред. И.Я. Меренова. Тула, 1971. С. 177-178.

Штеенберг С. Указ. соч. С. 107.

Казанцев А.С. Указ. соч. С. 61.

См.: Голос народа. 1942. 25 ноября.

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

Там же.

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

Цит. по: Наш Брянск. 2006. 6 октября.

Там же.

71

Редлих Р.Н. В бригаде Каминского // Материалы по истории русского освободительного движения / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. 2. С. 432.

Там же.

См.: Голос народа. 1942. 5 ноября.

См.: Григоров М.С. Грозовые дни // Незримого фронта солдаты: Сб. воспоминаний / Под ред. И.Я. Меренова. Тула, 1971. С. 248.

ЛАЕ. Приказ № 53 от 1 марта 1942 года.

См.: Ковтун И. Партизаны Брянщины: мифы и правда // Эхо войны. Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007.

№ I. с. 26.

77

Голос народа. 1942. 25 июля.

Наш Брянск. 2006. 6 октября.

Дмитровская газета. 1942. 29 августа.

Александров К.М. Указ. соч. С. 43.

81

ЛАЕ. Список рабочих и служащих Локотского районного самоуправления по состоянию на 1 февраля 1943 года (копия).

82

Навлинский райком ВЛКСМ в отчете ЦК ВЛКСМ о работе Навлинской районной комсомольской организации в тылу врага приписал факт избрания «неугодного» волостному старшине старосты усилиям комсомольцев. См.: Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 232.

83

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 18.

Голос народа. 1942. 15 ноября.

85

Речь. 1942. 25 ноября.

86

ЛАЕ. Приказ № 135 от 17 ноября 1942 года (копия).

87

ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 42. Л. 199, 201.

88

Севский листок. 1942. 7 октября.

89

ЛАЕ. Справка КС. Пурыгина (подлинник).

См.: Русанов В. Брянский районный арбитражный суд // Речь. 1943. 2 июня; Рыбаков. О суде города Орла // Речь. 1942. 5 июля.

91

! ЛАЕ. Приказ № 118 от 20 апреля 1943 года (копия).

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

93

ЦНИБО. Ф. 1650. On. 1. Д. 4. JI. 8. Факты убийства и пыток мирных граждан. Из акта от 22 октября 1945 г. (копия).

ГАБО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Т. 2. Л. 276.

95

ГАБО. Ф. 6. Оп. 1. д. 54. Т. 1. Л. 20.

Там же. Л. 22.

Там же. Л. 23.

98

Из рассказа А.М. Макаровой Н. Федчуку: «В нашей семье много детей. И все мы Парфеновы. Я — старшая, как у Горького, рано вышла в люди. Такой букой росла, неразговорчивой. Пришла как-то в школу деревенскую, в первый класс, и фамилию свою позабыла. Учительница спрашивает: «Как тебя зовут, девочка?» А я знаю, что Парфенова, только сказать боюсь. Ребятишки с задней парты кричат: «Да Макарова она, у нее отец Макар». Так меня одну во всех документах и записали».

Цит. по: Багалейша О., Сажнева Е. *Указ. соч.*

Цит. по: Багалейша О., Сажнева Е.*Указ. соч.*

101

См.: Орловская правда. 1943. 4 июля.

102

См.: Волков Я., Прудников И. Палачи // Орловская правда. 1943. 28 июля.

103

См.: Венчалов С. Трагедия в деревне Кокаревка // Орловская правда. 1943. 14 июля.

104

Голос народа. 1942. 15 ноября.

Справедливости ради следует отметить, что с не меньшим усердием и советская сторона пропагандировала национальную неполноценность немцев с той лишь разницей, что установки германских нацистов относительно народов «низших» рас фигурировали в документах с грифом «для служебного пользования», а советские нацистские измышления пропагандировались как в массовых газетах, так и в листовках. Искусно вуалируя свою «расовую теорию» под «священную ненависть», Советский Союз напрочь отказывал представителям немецкой нации в праве считаться людьми. Особенно в этом постарался сталинский придворный писатель и журналист И.Г. Эренбург. В своих многочисленных статьях, возведенных в догму, он называл немцев «дикими животными», «животными в очках», «учеными животными», «дикими зверями», «двуногими скотами», «арийскими скотами», «подсвинками», «бешеными волками», «серо-зелеными гадами» и т. д. Причем распространял эти характеристики не только на национал-социалистов, но и на немецкую нацию в целом (см.:*Эренбург И.Г.* Война: Сб. статей. М., 2005). В частности, 13 августа 1942 г. в газете «Красная звезда» он писал: «Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами... Не жить нам, пока живы эти серо-зеленые гады. Нет сейчас ни книг, ни любви, ни звезд, ничего, кроме одной мысли: убить немцев. Перебить их всех. Закопать. Тогда уснем». 24 июня 1942 г. в той же «Красной звезде» Эренбург выражался в подобном тоне: «Мы поняли: немцы не люди... Будем убивать... Если ты убил одного немца, убей другого...» Даже активный представитель советской военной пропаганды Гроссман упрекнул Эренбурга в том, что тот не видит разницы между немцами и, с другой стороны, фашистами и гитлеровцами. А шведская газета «Дагпостен» вынуждена была заметить, что «Эренбург держит все рекорды в интеллектуальном садизме». См.:*Гофман И.* Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. М., 2006. С. 168.

106

См.: Голос народа. 1942. 1 декабря.

107

Там же.

Схожую характеристику «коммунистическому фашизму» дал эмигрант А.С. Казанцев: «При коммунизме нельзя молчать. Молчание там расценивается как вражеская вылазка. Логика простая — если человек молчит, значит, он о чем-то думает и, очевидно, такое, что это говорить нельзя. Значит, это враг, а с врагами... ну, и так далее. Там нельзя молчать — нужно все время ликовать, торжествовать, благодарить «вождя и учителя», партию и правительство за безоблачное счастье, за непрерывную радость созданной ими жизни... Учащаяся молодежь должна ликовать и благодарить, когда ее введением платы за учение выкидывают из университета к фабричному станку, ликовать и благодарить должны женщины, когда правительство сокращает отпуск, полагающийся им по беременности, ликовать и благодарить должны рабочие, когда указом правительства их ставят в положение более горькое и бесправное, чем положение китайского кули, ликовать и благодарить должна вся страна, когда партия и правительство осчастливят ее новым займом, в результате которого двухнедельный, а то и месячный заработок трудящегося государство перекладывает в свой карман...» (Казанцев А.С. Указ. соч. С. 184).

Казанцев А.С. Указ. соч. С. 68.

110

В статье «Манифест напечатан», опубликованной в «Голосе народа» 1 декабря 1942 г., говорится, что данный приказ был обращен к партизанам, призывая их «бросить лесную, волчью жизнь и возвращаться к своим семьям». По-видимому, журналист или не был знаком

111

1 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79—89; Голос народа. 1942. 1 декабря.

Ермолов И.Г., Дробязко С.И. Указ. соч. С. 19, 20.

В ряде документов — Национал-социалистическая трудовая партия России.

См.: Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941-1944. М., 2004. С. 324.

115

Англо-американская помощь.

116

Сельский коммунист.

117

Уши НКВД.

118

Голос народа. 1942. 15 ноября.

119

Дмитровская газета. 1942. 25 июля.

Так в тексте. Правильно — Вощило.

121

По-видимому, составители листовки путают НСПР с мнимым Русским комитетом, обращение от имени которого подписали А.А. Власов и В.Ф. Малышкин.

122

1 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 391—393.

123

Октан М. Является ли эта война отечественной для народов России? Орел, 1942. С. 14.

124

1 ЛАЕ. Приказ № 29 (копия).

125

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.ЛАЕ. Приказ № 45 (копия)

126

ЛАЕ. Приказ № 154 по Локотскому Уездному Управлению от 28 мая 1942 г. (копия).

127

Так, к осени 1943 года, накануне переброски бригады Каминского в Витебскую область, белорусские партизаны фактически перекрыли тылы 3-й танковой армии. Лишь благодаря тому, что в бой с партизанами были введены части РОНА, германским войскам на этом участке фронта удалось избежать катастрофы. См.: Ермолов И.Г., Дробязко С.И. Указ. соч. С. 94.

128

См.: Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 42-43.

129

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 108

Подобные партизанские «отряды» действовали и в других регионах. Так, на Украине промышляла «особая партизанская бригада» Чернова, дважды судимого за бандитизм. Она была сформирована в Москве из осужденных к срокам от 3 до 10 лет. Во время стажировки в Москве в Чернышевских казармах «бригада» в количестве 90 человек удивляла москвичей кутежами, дебошами, поножовщиной. Другую «особую партизанскую бригаду» из 120 заключенных возглавил уголовник Грабмак по кличке Покоритель Шпицбергена, в прошлом — взломщик касс, грабитель, в 1937 году был приговоренный к расстрелу, который затем заменили 10 годами лишения свободы. «Бригада» также прошла полуторамесячное обучение в Москве, после чего была переброшена в немецкий тыл на территорию Украины. См.: Гогун А.С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941 — 1944 гг. М., 2004. С. 29.

131

Оперировавший в Суземском районе Кокоревский партизанский отряд имел на вооружении один пулемет Дегтярева, 70 винтовок с патронами от 60 до 100 штук на винтовку, 17 гранат, 5 револьверов и пистолетов.

132

Цит. по: Гогун А.С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941 — 1944 гг.: Сб. статей и воспоминаний / Под ред. Б.С. Пушкарева. М., 2004. С. 22.

133

ЛАЕ. Приказ № 96 по Управлению Локотского Уезда, Орловской губернии от 9 апреля 1942 года (копия).

134

См.: Голос народа. 1943. 8 января.

135

Ляпунов Н.И. В ночь под Рождество // Партизаны Брянщины. Т. 1. С. 419.

Там же. С. 420.

137

См.: Бюллетень. Орган Локотского Окружного Самоуправления. 1943. 1 февраля.

См.: Ляпунов Н.И. Указ. соч. С. 421.

139

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

См.: Фирсанов К.Ф. Указ. соч. С. 128.

141

См.: Бюллетень. Орган Локотского окружного самоуправления. 1943. 1 февраля. N° 2—3.

142

ГАБО. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

143

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 103.

144

ЛАЕ. Партизаны и партизанки: Листовка (типогр. экз., подлинник).

145

Голос народа. 1943. 20 июня.

См.: Голос народа. 1942. 10 октября.

147

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 22.

148

ЛАЕ. Заявление Ф.А. Ракитина (копия).

149

Дмитровская газета. 1942. 29 августа.

150

Там же. 1942. 25 июля.

151

Голос народа. 1942. 5 ноября.

152

Дмитровская газета. 1942. 29 августа.

153

Бюллетень. Орган Локотского окружного самоуправления. 1943. 1 февраля.

См.: Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 192.

155

См.: Севский листок. 1942. 7 октября.

Впоследствии, в марте 1943 г., в Тарасовке и Шемякине дислоцировался гарнизон 1-го полка РОНА. ГАБО. Ф. 2521. On. 1. Д. 2. Л. 31.

157

См.: Забельский М.А. На «малой земле» // Незримого фронта ' солдаты. С. 263.

158

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 166. Л. 9.

159

Морозов В.К. Врагу от нас не уйти // За линией фронта: Сб. воспоминаний / Под ред. З.Я. Сидельниковой. Тула, 1968. С. 136—137.

160

ЦНИБО. Ф 479. Оп. 1. Д. 166. Л. 9.

161

ЛАБ. Приказ № 32 (копия).

Макаров В., Христофоров В. Указ. соч. С. 91.

163

Там же.

164

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 166. Л. 10.

165

См.: Голос народа. 1943. 20 июля.

166

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 166. Л. 10.

168

См.. Дробязко С. И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 192.

169

! См.: Голос народа. 1942. 5 августа.

См.: Дмитровская газета. 1942. 11 ноября.

171

Там же. 14 ноября; ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

172

См.: Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 192.

173

См.: Голос народа. 1942. 15 ноября.

174

ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

175

См.: Ермолов И.Г., Дробязко С.Я. Указ. соч. С. 85—86.

176

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 747. Л. 2-4.

177

ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 42. Л. 55.

Там же. Л. 56.

Там же. Л. 57.

Там же. Л. 66.
7 И.Г. Ермолов

181

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 166. Л. 10.

182

Добровольческий полк «Десна» (полк ЦБВ — zur besonderen Verfugung, полк майора Вейзе) был сформирован в конце июля 1942 г. в городе Орджоникидзе граде (Бежице) немецким майором Вейзе из числа военнопленных. По замыслу полк формировался как украинский, однако ввиду того, что в него вступило немало русских и военнопленных других национальностей, от первоначального названия пришлось отказаться. На июнь 1943 г. полк включал три батальона: 615, 616, 617-й, 621-й артдивизион в составе трех батарей, имевших на вооружении 45, 76 и 122-мм орудия, кавалерийский эскадрон, отряд особого назначения (разведывательно-диверсионная школа), саперный взвод, взвод связи, хозвзвод и роту снабжения. Общая численность полка составляла, по различным данным, от 2500 до 3000 человек.

Фирсанов К.Ф. Указ. соч. С. 79.

См.: Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 438—439.

Морозов В.К. Указ. соч. С. 140.

Штеенберг С. Генерал Власов. С. 108—109.

187

Цит. по: Фирсанов К.Ф. Как ковалась победа // За линией фронта. С. 79—80.

Анищенко Е.Н. Партизанская республика. Тула, 1992. С. 176.

189

См.: В сердце «Виддера». С. 260.

190

См.: В сердце «Виддера». С. 264.

191

Там же. С. 262.

Там же. С. 268.

Ермолов И.Г., Дробязко С.И. Указ. соч. С. 89.

См.: Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 446.

195

См.: Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 197.

196

Е.Н. Анищенко в своей книге дважды повторяет один и тот же эпизод расправы с бургомистром Навли, называя каждый раз различные даты — 14 декабря и 28 ноября 1941 г. См.: Анищенко Е.Н. Партизанская республика. С. 25, 39.

197

ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 115. Л. 3.

См.: Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 447.

199

Голос народа. 1942. 15 ноября.

200

Голос народа. 1942. 20 ноября.

201

ЦНИБО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 4. Л. 76.

202

По Б.Н. Ковалеву, отряд Васильева, называвшийся также подпольной организацией «За Родину», включал не менее 200 человек. Именно такое количество подпольщиков было арестовано после провала организации. См.: Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941—1944. М., 2004. С. 151.

203

ЦНИБО. Ф. 1672. Оп. 1. Л. 77.

204

ЦНИБО. Ф. 1672. Оп. 1. Л. 77об.

205

См.: Григоров М.С. Грозовые дни // Незримого фронта солдаты. С. 245-246, 248.

Там же. С. 253—256.

См.: Анищенко Е.Н. Указ. соч. С. 254.

208

Голос народа. 1943. 20 июля.

209

См.: Речь. 1943. 7 марта.

Ермолов И.Г., Дробязко С.И. Указ. соч. С. 93.

211

ЛАЕ. Приказ № 62 по Бригаде Народной Армии Локотского Округа. 10 апреля 1943 года (копия).

См.: Рытое Л.Г. Рыцари пятого океана // http://rnilitera.Iib.ru/memo/Russian/rytov/17.html.

213

Там же.

215

Цит. по: Грибков И.В. Указ. соч. С. 71.

216

Там же.

217

Там же.

Там же. С. 72.

По свидетельству семьи Комаровых, по прибытии на одну из станций в Белоруссии гражданские лица совершили утомительный пеший переход, пройдя несколько километров до Сенного. Там их разместили под открытым небом, затем, так же пешком, повели на Чашники, а оттуда, опять-таки после ночевок на улице, — в Лепель. Там часть бойцов РОНА и их семьи поселили на квартирах, а гражданским лицам отвели малопригодные для жилья строения. Например, Комаровы вместе с другими беженцами поселились в водонапорной башне. Жить приходилось впроголодь, работы не было, корову, которую удалось взять с собой, пришлось зарезать.

219

ЛАЕ. Протокол допроса М.П. Кайдалова (копия).

220

ЛАЕ. Протокол допроса И.Г. Хомякова (копия).

221

В сердце «Виддера». С. 275.

Цит. по: Грибков И.В. Хозяин брянских лесов. С. 72.

223

ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 50. Л. 51.

См.: Макаров В., Христофоров Я. Указ. сон. С. 88.

Редлих Р.Н. Указ. сон. С. 435.

См.: Шуляков В.А. Деятельность местных органов советской власти на освобожденной от немецко-фашистской оккупации территории в годы Великой Отечественной войны (1942—1945 гг.): Дис... канд. ист. наук. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт, 1978. С. 25.